

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКЦИЯ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИКТАНТ
СОСТОИТСЯ

9 ОКТЯБРЯ

2019 ГОДА

Акция организована Вольным экономическим обществом России при участии Международного союза экономистов, Финансового университета при Правительстве РФ, Московского авиационного института, других ведущих вузов России, администраций субъектов Российской Федерации и призвана оценить уровень экономической грамотности населения и содействовать его повышению.

Всероссийский экономический диктант ежегодно проводится во всех субъектах Российской Федерации, а также в других странах. В акции могут принять участие не только школьники и студенты, но и все желающие — люди любого возраста и профессий.

Подготовиться к Диктанту, узнать адреса площадок его проведения, а также зарегистрироваться на онлайн-версию Диктанта можно на сайте — <https://diktant.org>

ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ 2019

FREEECONOMY.RU

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА №11

№11 июль — сентябрь 2019

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

FREEECONOMY.RU

ЖУРНАЛ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

↓
**ФРОНТМЕН
НОМЕРА:**

ЖАН ТИРОЛЬ
ЛАУРЕАТ
НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ ПО
ЭКОНОМИКЕ

FEATURED PERSON:
JEAN TIROLE,
NOBEL LAUREATE
IN ECONOMICS

СТР. 40

→
75
ЛЕТ БРЕТТОН-
ВУДСУ

ЧТО В ОСТАТКЕ?

BRETTON WOODS
IS 75
WHAT'S LEFT?

СТР. 102

↓
**КАК
СЛЕЗТЬ С
ЗЕРНОВОЙ
ИГЛЫ**

ИННОВАЦИОННОЕ
СЕЛЬСКОЕ
ХОЗЯЙСТВО

HOW TO GET OFF
THE GRAIN NEEDLE
INNOVATIVE
AGRICULTURE

СТР. 84

**ГЛАВНОЕ
О МОСКОВСКОМ
АКАДЕМИЧЕСКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФОРУМЕ
— МАЭФ**
Key Points of Moscow
Academic Economic Forum
(MAEF)
СТР. 12

ОСТОРОЖНО: СТАГНАЦИЯ!

BEWARE OF STAGNATION! / FOR HOW LONG WILL RUSSIA CONTINUE TO FACE IT?

ПОДПИСКА НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ВЭО РОССИИ

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки podpiska.pochta.ru

Журнал «Вольная экономика»

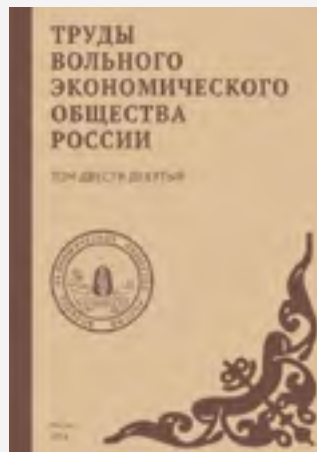
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПА008

Научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей.

Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учеными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте <http://freeeconomy.ru>

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999

В Научных трудах ВЭО России публикуются материалы круглых столов и конференций ВЭО России, статьи ведущих ученых и специалистов по актуальным проблемам экономики.

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии

Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» были включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Научные труды ВЭО России

представлены в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и научной электронной библиотеке elibrary.ru

Тома Научных трудов размещены на сайте ВЭО России (раздел «Библиотека») www.veorus.ru

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation The Proceedings of the Free Economic Society of Russia have been included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications tasked with publishing main scientific results of candidate's and doctoral dissertations.

The Proceedings of the Free Economic Society of Russia are represented within the Russian science citation index (RSCI) system and the science electronic library, elibrary.ru

The Proceedings of the Free Economic Society of Russia is available by subscription at any post office of the Russian Federation or online, at <http://vipishi.ru>

The index of The Proceedings of the Free Economic Society of Russia in the Catalog of the Russian Press is 10920

SUBSCRIBE TO FREE ECONOMY (FREEECONOMY.RU)

Free Economy's index
IN THE CATALOG OF THE RUSSIAN PRESS IS 24513

A special place in the media space. An authoritative magazine for authoritative people who make decisions in the economic sphere.

Free Economy is available by subscription at any Russian Federation post office or online at <http://vipishi.ru>

Interviews, news and analytics published in print version of the magazine as well as numerous additional materials are available at freeeconomy.ru

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

INFORMATION ON THE JOURNAL FREE ECONOMY

Главный редактор

Сергей Дмитриевич БОДРУНОВ
Президент ВЭО России,
президент Международного
союза экономистов, директор Института
нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Журнал издается под патронажем
Международного комитета ВЭО России

Шеф-редактор Андрей Прокофьев
Арт-директор Егор Морозов
Корректор Наталья Медведенко

Над номером работали

Елена Березина, Сергей Брель,
Кира Камнева, Леонид Кулешов, Ольга
Ремова, Алексей Савин, Марина Тальская,
Надежда Толстоухова, Андрей Травин
Фото: Shutterstock, если не указано иное

Издатель и редакция

Общероссийская общественная
организация
«Вольное экономическое общество России»

Адрес: Москва, ул. Тверская, 22а

Редакционный директор

Маргарита Ратникова

Директор по развитию

Анна Бобина

Телефон: +7 (495) 609-07-60

Электронная почта: INFO@VEORUS.RU

№ 11 (июль – сентябрь 2019)

Зарегистрировано в Роскомнадзоре 01.11.2017

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-71537

Учредитель ООО «ИнвестКонсалт»

Подписано в печать 26.08.2019

Выход в свет 05.09.2019

Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии «ИСПО-принт».

Адрес: Москва, ул. Щипок, 28

16+

Редакционный совет

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, советник
Президента Российской Федерации, академик РАН

Р. С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

В. И. ГРИШИН

Вице-президент ВЭО России, ректор Российского
экономического университета
им. Г. В. Плеханова, д. э. н., профессор

А. А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской
газеты», заслуженный работник культуры РФ

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор
Московской школы экономики МГУ
им. М. В. Ломоносова, академик РАН

Д. Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России,
научный руководитель ВЭО России, руководитель
Научного совета ВЭО России, вице-президент
Международного союза экономистов,
научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при правительстве РФ»,
член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

М. А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
РФ», академик Российской академии образования,
заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор

Ю. В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель ЗАО «Издательский дом
“Экономическая газета”», заслуженный деятель
науки РФ, д. э. н., профессор

А. Н. КЛЕПАЧ

Член правления ВЭО России, главный экономист
Внешэкономбанка, заведующий кафедрой
макроэкономической политики и стратегическо-
го управления экономического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова, заслуженный
экономист РФ

Chief Editor:

Sergei Dmitrievich Bodrunov, President of the
VEO of Russia, president of the International
Union of Economists, director of the S.Yu. Witte
Institute of New Industrial Development, expert
of the Russian Academy of Sciences, Doctor of
Economics, Professor

The magazine is published under the
patronage of the International Committee
of the VEO of Russia

Managing editor: Andrei Prokofiev

Art Director: Yegor Morozov

Corrector: Natalia Medvedenko

The issue was made with participation of:

Elena Berезина, Sergey Brel, Kira Kamneva,
Leonid Kuleshov, Olga Remova, Alexey Savin, Marina
Talskaya, Nadezhda Tolstoukhova, Andrey Travin

Photos: Shutterstock, if not stated otherwise

Publisher and editorial board:

All-Russian non-government organization Free
Economic Society of Russia.

Address: 22a Tverskaya Street, Moscow

Editorial Director:

Margarita Ratnikova

Development Director:

Anna Bobina

Telephone: +7(495) 609-07-60

Email: Info@VEORUS.RU

#11 (July-September 2019)

Registered in Roskomnadzor 01.11.2017

Registration Certificate of a Medium of Mass

Communication: MI #FS77-71537

Founder: OOO Invest-Consult

Signed off for printing 26.08.2019

Released: 05.09.2019

Print run: 3000

Printed at ISPO-print shop

Address: 28 Shchipok Street, Moscow

16+

Editorial Board

S. Yu. Glaziev

Vice President of the VEO of Russia, head of the
Academic Council of the VEO of Russia, Research
Director of the Financial University under the RF
Government, Correspondent Member of the Russian
Academy of Sciences

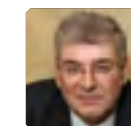
R. S. Grinberg

Vice President of the VEO of Russia, Research Director
of the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences, Correspondent Member of the Russian
Academy of Sciences

V. I. Grishin

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Rector
of the Plekhanov Russian Economic University, Doctor
of Economics, Professor

A. A. Savin

Deputy Chief Editor of Rossiiskaya Gazeta, honored
science worker of the Russian Federation

A. D. Nekipelov

Vice President of the VEO of Russia, director of the
Moscow School of Economics of the the Lomonosov
Moscow State University, Academician of the Russian
Academy of Sciences

D. E. Sorokin

Vice President of the VEO of Russia, head of the
Academic Council of the VEO of Russia, Research
Director of the Financial University under the RF
Government, Correspondent Member of the Russian
Academy of Sciences

M. A. Eskindarov

Vice President of the VEO of Russia, Rector of the
Financial University under the RF Government,
Academician of the Russian Academy of Education,
honored science worker of the Russian Federation,
Doctor of Economics, Professor

Yu. V. Yakutin

Vice President of the VEO of Russia, Research Director
of the Economic Newspaper Publishing House,
honored science worker of the Russian Federation,
Doctor of Economics, Professor

A. N. Klepach

Member of the Board of the VEO of Russia, Chief
Economist at Vneshekonombank, Chief of Department
of Macroeconomic Policy and Strategic Management
of the Economic Faculty of the Lomonosov Moscow
State University, honored economist of the Russian
Federation.

КОГДА ХУЖЕ НЕ БУДЕТ?

Уважаемые читатели!

Иногда, когда смотришь на новые данные аналитиков, действия политиков, проекты экономистов, отвечающих за состояние экономик не только целых стран, но и всего мира, нарастает ощущение, что антиутопия нам не грозит, потому что мы уже живем в ней: постиндустриальный постмодернизм пронизал все, а в наибольшей степени — головы.

Вот только несколько заголовков последних недель в ведущих международных экономических СМИ: «Дональд Трамп собирается купить Гренландию», «Глобальное нападение на свободу слова происходит одинаково и в диктатурах, и в демократиях», «Мир не выдержит грозящего повышения уровня океана», «Как обмануть технологию распознавания лиц», «Робот Федор доставит на МКС тульские пряники», «Как политика Центробанка позволила России избежать более глубокой рецессии».

И если когда-то я был готов подписаться под нетленными строками классика:

*«Не дорого цену я громкие слова,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги,
Или мешать царям с друг другом воевать.
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова...»*

то сейчас слова меня серьезно беспокоят, особенно в том смысле, в котором они расходятся с тем, что делается помимо слов. И на это, пожалуй, можно было бы не обратить внимания, с усталой улыбкой, что, мол, с бюрократией России всегда не везло, если бы речь не шла о таких процессах, которые, вырывая с корнем застарелые экономические практики, весьма вероятно, приведут к глубоким цивилизационным изменениям.

Эти изменения — не просто текущие «усовершенствования», происходящие каждодневно. Мы стоим в начале качественных трансформаций, которые формируют глобальные вызовы для будущего социально-экономического развития. И когда мы это осознаем, нам становится легко понятна — на первый взгляд, бессистемная, полубезумная — экономическая и политическая повестка, отраженная даже в самых уважаемых мировых изданиях в таком виде, что создается ощущение, будто попал в роман-антиутопию.

Представляется, что у нас, в России, из-за отсутствия системного осознания, научного, мультидисциплинарного подхода к оценке глубоких мировых трансформационных процессов, мы видим недооценку, и некоторую робость (едва ли это можно назвать нежеланием) в осуществлении адекватных шагов. Несмотря на призывы верхнего эшелона власти, важнейший цивилизационный переход, который осуществляет (хотя — и с большим трудом, и часто без должного понимания) весь мир, у нас отражается все еще пока больше бумажными (в виде государственных документов) и разговорными (в прессе) жанрами, «эссе» о техническом прогрессе да разрозненными упоминаниями о тех или иных

аспектах этих изменений, зачастую взятых под кальку из западных отчетов.

В то же время надо четко осознать, что все эти вещи, наводнившие СМИ (роботы, компьютеры, интернет, новые источники энергии, цифровые и нанотехнологии, криптовалюты, блокчейн, даже растущее неравенство), есть следствия, блоки, элементы происходящего на наших глазах, но не до конца осмысленного (и обществом, да и научным сообществом) сдвига.

Необходимы глубокое теоретическое осмысление существующих трендов и практические идеи, из них вытекающие. Осмысленные, положенные на строго научную основу. На это был нацелен и прошедший недавно Московский академический экономический форум (МАЭФ), проведенный Вольным экономическим обществом России и Российской академией наук, итоги которого мы продолжаем анализировать и систематизировать, в том числе и в этом номере журнала. Так, одна из тем, вынесенных на обложку, — нынешняя стагнация — оценивается у нас именно как признак качественных изменений материального производства, кризисной точки развития мировой экономики, связанной с началом перехода к знаниеёмкой индустрии, ведущей к рождению нового качества экономики и общества — нового индустриального общества второго поколения.

Отсюда вытекает и все остальное: генерируемые знанием новые НБИКС-технологии, необходимая для знаниеинтенсивного прогресса интеграция производства, науки и образования, неизбежность курса на основанную на высоких технологиях реиндустриа-

лизацию, возможность опережающей (в случае получения и освоения надлежащих знаний), а не догоняющей траектории развития российской экономики — перечень легко продолжить.

И если попытаться на основе серьезных теоретических построений следовать требованиям этого качественного перелома, то хуже, точно, не будет. И есть немалый шанс, что будет лучше. Главное — его не упустить.

Сергей Бодрунов
Главный редактор
журнала «Вольная экономика»

WHEN WILL WE NOT BE WORSE OFF?

Dear readers:

Sometimes, when you mull over fresh analytical data, the actions of politicians, and the projects of economists responsible for the state of economy, both on the national and global scale, you get the feeling that dystopia is not something that awaits us in the future, it is something we already live in: post-industrial post-modernism has spread everywhere, and most of all, it has crept into our heads.

Let me cite just a few headlines that appeared in leading international economic media outlets in recent weeks: “Donald Trump Wants to Buy Greenland”, “Global Attack on Speech Freedom Equal in Dictatorships and Democracies”, “World Unable to Cope with Sea Level Rise Threat”, “How to Cheat Face Recognition Tech”, “Robot Fyodor Will Bring Tula Gingerbread Cookies to ISS”, “How Central Bank Policy Helped Rid Russia of A Deeper Recession”.

And if I once was ready to agree with the immortal verses of the classic:

*“I value little those much vaunted words
that have for some the lure of dizzy heights;
I do not fret because the gods refuse
to let me wrangle over revenues,
or thwart the wars of kings; and 'tis to me
of no concern whether the press be free
to dupe poor oafs or whether censors cramp
the current fancies of some scribbling scamp.
These are words, words, words...”*

now words seriously concern me, especially in the sense in which they disagree with what is actually being done. And perhaps it would be possible to ignore this, with a tired smile — after all bureaucracy has never been Russia’s strong suit — if it were not for the processes that, while uprooting old economic practices, are very likely to lead to profound civilizational changes.

Those changes are not just ongoing “improvements” occurring on a daily basis. We are at the outset of qualitative transformations that produce global challenges for future socio-economic development. And when we realize this, it becomes easy for us to understand the economic and political agenda — haphazard and half-crazy at first glance — that is reflected even in the most respectable global publications in such a way that it feels like a dystopian novel.

It appears that in Russia, the lack of systemic awareness and a scientific, multidisciplinary approach to assessing the deep global transformation processes results in their underestimation and a certain hesitancy (which can hardly be called unwillingness) in taking adequate steps. Despite the calls from the upper echelons of power, the most important civilizational transition that has been taking place around the globe (albeit with great difficulty, and often without due understanding) is still in Russia confined to paper (in the form of government decrees) and speech (in the press), in the form of “essays” on technological progress or of assorted references to certain aspects of those transformations, often copied from western reports.

At the same time, we should clearly realize that all those topics that have flooded the media (robots, computers, the Internet, new energy

sources, digital and nanotechnologies, cryptocurrencies, blockchain, and even growing inequality) are the consequences, blocks, or elements of the paradigm shift which is happening before our eyes, but which has not been fully understood (either by society or the scientific community).

We need deep theoretical understanding of the existing trends and practical ideas arising from those trends, meaningful and laid out on a strictly scientific basis. The recent Moscow Academic Economic Forum (MAEF), held by the Free Economic Society of Russia and the Russian Academy of Sciences, served that purpose, and we continue to analyze and systematize its results, particularly in this issue. Thus, one of the topics featured on the cover — the stagnation we are currently facing — is considered to be a sign of qualitative changes in material production, a crisis point in the development of the global economy associated with the beginning of the transition to knowledge-intensive industry which leads to the birth of a qualitatively new kind of economy and society — a new industrial society of the second generation.

From that, everything else follows: the new knowledge-generated NBICS technologies, production integration essential for knowledge-intensive progress, science and education, the inevitability of moving towards high-tech re-industrialization, the possibility of a development trajectory for the Russian economy that will let us stay ahead rather than catch up (if we are able to obtain and master the appropriate knowledge) — the list can be easily continued.

And if we, based on serious theoretical schemes, try to follow the requirements of this qualitative shift, we will certainly not be worse off. And there is a considerable chance we will be better off. The most important thing is not to miss that chance.

Sergey Bodrunov
Editor-in-chief
The Free Economy Journal

СОДЕРЖАНИЕ

12 МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM

26 ОСТОРОЖНО:
СТАГНАЦИЯ!

КАК ИЗ НЕЁ ВЫЙТИ?
HOW TO END STAGNATION?

40 ФРОНТМЕН:
ЖАН ТИРОЛЬ,
НОБЕЛЕВСКИЙ
ЛАУРЕАТ:

«ГОСУДАРСТВО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ИГРОКОМ»
JEAN TIROLE: "THE GOVERNMENT SHOULDN'T
ACT AS A MARKET PLAYER"

50 ЭКСЛИБРИС «ВЭ»

52 ГЕНСЕК
ЮНКТАД ОБ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
БИЗНЕСА

SECRETARY GENERAL OF UNCTAD ABOUT
BUSINESS RESPONSIBILITY

62 КАК БУДУТ ПОМОГАТЬ
ЭКСПОРТЕРАМ?

РАЗБОР НАЦПРОЕКТА РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА

68 ПЛАНЫ НА ФОРУМ

ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ ВОСТОЧНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА

72 БЕДНОСТЬ КАК
ПОРОК ГОСУДАРСТВА

ПОЧЕМУ БЕДНЕЮТ РАБОТАЮЩИЕ ЛЮДИ?

78 ЛЮДИ В ТЕНИ

МАСШТАБЫ ТЕНЕВОЙ ЗАНЯТОСТИ

84 КАК СЛЕЗТЬ
С ЗЕРНОВОЙ ИГЛЫ

СОВФЕД ЗАНЯЛСЯ ИННОВАЦИЯМИ
В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

102 75 ЛЕТ БРЕТТОН-
ВУДСУ: ВРЕМЯ ДЛЯ
РЕФОРМ

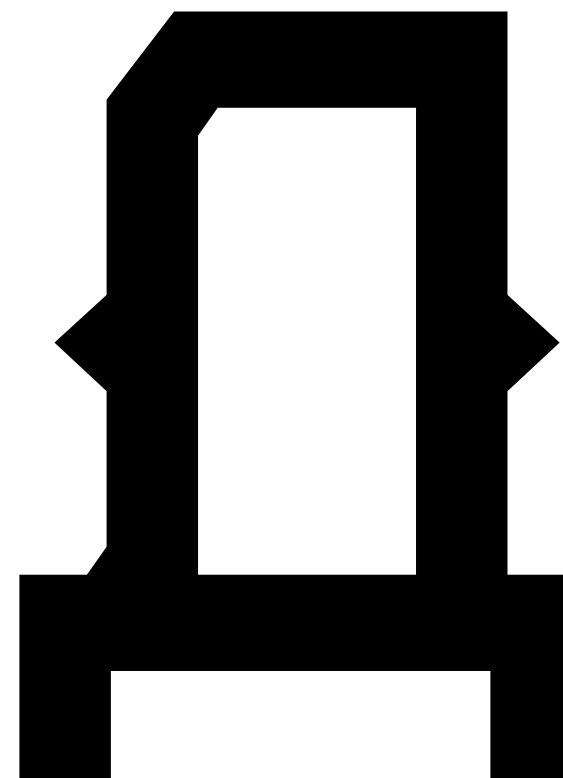
108 ДЕНЬ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ: СПЕРАНСКИЙ
В СИБИРИ,
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА КОЛЬБЕРА,
АТОМОХОД «ЛЕНИН»

112 «ВОЛЬНАЯ
ЭКОНОМИКА»
ПОЗДРАВЛЯЕТ

116 МИНИСТР
ФИНАНСОВ ПЕТР БАРК:
ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКИЙ
ФИНАНСИСТ ИМПЕРИИ

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ

МАЭФ прошел в этом году впервые. Это площадка, ориентированная в первую очередь на научный мультидисциплинарный анализ экономических процессов и разработку научно обоснованных моделей развития. На форуме, организованном ВЭО России, Международным союзом экономистов и Российской академией наук, прозвучали мнения экономистов разных школ, которые в последнее время становятся все ближе друг к другу. Причина — глубокие системные трансформации в мировой экономике и внутренние проблемы, которые не решаются в существующей парадигме. На наш взгляд, сами по себе доклады основных спикеров дополняют и подкрепляют друг друга и могли бы стать основой серьезной программы развития.

ДОЛГОСРОЧНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Эту задачу выделил перед участниками МАЭФ президент РАН академик Александр Сергеев. По его мнению, сейчас перед учеными стоит задача стратегического прогнозирования.

«Стратегическое прогнозирование — это и шестилетка национальных проектов, это и планы развития вперед до 2030 и 2035 годов. И когда мы говорим о развитии на таких длинных трассах, вдоль таких длинных траекторий, то роль науки становится особенно важной. Мне кажется, что вообще задача академической науки, фундаментальной науки — это прогнозирование, прежде всего стратегическое. И поэтому мы понимаем ту роль, которую Российская академия наук должна играть именно в решении задач стратегического планирования», — отметил академик.

При этом математик подчеркнул, что обсуждаться на форуме должно не только экономическое развитие, а социально-экономическое, «потому что народ должен почувствовать, что ситуация меняется к лучшему». Собственно, именно социальная составляющая пронизывает все нацпроекты.

«Но мы понимаем, что две траектории — социального развития и экономического развития — не могут развиваться независимо друг от друга: мы не можем обеспечить повышение качества жизни без обеспечения экономического роста и экономический рост тоже не сможем обеспечить, если трудящиеся не почувствуют изменения к лучшему. Вот эти две траектории — социальная и экономическая — они, безусловно, взаимосвязаны», — подчеркнул Александр Сергеев.

Президента РАН поддержал сопредседатель МАЭФ профессор Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России: «От глубины и точности теоретического анализа, от обоснованности и истинности научных обобщений в современном мире прямо зависит практика общественной деятельности, а в особенности такая жизненно

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

важная для каждого человека сфера, как экономика. Именно в этом видится нам одна из задач Московского академического экономического форума — сформировать пространство теоретических дискуссий, нацеленных на выработку практических идей и рекомендаций, отвечающих на вызовы современности, главной особенностью которой является переход к четвертой технологической революции. Рекомендаций, адекватно учитывающих интересы большинства, решающих задачи, адресованные не только бизнесу, но и государству, ну и, прежде всего, научно-образовательной сфере гражданского общества. Сегодня это объективный вызов времени».

ВОЗРОЖДЕНИЕ НА НОВОЙ ОСНОВЕ

Основная идея профессора Бодрунова, что в России необходимо возродить материальное производство на принципиально новой основе — экономическая политика должна соответствовать вызовам технологической революции. И главное, фундаментальное здесь — изменение в содержании материального производства.

Виктор Ивантер,
научный руководитель
Института народнохо-
зяйственного прогнози-
рования РАН, академик
РАН, действительный
член Сената ВЭО России

Потенциал экономического роста — 4,8% в настоящее время. Вклад чистого экспорта — 0,8%, валовые накопления — 2,6%, госпотребление — 0,3% и потребление домашних хозяйств — 1,1% (это важный элемент). По направлениям это инфраструктура — 1%, ввод жилья — 0,8%, эффективность экспорта — 0,7%, модернизация машиностроения — 0,8% и экономическая инерция — 1,5%. Получаем 4,8%.

«Экономика XXI века форматируется как система, в которой главным фактором производства становится знание, а не материальные ресурсы. Роль первого растёт, роль вторых снижается — это закономерность. И мы должны не только зафиксировать этот тренд — тренд неуклонного роста знаниеёмкости производства, — но и сделать на этой основе соответствующие теоретические и практические выводы», — отметил президент ВЭО.

Сейчас, как считает ученый, в академическом пространстве, в экономическом сообществе происходит отход от иллюзий постиндустриализма и рыночного фундаментализма: ни то ни другое не может стать основой для качественного обновления нашей экономики. В XXI веке побеждает тот, кто реализует тео-

ретически выверенный курс на активное общественное регулирование рыночной экономики, стратегическое планирование, государственно-частное партнерство, создание макро- и микроэкономических стимулов прогресса технологий и человеческих качеств.

«Чтобы такая стратегия не стала авантюрой, необходимы системные академические исследования, опирающиеся на методологию и теорию не только неоклассики, но и гетеродоксального направления экономической теории, на исследования, носящие принципиальный междисциплинарный характер. Именно на такие исследования нацелен наш форум. И это вывод многих выдающихся ученых и экономистов, присутствующих на форуме сегодня», — подчеркнул сопредседатель МАЭФ.

Тему технологий затронул и академик Виктор Ивантер. По его мнению, сейчас есть проблемы взаимоотношения российской науки и общества, которые связаны не с какой-то злонамеренностью, а с политическим мифом, который возник в начале 90-х годов: он заключается, во-первых, в том, что любые технологии можно купить, если деньги есть, а также все можно прочесть, что уже написано, и сделать так же.

«Если все можно купить, тогда зачем нам собственное производство? Важны только деньги. А если все можно прочесть, зачем наука? Потом выяснилось, что, во-первых, купить можно не все, а только то, что вам продают. Я имею в виду не рядовую технику, а технологические достижения. То есть этот рынок технологий — такой закрытый клуб, куда попадают только те, кто располагает собственными технологиями. У нас есть космос, ядерная энергетика — и в этих областях есть сотрудничество».

Теперь вопрос о «прочитать». Мало же прочесть. Надо понять, что написано. А чтобы понять, что написано, надо этим заниматься. Вот поэтому, если мы откажемся от этих двух мифов, тогда будет совершенно понятно, зачем нам нужны новейшие технологии и зачем нужна фундаментальная наука, без которой технологии развиваться не могут», — отметил ученый.

РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНЦИИ

Сегодня мы являемся свидетелями драматических событий и споров, когда речь идет о совершенно фундаментальных преобразованиях, которые заключаются в замене фундамента экономики во многом советского типа на фундамент проконкурентной экономики. С этой принципиальной мысли начал свой доклад Игорь Артемьев, руководитель Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. По мнению главы ФАС, конкуренция всегда является основой эффективности любой экономики (во многих странах это прекрасно понимают), конкуренция всегда приводит к появлению инноваций, конкуренция всегда повышает производительность труда, способствует снижению цен, увеличению предложений различных товаров для потребителей и много-многому другому.

«Мы сегодня движемся в двух противоположных направлениях. С одной стороны, если раньше мы боролись за новую нормативную базу по развитию конкуренции, сегодня она появилась: это указ президента, 18 правительственных отраслевых программ развития конкуренции, решения Госсовета России о том, чтобы каждый регион себе написал программу развития конкуренции, — это хорошо. Теперь нам нужно бороться не за принятие актов, а за их исполнение, так как с другой стороны мы имеем огосударствление экономики, антиконкурентные практики, освоение средств как основной элемент во многих случаях, в том числе в политике. Я хотел бы сказать, что если нам в течение ближайшего времени не удастся заменить один фундамент окончательно на другой фундамент, то мы можем долго еще ходить по кругу, возвращаясь каждый раз в точку зрения темпов роста и с точки зрения качества жизни», — отметил Артемьев.

НЕ МЕНЯТЬ ПРАВИЛА ВО ВРЕМЯ ИГРЫ

Президент РСПП профессор Александр Шохин остановился на партнерстве государства и бизнеса в реализации стратегических проектов, в частности, национальных проектов.

«С одной стороны, нацпроекты стали основой для бюджетного процесса и принятия целого ряда стратегических решений, но с другой — налицо низкая координация национальных проектов и других стратегических документов, недостаточно эффективное взаимодействие органов власти всех уровней при реализации нацпроектов, что ставит под угрозу выполнение в указанные жесткие сроки национальных целей развития», — отметил Александр Шохин.

По его мнению, необходимо предусмотреть эффективный механизм участия бизнеса и научных организаций не только в реализации (как часто это получается, бизнес должен лишь инвестировать), но и в мониторинге национальных проектов вместе с правительством и экспертным сообществом, чтобы вносить необходимые корректировки. В настоящее время формальных инструментов для внешнего контроля качества работы власти над нацпроектами недостаточно, и бизнес с экспертным сообществом могли бы внести свой вклад.

«В соответствии с нацпроектами почти треть из совокупного финансирования 25 триллионов средств 7,5 трлн приходится на внебюджетные источники, и понятно, что это средства частных инвесторов, и российских инвесторов в первую очередь. Поэтому требуется ускорить принятие ряда законов, стимулирующих инвестиционную активность. Есть проект закона о защите и поощрении капитальных вложений в развитие инвестиционной деятельности в Российской Федерации, который мы (я имею в виду бизнес-сообщество) с осени прошлого года обсуждаем с Правительством. Уже подготовлена, по-моему, дюжина вариантов, но,

к сожалению, споры между ключевыми ведомствами — Минфином, Минэком, Минпромом — пока еще не завершились, и законопроект несколько раз снимался с рассмотрения Комиссии по законопроектной деятельности Правительства. А в этом законе, на наш взгляд, продвинута очень серьезная методология — это универсальная стабилизационная оговорка, которая касается не только больших и длинных инвестиций и сохранения условий ведения бизнеса на период реализации соответствующих инвестпроектов, но и вводится правило отсрочки введения тех норм, которые ухудшают условия ведения бизнеса как минимум на два года, а сейчас у нас можно получить эти изменения, что называется, на завтрашний день», — рассказал глава РСПП.

Данные
Олега Смолина,
первого заместителя
председателя Комитета
по образованию и науке
Госдумы, д. ф. н.,
академика РАО

ВЛОЖЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКУ

Как утверждает Олег Смолин, кроме финансирования, есть другая системная проблема образования и науки, которая сравнима по остроте, — это проблема бюрократизации.

По данным Высшей школы экономики, вложения в образование РФ в 2006 году составляли 3,9%, в 2015-м — 3,6% (сократились на 0,3%). В 2019 году бюджет образования растет на 21%, но мы не достигнем уровня 2012 года, поскольку, если принять расходы на образование за 100% в 2006 году, то в 2012-м будет 180%, в 2015-м — 149%, а вот в 2019-м рост все еще не приведет нас к уровню 2012 года. Средние расходы стран ОЭСР — 4,7%. Как утверждают видные международные эксперты, страна, которая хочет осуществить ускоренную модернизацию, должна тратить не менее 7%.

Ситуация с наукой: международная норма госрасходов на науку — 2%. По указу президента № 599 от 2012 года в 2015-м должно было быть 1,77%. По заключению Комитета по образованию и науке Госдумы, на 2019–2021 годы — в реальности 0,38–0,39%.

«Комитет Государственной думы по образованию и науке сделал специальный доклад. Оказалось, что средние учебные заведения в год заполняют 300 отчетов по 11 700 показателям. Причем ситуация явно меняется следующим образом: все меньше людей работающих, все больше людей контролируемых. Невольно вспоминается шутка 30-х: полстраны сидит, полстраны ее охраняет. Сейчас полстраны работает, полстраны контролирует — ситуация явно меняется в пользу последних. Кстати, 80% всех контрольных процедур в образовании — я думаю, такая же ситуация в науке — не по линии собственно образования, а по линии разного рода других надзоров. Ну, знакомый ректор в Москве говорит, что его контролируют кроме Рособнадзора еще 18 различных структур. Российский учитель в международных

исследованиях занял первое место по количеству времени, которое он тратит на разного рода бюрократические процедуры», — рассказал депутат.

Говоря о социальной защищенности учителей, Олег Смолин сослался на опросы ОНФ, организации, которая не должна сгущать краски. Последние данные за 2019 год выглядят так: в 53 регионах РФ 30% учителей получают зарплату на уровне 15 000 рублей, при этом средняя нагрузка педагога — более полутора ставок, а по данным Российской академии народного хозяйства и госслужбы, уже 14% российских учителей работают на две ставки.

«Есть грустная шутка: работаем на полторы, потому что на одну есть нечего, а на две есть некогда. Вот 14% наших учителей, по-видимому, есть некогда. Коллеги, это не шутки, это вопрос качества образования. Когда у вас две ставки — я работал учителем, — снижение качества образования неизбежно», — отметил Олег Смолин.

По мнению депутата, страна практически созрела до консенсуса о том, что необходимы три кита модернизации: новая индустриализация, более справедливое распределение доходов и инвестиции в человеческий потенциал.

ФАКТОР ДОВЕРИЯ

О доверии в современной экономике в последнее время много говорят и пишут. Большая работа по этой теме есть у академика Виктора Полтеровича,

который считает, что при нынешнем уровне доверия развитие возможно лишь через специально созданные институты. О доверии говорил и Владимир Мау, ректор РАНХиГС. По его мнению, сейчас доверие превратилось чуть ли не в главную экономическую категорию.

«Недаром среди 15 КРІ, которые установлены указом президента губернаторам, доверие органам власти стоит на первом месте. Но ведь проблема в том, что у нас очень низкий уровень доверия не только к власти, а всех ко всем! У нас очень низкий уровень доверия. По нашим социологическим исследованиям, только за 2018 год количество тех, кто стал доверять кому-либо, включая близких, еще меньше — на треть.

Без доверия к институтам, к партнерам, друг к другу экономика развиваться не может. А это то, на что инвестиции не повлияют. Инвестиции — скорее следствие факторов, связанных с доверием, а не предпосылка их», — считает профессор Мау.

По мнению ректора РАНХиГС, в нацпроектах государство ставит акцент, прежде всего, на благосостояние, на человеческий капитал и транспортную инфраструктуру. А второй тренд в нацпроектах Мау видит в переходе от экономики спроса к экономике предложения. Прежде всего, речь идет об инвестиционном климате, об инфраструктуре, социальной и экономической, и с макроэкономической точки зрения это важно.

«Мы живем в условиях конфликта между долгосрочными и краткосрочными задачами экономической политики. То, что хорошо для решения краткосрочных задач, не дает долгосрочных эффектов, как правило. По долгосрочным эффектам нельзя отчитаться непосредственно в ближайший месяц или в ближайший год. И в этом смысле преимущество долгосрочного над краткосрочным является, на мой взгляд, несомненно, одним из важнейших факторов дальнейшего устойчивого социально-экономического развития», — заключил экономист.

МОДЕЛЬ ВПК КАК ОСНОВА

Академик Владимир Бетелин, научный руководитель НИИ системных исследований РАН, обратил внимание на работу Скотта Галлоуэя «Четверка: скрытая ДНК Amazon, Apple, Facebook и Google», автор которой считает, что в мире сформировалась абсолютно новая модель экономики, в которой победитель на рынке забирает все. Галлоуэй говорит, что американцы разменяли хорошо оплачиваемые рабочие места и экономическую стабильность на возможность заказать кокосовое молоко с доставкой в течение часа. По его мнению, бездумное потребление приведет Америку к кризису, масштабы которого сложно себе представить.

СРЕДИ 15 КРІ,

которые установлены указом президента губернаторам, доверие органам власти стоит на первом месте.

В ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКЕ

речь должна идти не только о смягчении политики ЦБ, но, по сути, о создании другой финансово-экономической системы с институтами развития, которые могут предоставить длинные деньги.

«Действительно, если мы возьмем, например, государственную программу вооружения, которая в рамках вот этой нашей новой, капиталистической экономики услуг выстроена по старым, социалистическим лекалам, мы увидим, что там есть номенклатуры, объемы товаров определены, объемы финансирования, сроки поставок определены, кроме того, что существенно — действует запрет на закупку систем вооружения за рубежом. И второй важный фактор: потребитель прежде всего внутренний рынок. Мы делали для себя, но потом оказались сильны и на внешнем рынке. Реализацию и заданные сроки обеспечила военно-промышленная комиссия во главе с президентом России. Конечно, там проблемы есть, я это понимаю и знаю, но, в принципе, был обеспечен выпуск серийной продукции такой сложности и высокотехнологичности изделий. И что еще важно? Россия — один из крупнейших экспортеров оружия — 23% мирового рынка. То есть заодно получилось и выйти на экспорт», — говорит академик Бетелин.

По мнению ученого, логично бы взять эту модель за основу и основные усилия направить на то, чтобы эта промышленная продукция была для внутреннего рынка, прежде всего, с тем, чтобы были рабочие места, отчисления в налоговый бюджет. В государственной программе промышленного производства можно определить номенклатуру, объемы товаров. В национальных проектах все это есть, особенно если мы возьмем с вами наиболее емкие проекты в финансовом отношении — это дороги, это инфраструктура, это аэродромы, жилье.

Здесь важен запрет на закупку, конечно, не всего — нельзя все запретить, — но определенной номенклатуры, которую можно и нужно сделать здесь, у нас, ее можно определить, это тоже вполне решаемая задача, и нацелиться именно на внутренний рынок, для того чтобы поднять объем промышленного производства. Соответственно, по аналогии с ОПК должна быть создана государственная промышленная комиссия, конечно, во главе с президентом, потому что по-другому ничего не будет.

КОНСТРУКЦИЯ БЮДЖЕТА ПОДВОДИТ

Развитию бюджетной и денежной кредитной сферы посвятил часть своего выступления Андрей Клепач, главный экономист Внешэкономбанка, заслуженный экономист РФ, отметив, что конструкция бюджета, которая принята сейчас, — профицитная, но это своеобразный профицит, потому что для того, чтобы финансировать национальные проекты, Россия увеличивает внутренний долг.

«Если эту политику продолжать, то мы к 2035 году, если ничего не менять в правилах, выйдем на госдолг примерно 30% ВВП, то есть в 2,7 раза выше, чем сей-

час. Но для чего? Для того чтобы за счет этих заимствований, отсасывая деньги из экономики, увеличить Фонд национального благосостояния. То есть мы не столько инвестируем, сколько продолжаем накапливать избыточные государственные сбережения, большей частью размещенные в валютных активах за рубежом, а не вложенные в свою собственную экономику. Для того чтобы реализовать ту модель ускорения развития и решения структурных ключевых проблем здравоохранения, образования, транспортной инфраструктуры, необходимо, чтобы у нас бюджет был дефицитным — примерно на два с лишним процента. Госдолг при этом сценарии вырастает меньше, потому что нет задачи увеличения суверенных фондов», — пояснил экономист.

В денежно-кредитной политике речь должна идти не только о смягчении политики ЦБ, но, по сути дела, о создании другой финансово-экономической системы с институтами развития, которые могут предоставить длинные деньги для крупных долгосрочных проектов, но на условиях, доступных для предприятий, считает Андрей Клепач.

«Таким образом, мы действительно стоим перед необходимостью изменения политики. Причем интересно, что опросы — в данном случае опросы «Левада-Центра» — показывают: примерно 40% населения считают, что сейчас экономическая ситуация в России неблагоприятна. Эта оценка, конечно, лучше, чем в 2015 году, но она раза в два хуже, чем было в 2006–2007-м. Есть запрос на изменение политики. По тем же опросам «Левады», примерно 42% в прошлом году, а в этом году вообще 57% респондентов выступают за масштабное и кардинальное изменение экономической политики. Надеюсь, оно произойдет», — заключил главный экономист госкорпорации развития ВЭБ РФ.

ВЗРЫВНОЙ РОСТ

Мы наблюдаем переход к новому технологическому укладу, где идет бурное развитие нанотехнологий, биоинженерных, информационно-коммуникационных, аддитивных, цифровых технологий и так

далее, подчеркнул в своем выступлении академик Сергей Глазьев, советник президента и будущий министр Евразийской экономической комиссии.

«В среднем эти технологии растут темпами где-то от 15 до 40%, некоторые 60% в год. Этот комплекс производств нового технологического уклада находится в уже взрывной фазе роста, и он становится локомотивом экономического развития. Поэтому если говорить об опережающем развитии, то мы, конечно, должны вкладывать все имеющиеся ресурсы в то, чтобы этот технологический уклад у нас стал тоже локомотивом экономического развития. В передовых странах это примерно уже 5% экономики, и его распространение совершает технологическую революцию», — констатирует академик.

Более того, по мнению Сергея Глазьева, эта технологическая революция уже завершается. Передовые страны покинули так называемую зону родов нового технологического уклада, они выходят на экспоненциальное расширение новых производств.

«Мы же топчемся на месте в течение многих лет, имеем неплохие заделы, которые, однако, остаются уже более десятилетия на уровне лабораторных и опытных производств, с трудом проходят фазу коммерциализации, и явно мы наблюдаем отставание нашей страны по базовым производствам нового технологического уклада, что обрекает нас лишь на дальнейшее нарастание отставания. По мере расширения, роста капиталоемкости вход на эту технологическую траекторию будет становиться все более дорогим», — предупредил академик.

Глазьев пояснил, что практически по всем производствам ядра нового технологического уклада у нас есть хорошие заделы, но отсутствуют механизмы расширения, коммерциализации, массового применения, поскольку нет кредитов, нет венчурного финансирования, нет вообще привычной специализации в этой области системы финансовой инфраструктуры для поддержки инновационной активности. В результате мы либо остаемся на лабораторном уровне, либо наши специалисты покидают страну и находят применение своим мозгам в других местах.

«Я не буду сейчас давать все оценки экономическому развитию, остановлюсь на тех рассуждениях,

с которых я начал. Если мы делаем ставку на новый технологический уклад, который будет расти опережающими темпами, скажем, как в других странах, порядка 30% в год, если мы проводим политику динамического намерствования в тех отраслях, где мы близки к фронту научно-технического прогресса, скажем, переходим на отечественные самолеты, несмотря на все трудности, или строим отечественные суда, замещая импорт в тех сферах, где у нас есть экономический рост, допустим, в рыбной отрасли, то мы получаем многократный рост экономической активности в отраслях с колоссальным мультипликационным эффектом. Это еще процентов 10–15 (я имею в виду, по секторам)», — отметил ученый.

При этом, на его взгляд, догоняющее развитие, которым занимается сегодня правительство, — единственное из этих пяти направлений стратегии экономического рывка, только догоняющее развитие у нас присутствует в правительственных программах, — это промышленная сборка автомобилей. «Ну, здесь много не соберешь — процента четыре, может быть, экономического роста. Это при условии, если население будет иметь доходы, чтобы эти автомобили покупать», — считает Сергей Глазьев.

Одна из важнейших причин неспособности страны осуществить прорывную политику — нехватка инвестиций. Любой экономический рывок сопровождается резким повышением нормы накопления. «Лидирует сегодня Китай, у которого норма накопления уже под 50%, у нас тоже были периоды бурного экономического развития, и всегда они сопровождались опережающим ростом инвестиций: на один процент прироста валового продукта нужно иметь 2% прироста инвестиций, то есть, если мы хотим выйти на 8% в год, нам надо иметь прирост инвестиционной активности не менее чем 16%, а лучше — 20–25%. А в приоритетных направлениях и того больше», — заключил академик.

МЫ ТОПЧЕМСЯ НА МЕСТЕ

в течение многих лет, имеем неплохие заделы, которые, однако, остаются десятилетиями на уровне лабораторных и опытных производств.

ТРИ ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Руслан Гринберг, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, считает, что решение проблем России — во вложениях в ее естественные потенциалы.

«Я обычно говорю, что у нас есть три потенциала в России, два из которых используются, а один — нет. Первый — это природный, используется на все 100%. Плоды делятся скандально неравномерно, но это другая тема. Дитя не плачет — мать не разумеет. Второй потенциал — интеллектуальный. По-прежнему есть двадцатка хороших университетов, и люди рожают хороших юношей и девушек пытливых, которые, правда, продолжают после своего обучения строить капитализм в тех странах, на которые мы хотим походить. Ну, и третий — пространственный потенциал. Мы в Институте экономики этим занимаемся, через некоторое время появится наша концепция стратегии России, мы там исходим из того, что мы должны особенно использовать этот пространственный потенциал, а именно — высокоскоростную магистраль «Транссиб-2». У нас все проверено, все цифры получены, президент одобрил, кивнул, его это заинтересовало, но дальше дело не движется», — рассказал ученый.

По мнению Руслана Гринберга, нынешняя концепция пространственного развития — абсолютно бессодержательная, хотя это очень серьезная задача. Немалая проблема кроется, на его взгляд, в постановке целей, в общественном выборе пути, а не в формальном выборе ориентиров.

«Я считаю, очень странная задача — войти в пятерку ведущих стран мира. В конце концов, в значительной мере это связано с населением. Ну и что от того, что мы догоним ФРГ по ВВП? Ну хотя бы сказали «на душу населения» или сказали бы, что есть такой индекс человеческого развития, более-ме-

нее репрезентативный, который подсказывает, как жизнь развивается и где есть средний класс, где его нет. Но этого не происходит. А что происходит? А происходит вот такая чисто спортивная, я считаю, маргинальная цель войти в эту пятерку. А что, Дания, Норвегия — они что, они как, они хуже нас? А за нами по ВВП идет по пятам Индонезия, Южная Корея тоже может нас догнать. Тем более у нас сейчас среднегодовые темпы 1,5%, а у них 3,5%, а у некоторых 4%», — посетовал ученый.

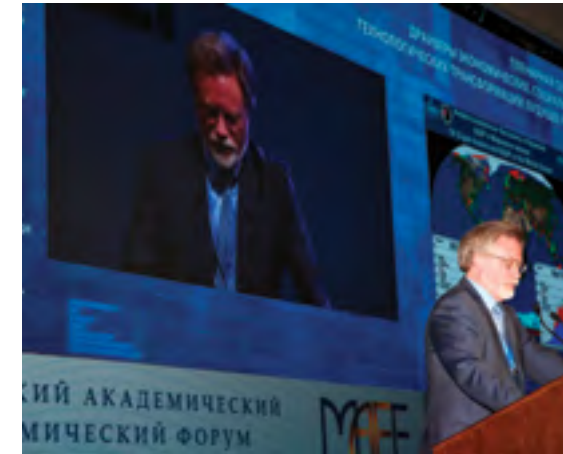
«И самая чувствительная вещь. Все, что надо делать, мы примерно знаем, а почему не делается? Я думаю, что правящий дом никак не заинтересован ни в каком изменении ситуации. И я вам должен сказать, что, если бы я был на месте Путина, я бы тоже кивал: все хорошо, но пока не будем. А почему пока не будем? Потому что мир у нас находится в турбулентной зоне и мы находимся в турбулентной зоне, не известно, что будет, а деньги придется тратить, и непонятно, что с ними будет, ну и, в общем, давайте подождем».

«Сменяемость власти — похоже, единственный остался вариант реального изменения ситуации. Я хочу сказать, что это исключительно важно, когда приходят на первые роли люди с совершенно другими взглядами. Они могут ошибаться, они могут еще хуже быть, но, с другой стороны, есть большой шанс на то, что действительно политика может быть изменена. Для меня яркий пример — это политика Бальцеровича и политика Егора Тимуровича Гайдара. Ведь и тот и другой принадлежат одной школе мышления, она мне чужда — праволиберальной, — но что получилось? Если шоковая терапия в Польше привела к массовой нищете, то там договорились, что раз шоковая терапия провалилась, раз мы хотим демократии, то мы должны допустить приход новой группы людей, которые могли бы изменить ситуацию. И им это удалось. У нас это тоже удалось на время — на время правления Примакова — Маслюкова, но только для того, чтобы просто избавиться страну от полной катастрофы, а потом возобновилась эта политика. Поэтому изменение политической системы — это не просто так, из-за того, что люди любят демократию, это нормальный рычаг экономического изменения в стране», — заключил Руслан Гринберг.

Василий Богоявленский, заместитель директора по научной работе Института проблем нефти и газа РАН, член-корреспондент РАН, сосредоточился в своем докладе на ситуации в нефтегазодобыче. Он отметил, что если бы не было сланцевой революции, то пик добычи на суше был преодолен уже в 2003 году, а в 2011-м был бы пик всей добычи, и цены на углеводороды бы взвились до небес.

«Тем не менее все страны смотрят в Арктику совершенно справедливо. Мы построили карту перспектив нефтегазоносности. У России, конечно, очень большие перспективы... В 2018 году был установлен очередной рекорд по объемам добычи в Арктике. Добыча в Арктике ведется уже 50 лет, и за полвека добыто 22 миллиарда тонн нефтяного эквивалента, преимущественно газа. Россия — это 87%

общей добычи в Арктике, только 12,5% — США, а уж о Канаде и Норвегии можно вообще не говорить. На шельфе Россия тоже первая. Большой успех на Приразломной: 10 миллионов тонн уже отгружено, 150 танкеров нефти ушло на экспорт. Никаких аварийных ситуаций, все развивается очень успешно. По запасам в Арктике Россия абсолютно лидирует, причем давно, и будет однозначно лидировать — это закрепленный успех», — сообщил Василий Богоявленский.

Ученый отметил, что арктический газ для России имеет колоссальное значение: в отдельные годы порядка 90% добычи было именно в Арктике, и сей-

час Арктика дает больше 50% добычи углеводородов страны.

«Если говорить о добыче на шельфе: по нефти растет добыча, но по-прежнему она очень небольшая — 5% примерно. По газу она немножечко снизилась и составляет пока около 7% от общей добычи газа страны. Все лицензионные участки сейчас в значительной степени находятся в замороженном состоянии. Наши гиганты — Роснефть и Газпром — запросили продление лицензии до 20 лет поискового этапа, а это означает, по сути дела, заморозку. Может ли Арктика в ближайшие годы дать большие объемы добычи жидких углеводородов? Если дела будут обстоять так, как сейчас, в лучшем случае в 2030 году шельф Арктики даст нам два с небольшим процента от общих объемов добычи нефти», — посетовал ученый.

Профессор Богоявленский также обратил внимание на то, что отсутствие технологий тормозит освоение Арктики, компании получили большие лицензионные участки, не имея нужных технологий для их разработки: «А зачем тогда брали эти участки? Наверное, сначала надо технологии разработать, а потом уже столбить участки и начинать освоение».

При этом существует целый ряд уже технологий, в которых мы опережаем Запад, мне кажется, что в эту точку и надо бить — надо свои новые технологии создавать, а не пытаться догнать и перегнать Америку.

ПЛЕНАРНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ МАЭФ СОСТОЯЛИСЬ В ВЕДУЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВУЗАХ

В Финансовом университете темой заседания было «Новое качество экономики». Вывод, с которым большинство участников оказалось согласно, был сделан такой: в мире происходят качественные сдвиги в системе производительных сил во всех ее сторонах. И эти качественные сдвиги могут осуществляться только при условии, если происходят соответствующие изменения и в сложившихся системах экономических отношений.

В Российском экономическом университете им. Г. В. Плеханова темой конференции стали глобальные трансформации мировой экономики и их влияние на Россию. Пленарная сессия состояла из двух частей: первая — будущее глобализации, и вторая часть — иностранные инвестиции и транснациональные корпорации. Также были четыре секции, в частности: «Современная трансформация процессов экономической глобализации», «Экономика в эпоху цифровизации», «Осмысление места России в мировой экономике» и «Воздействие новых явлений на участие России в мирохозяйственных связях».

В Академии народного хозяйства и госслужбы прошла конференция «Социально-экономическое развитие России в долгосрочной перспективе: роль государственных стратегий и программ». Выступили 14 докладчиков, которые представили четыре группы разработчиков планов развития нашей страны. Это объединенная группа из Института имени Е. Т. Гайдара и нашей Академии народного хозяйства и госслужбы, из Высшей школы экономики, группа Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, а также группы Института экономики РАН, который представляло подразделение, возглавляемое академиком Виктором Полтеровичем.

В МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках форума состоялся Четвертый международный политэкономический конгресс «Экономика как объект междисциплинарных исследований». Там, в частности, рассматривались вопросы экономической политики, активной промышленной политики и стратегического планирования. Многие ученые приходят к выводу, что для государственного сектора возможен директивный план, в который должны быть сведены практически все программы государства.

В Московском авиационном институте работала молодежная секция МАЭФ «Экономика России: что предложит поколение NEXT?». Приятно отметить, что там было зарегистрировано свыше 250 бакалавров, магистров, молодых ученых, представлено более 70 докладов по самым разным актуальным направлениям развития российской экономики, были предложены совершенно новые гипотезы.

Располагает ли Россия ресурсами, чтобы стать одним из технологических лидеров мира?
Does Russia have the resources to take a global technological leadership?

- 1) Да / Yes 65%
- 2) Нет / No 17%
- 3) России предопределена догоняющая модель развития / Russia is destined to follow the catch up development model 23%
- 4) Затрудняюсь ответить / Not sure 15%

MOSCOW Academic Economic Forum

INTEGRATED APPROACH TO DEVELOPMENT

L

This year, MAEF was held for the first time. The platform is primarily focused on providing scientific multidisciplinary analysis of economic processes and devising scientifically substantiated development models. The forum organized by the VEO of Russia and the Russian Academy of Sciences showcased economists from different schools that have recently been drawing closer to one another. The reason is the deep systemic transformations in the global economy and the domestic problems that cannot be solved within the existing paradigm. In our opinion, reports of the main speakers complement and support each other, and might form the basis for a serious development program.

development and economic development — cannot develop independently of each other: we cannot ensure an improvement in the quality of life without ensuring economic growth, and we cannot achieve economic growth if the workers do not feel a change for the better. Those two trajectories — social and economic — are, of course, interrelated,” Alexander Sergeyev said.

The President of the Russian Academy of Sciences was supported by the MAEF Co-Chair, Professor Sergei Bodrunov, President of the Free Economic Society of Russia: “The practice of social activity, and in particular, such a vitally important area as economy, directly depends on the depth and accuracy of theoretical analysis, on the validity and truth of scientific generalizations in the modern world. It is exactly this that we see as one of the tasks of the Moscow Academic Economic Forum: to create a space of theoretical discussions aimed at developing practical ideas and recommendations that would address the challenges of our time, which is marked by the transition to the fourth technological revolution. Recommendations that would adequately address the interests of the majority of the people and solve problems, intended not only for business, but also for the government and, above all, the scientific and educational community. Today it is an objective challenge of our time.”

Revival on a new Foundation

Professor Bodrunov’s key idea is reviving material production in Russia on a fundamentally new basis — economic policy must correspond to the challenges of the technological revolution. And, most importantly, the fundamental issue consists in changing the contents of material production.

LONG-TERM FORECASTING

The task was highlighted by the President of the Russian Academy of Sciences, academician Alexander Sergeyev before the MAEF participants. In his opinion, scholars are currently facing the task of strategic forecasting.

“Strategic forecasting includes the six-year period of the national projects and the development plans for the periods until 2030 and 2035. Given such long-term development plans along such extended trajectories, the role of science becomes especially important. In general, I think the task of academic, fundamental science is strategic forecasting, first and foremost. And, therefore, we understand the role that the Russian Academy of Sciences should play in solving problems of strategic planning,” the academician said.

At the same time, the mathematician emphasized that not only economic development should be discussed at the forum, but also socio-economic development, “because people should feel the situation is changing for the better.” Actually, it is the social component that permeates all national projects.

“But we understand that the two trajectories — social

“In the 21st century, economy is being formed as a system in which knowledge, rather than material resources, becomes the main factor in production. The role of the former is growing, the role of the latter is diminishing — it’s a trend. And we should not only acknowledge this trend — a steady upward trend in the knowledge intensity of production — but also draw relevant theoretical and practical conclusions based thereon,” the President of the VEO said.

According to the scholar, the academic community has been currently moving away from the illusions of post-industrialism and market fundamentalism: neither is capable of becoming a basis for a qualitative renewal of our economy. In the 21st century, the winning strategy will consist in following a theoretically valid path of active social regulation of market economy, strategic planning, public-private partnerships, and of creating macro— and microeconomic incentives for technological progress and progress of human qualities.

“To prevent such a strategy from becoming a risky undertaking, systematic academic research is needed, based not only on the methodology and theory of neoclassicism, but also on heterodox economics and on research of fundamental interdisciplinary character. It is precisely such research that our forum is aimed at. And this sentiment is shared by many prominent scientists and economists in attendance at the forum today,” the MAEF co-Chair said.

Academician Viktor Ivanter also touched upon the topic of technology. In his opinion, there exist certain problems in the relationship between Russian science and society, engendered not by any malicious intent but rather by the political mythology of the early 90s: it consists of the notion that you can buy any technology if you have enough money and that everything that has already been written can be read and reproduced.

“If we can buy anything, then why do we need our own production? Only money is important. And if everything can be read, why science? Then it turned out that, after all, you cannot buy everything, but only what

is on sale. I do not mean just equipment but also technological solutions. The technologies market is a closed club that only those who have their own technologies can get into. We have space research, nuclear energy — and we cooperate in those areas.

Concerning “reading.” It’s not enough to read. You need to understand what is written. And to understand what is written, you need to be invested in it. That’s why, if we abandon these two myths, we will completely understand why we need the latest technologies and why we need fundamental science, without which technologies cannot develop,” the scientist noted.

DEVELOPMENT OF COMPETITION

Today we are witnessing dramatic events and discussions when it comes to completely fundamental transformations that consist in the foundations of a mostly Soviet-type economy being replaced with those of a competition-driven economy. Igor Artemyev, head of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation, cited this important idea to kick off his speech. According to the head of the Federal Antimonopoly Service, competition has always driven the efficiency of any economy (it is well understood in many countries), competition has always led to innovation, increased labor productivity, helped reduce prices, increased the supply of various consumer goods, and much, much more.

“Today we are moving in two opposite directions. On the one hand, if earlier we fought for a new regulatory framework for the development of competition, today we have one which consists of the presidential decree, 18 government industry-specific programs for the development of competition, and the resolutions of the Russian State Council to the effect that each region should draw up a competition development program.

And it is good. Now what we need to fight for is not the adoption of regulatory acts but their implementation, since on the other hand we have encountered the nationalization of the economy, anti-competitive practices, uncontrolled spending as the key element in many instances, including politics. I would say that if we are unable to completely replace one foundation with the other in the nearest future, we will be going around in circles for a long time, each time returning to point zero in terms of growth rates and the quality of life,” Artemyev said.

NO IN-GAME RULE CHANGES

President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Professor Alexander Shokhin, focused on the partnership between the government and business in the implementation of strategic projects, in particular, the national projects.

“On the one hand, the national projects have become the basis for the budget process and the adoption of a number of strategic decisions, but, on the other hand, there is poor coordination between the national projects and other strategic documents, and a lack of effective interaction among the authorities at all levels in the implementation of the national projects which threaten the implementation of the national development goals by the specified tight deadlines,” Alexander Shokhin said.

In his opinion, it is necessary to provide an effective mechanism for business and scientific organizations to participate not only in implementing (as is often the case, with businesses only acting as investors) but also in monitoring the national projects together with the government and the expert community in order to make the necessary adjustments. At present, the existing formal tools for external quality control of the authorities’ input in the national projects are insufficient, and it would be helpful if business, together with the expert community, made their contribution.

“Under the national projects almost a third of the 25 trillion in financing, 7.5 trillion, comes from extra-budgetary sources, and it is clear that those are funds of private investors, first of all Russian investors. Therefore, it is necessary to speed up the adoption of a series of laws that will boost investment activity. There is a draft law on the protection and promotion of capital investments for developing investment activity in the Russian Federation which we (I mean the business community) have been discussing with the Government since last fall. I think a dozen drafts have already been prepared, but, unfortunately, the key agencies tasked with the problem (Ministry of Finance, Ministry of Economy, Ministry of Industry) are not done arguing and keep resubmitting the draft law to the Commission on the Government’s Legislative Activity. And we believe that the law provides an important methodology, a universal stabilization clause that not only addresses

large long-term investments and preservation of business environment for the duration of the corresponding investment projects but also introduces a rule for postponing for at least two years the introduction of any regulations that may worsen the conditions of doing business, while at present any such changes may occur right off the bat as the saying goes,” says the head of the RUIE.

INVESTMENTS IN EDUCATION AND SCIENCE

According to Oleg Smolin, in addition to financing, there is another systemic problem with education and science, which is equally acute — one of bureaucratization.

“The State Duma Committee on Education and Science made a special report. It turned out that secondary schools fill out 300 reports per year based on 11,700 indicators. Moreover, there’s an obvious trend: there are increasingly fewer people who are engaged in actual work and more people engaged in supervision. Involuntarily I recall a joke of the 1930s: half the country are prisoners, and the other half are guards. Now half the country works, and the other half supervises — and the balance is clearly tipping in favor of the latter. By the way, 80% of all supervisory procedures in education (and I believe it is also true for science) are not associated with education per se, but with various other kinds of supervision. A rector in Moscow I’m familiar with says he is supervised by 18 agencies besides Rosobnadzor. According to international studies the Russian teacher is in first place by the amount of time he spends on various kinds of bureaucratic procedures,” the deputy said.

Speaking about the social security of teachers, Oleg Smolin cited polls by the All-Russia People’s Front, an organization that should not be prone to exaggeration. The latest 2019 data look like this: in 53 regions of the Russian Federation 30% of teachers receive a salary of 15,000, while the average teacher’s workload is more than 50% higher than normal, and according to the Russian Academy of National Economy and Public Administration 14% of Russian teachers work two jobs.

“There is a sad joke: we work one and a half jobs because if we worked one job we’d have no money to buy food and if we worked two jobs we wouldn’t have time to eat. Apparently, 14% of our teachers have no time to eat. Colleagues, I’m not joking, it is a matter of the quality of education. When you work two jobs, and I did work as a teacher, a decline in the quality of education is inevitable,” Oleg Smolin said.

According to the deputy, the country is almost ready for a consensus on the necessity of the three pillars of modernization: a new industrialization, a more equitable distribution of income and investment in human potential.

Data provided by

Oleg Smolin,

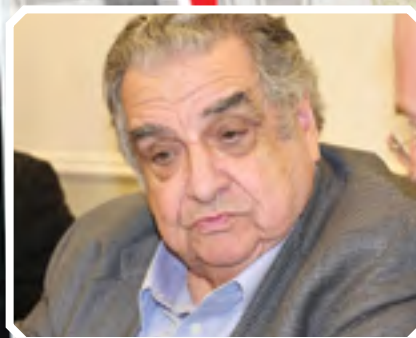
First Deputy Chairman of the State Duma Committee on Education and Science, Doctor of Philosophy, Academician of the Russian Academy of Education

According to the Higher School of Economics, investments in Russian education amounted to 3,9% in 2006, 3.6% in 2015 (a 0.3% decrease). In 2019, the education budget will grow by 21%, but we will not reach the 2012 level; considering the amount of funds spent on education in 2006 to be 100%, 180% was spent in 2012, and 149% in 2015, but the amount spent in 2019 is still shy of the 2012 level. The average education spending in OECD countries is 4.7%. According to prominent international experts, a country that wishes to accelerate its modernization should spend at least 7%. The situation with science: the international standard of government spending on science is 2%. By presidential decree No. 599 of 2012, 1.77% should have been spent in 2015. According to the Committee on Education and Science of the State Duma, only 0.38-0.39-0.38% will be spent in 2019-2021, respectively.

Viktor Ivanter,
Research Director of the
Institute of Economic
Forecasting of the Russian
Academy of Sciences,
academician of the Russian
Academy of Sciences, full
member of the Senate of
the VEO of Russia

Current economic growth
potential — 4.8%. Net exports
contribution — 0.8%, gross
savings — 2.6%, government
consumption — 0.3%, and
household consumption —
1.1% (this is an important
item). Breakdown by areas:
infrastructure — 1%, housing
construction — 0.8%, export
efficiency — 0.7%, mechanical
industry upgrade — 0.8%,
economic inertia — 1.5%. A
total of 4.8%.

КАК РОССИИ ИЗБЕЖАТЬ СТАГНАЦИИ?

Абел Аганбегян,
заведующий кафедрой экономической
теории и политики Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС), академик РАН,
д. э. н., профессор, представил свою программу на
Московском академическом экономическом форуме.

метров в год ниже, чем в 2015-м). Кроме того, в негативной зоне находятся инвестиции в основной капитал, объем строительства, экспорт и импорт (снижение — 20–25% за этот период). Немного растёт валовой внутренний продукт: в среднем 0,4% в год за шесть лет, немного быстрее — промышленность (0,6% в год).

В отличие от кризиса, который внутри себя содержит и механизм выхода из него — чем глубже вы упали, тем, по мировой статистике, вы более круто выходите из кризиса (кризис мудрые китайцы обозначают двумя иероглифами — один означает беда, а второй — шанс), стагнация не имеет внутри себя никакого механизма выхода. Стагнация с каждым годом ухудшается, потому что она содержит внутри себя негативные тренды, которые тянут экономику вниз.

НЕГАТИВНЫЕ ТРЕНДЫ СТАГНАЦИИ

Первое. Отток капитала идет 11-й год подряд. Он начался в 2008 году, и каждый год с тех пор продолжается. В целом за 10 лет и один квартал из России ушло больше, чем пришло, — на 746 миллиардов долларов. Это огромная сумма. Второй негативный тренд в рамках стагнации — это прогрессирующее устаревание основных фондов и его активной части, машин и оборудования. Поскольку инвестиции сокращаются, то, естественно, нормы выбытия и нормы обновления резко снижаются в период стагнации. Так, в год у нас выбывает только 0,5% основных фондов, за пять лет — 2,5%, а оставшиеся 97,5%, из которых значительная часть — почти половина — это оборудование, на пять лет стареют. Сейчас 23%, по нашей официальной статистике, машин, оборудования и транспортных средств, которые должны были быть вчера выкинуты еще и заменены новыми, работают сверх сроков амортизации. Они требуют средств на обслуживание, ремонт, на замену запчастей, значительную часть времени простаивают и, естественно, с каждым годом все сильнее тянут экономику вниз.

Третье совершенно неожиданное обстоятельство, которое тянет нас вниз (специфика России) — это наш бюджет. Дело в том, что в постоянных ценах за шесть лет реальный бюджет сокращается, и сокращается по следующей причине: когда мы создавали налоговое законодательство, доля нефти и газа в валовом продукте России составляла 15%, а в налоговых поступлениях — 40%, поэтому когда был подъем и цены на нефть выросли в восемь раз с 1998-го по 2008 год, то бюджет рос намного быстрее валового

продукта и тянул его вверх; затем цены на нефть снизились (они же были 115, а сейчас — 65), поэтому, если они формируют 40% налогов, а 40% налогов — это треть консолидированного бюджета, который составляет 37% всего ВВП, то бюджет, сокращаясь, тянет вниз всю экономику.

Конечно, экономику вниз тянет и неблагоприятная демографическая обстановка. За два последних года, как вы знаете, на 300 тысяч сократилась рождаемость. Она была почти 1900 тысяч, а в 2018-м — 1600 тысяч. На 5 миллионов, по сравнению с 2010 годом, сократилась численность трудоспособного населения. С 2018 года началось снижение общей численности населения, потому что миграция вдвое сократилась из-за того, что доллар теперь стоит больше в рублях, и мигрантам из других стран, где все оценивается в долларах, невыгодно работать в России и получать эти рубли — их интересует отправка денег своим семьям, а рубль обесценился более чем вдвое. Таким образом, в прошлом году общее сокращение численности населения составило 100 тысяч человек. Особенно плохо, что вот в этот период стагнации по основным показателям падает уровень жизни. Уровень жизни — это не благоденствие, это не просто помощь людям, это не просто цель. Человек — это главная производительная сила. И если вы не вкладываете в человека (а вклад в человека и есть рост его благосостояния в конечном счете), то вы просто подрываете свой экономический рост.

Что значит сокращение третий год подряд объемов жилищного строительства? Жилищное строительство имеет колоссальный акселераторный эффект с точки зрения экономического роста. Рост жилищного строительства тянет за собой и строительство всех коммуникаций, и развитие инфраструктуры и сопутствующих объектов, и колоссальные денежные потоки, в том числе связанные с оборотом жилой недвижимости, и это — 20% валового продукта. Поэтому каждые 5% роста жилищного строительства — это 1% роста валового продукта. И наоборот, сокращение жилищного строительства — это минус валового продукта, а сокращение произошло с 85 миллионов квадратных метров в год в 2015 году до 75 миллионов сейчас.

ПРОВАЛЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Экономический рост невозможен без сколь-нибудь длительного роста платежеспособного спроса. За год можно что-то сделать, но, в принципе, если мы не будем систематически увеличивать реальные доходы, если мы в ближайшие годы не компенсируем

ЦИФРЫ СТАГНАЦИИ

6 ЛЕТ — СОКРАЩЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ДОХОДОВ

25% — СНИЖЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ

23% — ПОЛНОСТЬЮ УСТАРЕВШЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ

10 МЛН КВ. М — СОКРАЩЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА С 2015 Г.

746 МЛРД ДОЛЛАРОВ — ОТТОК КАПИТАЛА ЗА 10 ЛЕТ

100 000 — СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В 2018 ГОДУ

400 000 ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ УМИРАЕТ В ГОД

11% — СНИЖЕНИЕ РАСХОДОВ НА ОБРАЗОВАНИЕ С 2008 ГОДА

СВИДЕТЕЛЬСТВА СТАГНАЦИИ

Российская экономика седьмой год находится в стагнации, которая началась с 2013 года, из которых два года — 2015-й и 2016-й — были годами рецессии. Стагнация продлится минимум еще 2–3 года — видимо, она будет десятилетней. Если помните, в Америке стагнация длилась 12 лет, с 1970-го по 1982-й. И только коренные меры президента Рейгана в 1982 году содействовали тому, что она была преодолена. Из 12 главных экономических и социальных показателей, если взять шесть полных лет — 2018 год по отношению к 2012-му, шесть показателей являются отрицательными. К сожалению, большая часть из них — социальные. Стагнация сопровождается снижением уровня жизни. По сравнению с 2012 годом у нас ниже и реальные доходы, и конечное потребление домашних хозяйств, и розничный товароборот в расчете на душу населения. Шестой год сокращаются реальные доходы, третий год идет резкое сокращение ввода жилья (уже на 11 миллионов квадратных

довольно значительное снижение, которое произошло с 2013 года, то никакого преодоления стагнации, возобновления экономического роста не будет. Мы не отдаем себе должным образом отчет в том, не считаем ту экономическую выгоду, тот экономический эффект, который проистекает от сокращения смертности. Ведь даже по Росстату стоимость жизни одного человека, когда он умирает, составляет 4,4 миллиона рублей (это официальные цифры, которые сейчас используются в расчетах в правительстве). Все наши эксперты считают, что, конечно, эти цифры вдвое-втрое занижены, но даже если это 4,4 миллиона, то у нас в год умирают 400 тысяч человек трудоспособного населения. Если бы у нас были условия Западной Европы, у нас бы умирали 130 тысяч, если бы у нас были китайские условия, у нас бы умирали 300 тысяч. Умножьте-ка сотни тысяч дополнительно умерших в трудоспособном возрасте на 4,4 миллиона, и вы получите триллион рублей убытка стране.

У нас с 2008 года идет сокращение расходов на образование по физическому объему в абсолютных цифрах, снижение доли образования в валовом продукте. Это можно посмотреть по статистике национальных счетов — на 11% за эти годы сократились расходы на образование. То есть вложения в человеческий капитал у нас занимают фантастически низкий процент. Сфера экономики знаний — это главная составляющая человеческого капитала. Сюда входят НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, здравоохранение. У нас доля финансирования этих отраслей, доля в валовом продукте составляет 14%, в Европе — 30%, в Америке — 40% ВВП.

Второй после человеческого капитала или экономики знаний драйвер нашего роста — это инвестиции в основной капитал. Мы же все-таки индустриальная страна, но у нас отсталая технологическая, материально-техническая база народного хозяйства, прежде всего действующего производства. У нас доля высокотехнологических отраслей в хозяйстве — вдвое ниже, чем в развитых странах, и доля инвестиций в ВВП, по официальной статистике, составляет 17%. А если считать не инвестиции, а так называемые накопления в основной капитал по системе национальных счетов, то получается 20,5% — это ниже, чем в среднем в развитых странах. Давайте сравним. В развитых странах 21% — инвестиции и 30–40% — доля сферы экономики знаний в валовом продукте. И ежегодный рост ВВП составляет 1,5–2%. А страна, у которой 17 и 14%, а не 21 и 30–40%, должна стагнировать. Мы стагнируем закономерно, и надо только удивляться, почему мы временами растем. Если начать разбираться, за счет чего мы растем и в какие периоды, то будет видно, что этот рост в основном связан с повышением цен на нефть. Мы вышли из стагнации только потому, что на 25% повысилась цена на нефть и на 25% вырос экспорт в 2017 году. Если экспорт вырос на 25%, то, конечно, ВВП увеличится на 1,5–2%. То есть это не были внутренние факторы эконо-

ОСНОВЫ СТАГНАЦИИ

	РОССИЯ	РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ
Экономика знаний	14% ВВП	30–40% ВВП
Доля инвестиций	17% ВВП	21%
Рост ВВП	1,5% в год	3,7%

мического роста за счет технологического прогресса, за счет производительности, за счет прогрессивного изменения структуры — ничего этого близко не было, поэтому у нас такое серьезное положение.

Выйти из стагнации невозможно, ничего не делая. Само собой это, к сожалению, не получится, и полумеры здесь не помогут. Я напому меры Рейгана, исключительные по своей значимости. Он серьезно снизил подоходные налоги со всего населения США. А подоходный налог — это больше половины всех налогов США. Он еще сильнее снизил сборы по налогу на капитал с тем, чтобы высвобожденные деньги у населения люди бы вложили в ценные бумаги, в инвестиции, в фонды. Второе: он вдвое сократил срок амортизации и дал возможность проводить ускоренную амортизацию, стимулировал ее, заставил предприятия и организации выкинуть фактически готовое оборудование, которое могло еще 20 лет работать. И там вынуждены были покупать новое оборудование, а в производство нового оборудования пришли инвестиции. Америка сделала рывок в инновационном развитии (она же тогда очень сильно отставала от Японии) и 25 лет развивалась без кризисов фактически, до 2007 года. Никогда в ее истории ничего подобного не было.

Нужны коренные меры, в том числе и в первую очередь — в области благосостояния, потому что от человеческого капитала в решающей мере зависит подъем экономики. Конечно, дело не только в благосостоянии. Нужен комплексный, серьезный план, который был бы связан с переходом к форсированным инвестициям и форсированным вложениям в человеческий капитал. Если мы будем повышать инвестиции ежегодно на 10% и вложения в человеческий капитал на 10%, мы сможем на третий-четвертый год такой интенсивной работы возродить экономический рост сначала до 3% (как только наши инвестиции повысятся до 22–23% в ВВП, а доля сферы экономики знаний — до 20%). А дальше рост достигнет 5%, когда мы дойдем до 25–27%, что предусмотрено, как вы знаете, Указом Президента от 7 мая 2018 года — к 2024-му достичь этих показателей. Тогда нас ждут очень большие, коренные перемены, и только они могут дать экономический рост.

ОТКУДА ВЗЯТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА?

Денег нужно не так много. 2 триллиона инвестиций, чтобы на 10% в год их повышать, и 1,5 триллиона — на человеческий капитал в год.

Сейчас 92% всех инвестиций и 100% всех вложений в человеческий капитал — безвозвратные, хотя в значительной мере это средства, которые должны окупаться. И поэтому нужно это делать через инвестиционный кредит, включая и кредит на образование. Это первое.

Надо заинтересовать бизнес правильно направить эти деньги. Ясно куда — на технологическое обновление действующего производства, чтобы за 10–15 лет перевести хозяйство на новую технологическую базу; на резкий рост мощностей в высокотехнологических отраслях, прежде всего в электронике, фармацевтике, автостроении и так далее; на создание современной транспортно-логистической инфраструктуры; на жилищное строительство. То есть на сферы, которые дадут толчок.

Нужны такие стимулы, которые заинтересовали бы людей вкладывать эти деньги. Вы можете иметь деньги, но, если вы будете 12% брать за них, никто не будет заинтересован в таких инвестициях. Инвестиционный кредит должен стоить максимум 5%, если вы хотите заинтересовать предприятия в обновлении действующего производства с окупаемостью 5–7 лет; 4% — на ввод новых мощностей, с окупаемостью 10–12 лет; 3% — если вы хотите, как в Китае, использовать инвестиционный кредит на создание скоростных железных дорог, автомобильных трасс и так далее.

Необходимо налоговое стимулирование. Если вы хотите, чтобы люди обновляли оборудование, переводили производство на новые технологии, дайте им налоговую паузу на этот сложный период. Человек остается без оборудования, которое он демонтирует, чтобы заменить новым, он должен в это время платить зарплату, а у него еще налог берут — конечно, предприятие не заинтересовано в том, чтобы делать

ЕСЛИ ПОСЧИТАТЬ ВСЕ НАЦПРОЕКТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЛИЯНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, УСКОРЕНИЕ СОСТАВИТ 0,2 ПРОЦЕНТА В ГОД

инвестиции. Освободите часть прибыли от налога — ту часть, из которой предприятие черпает средства на инвестиции или обучение людей, как в большинстве других стран.

Нужно снижение ключевой ставки Центрального банка хотя бы до 4–5%. Для этого необходимо иметь 3–4-летний план снижения этой ставки — для этого надо серьезные меры принимать.

Нужны и мощные структурные реформы, чтобы снимать препятствия, которые стоят на пути социально-экономического роста. Следовало бы провести реформу собственности, провозгласив частную собственность неприкосновенной и направив деятельность всех госорганов на ее развитие, укрепление и защиту. Одновременно нужно покончить с госмонополизацией, реорганизовав по примеру энергетики Газпром, Роснефть, РЖД и другие естественные монополии, всемерно развив конкуренцию.

В крупной реформе нуждается вся финансовая система — и бюджет, который должен стать бюджетом развития с целевыми показателями, и банковская система, которую надо приумножить и вернуть к решению проблем социально-экономического роста, к мобилизации и эффективному использованию ресурсов на инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал. Предстоит создать систему внебанковских фондов «длинных» денег — пенсионных, страховых, паевых, ипотечных и других, реформировать фондовую биржу как элемент рынка капитала.

Нуждаются в реформах с рыночных позиций пенсионное обеспечение, финансирование здравоохранения и образования, система ЖКХ, целесообразно провести налоговую реформу и др. Как только мы начнем экономический рост, нужно начать вкладывать деньги в рост минимальной зарплаты. Она должна быть минимум 25 тысяч, если мы хотим сравняться хотя бы с Турцией, которая отнюдь не выше нас по уровню экономического и социального развития. Пенсии должны быть минимум 25 тысяч, а не 12 тысяч, они должны быть совершенно иначе устроены. Так, нужно предоставить возможность досрочного выхода на пенсию, когда не очень здоровые люди могли бы выходить в 55 лет — женщины, в 60 — мужчины, но со сниженной выплатой, как во всех странах. В Германии в среднем люди выходят на пенсию на два года раньше срока. Эта возможность предусмотрена во всех странах — на пять лет

раньше выходить на пенсию. Мы же такую возможность людям не дали. А у нас больше половины людей старше 55 лет, по статистике, болеют.

Нам нужно немедленно прекратить это безобразие — падение реальных доходов, падение объема жилищного строительства, и к этому есть прекрасный, легкий путь. Мы — единственная страна, которая в период стагнации имеет колоссальный профицит — 2,5 триллиона. У нас 20 миллионов бедных, и мы имеем 2,5 триллиона профицита вместо того, чтобы иметь 3 триллиона дефицита. Это был бы безопасный дефицит. Если мы хотим выйти из стагнации, надо перейти к дефицитному бюджету, на котором живет вся Америка, вся Европа и так далее.

КОРОТКО — О НАЦПРОЕКТАХ

Альфа-банк опубликовал, казалось бы, сенсационное сообщение, что, если посчитать все нацпроекты с точки зрения влияния на экономический рост, ускорение составит 0,2% в год. Надо сказать, что у Института народнохозяйственного прогнозирования получились цифры лучше — 0,6% в год. Важно, чтобы все поняли, что нацпроект — это очень маленькие деньги. Сумма всех нацпроектов — немногим более 4 триллиона в год. За 4 триллиона в год вы экономику не поднимите. У нас 104 триллиона — ВВП 2018 года, поэтому 4 триллиона — это очень мало, это значит, что мы не берем 18 триллионов из накоплений в основные фонды, они — вне национальных проектов. Как так можно?

Если мы хотим сделать серьезный шаг, нужны серьезные деньги, нужно возвращаться к планированию, планированию не формальному и централизованному — централизация может быть внутри государственного сектора. В остальном же планирование должно быть индикативным, но нужно составлять инвестиционную программу, общий финансовый план.

Бюджет нужно составлять с целевыми показателями, а не просто так: тратим на здравоохранение 3 триллиона, а что за это имеем, не ясно. Нам нужны такие коренные изменения, которые реально будут соответствовать достижению результатов, предусмотренных Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г.

С 2008 ГОДА

идет сокращение расходов на образование по физическому объему в абсолютных цифрах, снижение доли образования в валовом продукте.

ВНЕШНИЕ УСЛОВИЯ – НЕПЛОХИЕ

Алексей Веды,
директор Центра структурных исследований
РАНХиГС

Судя по оперативным данным, итоги второго квартала, со снятой сезонностью, будут хуже первого. По классическому определению, если сокращение экономики происходит два квартала подряд, это рецессия.

При этом внешние условия неплохие. Влияние санкций, на мой взгляд, незначительно. Доля нерезидентов на рынке внутреннего долга побилла все рекорды — около 31%. Напомню, что в 1998 году, в год дефолта, доля нерезидентов была на уровне 28%. Цены на нефть держатся в коридоре 65–70 долларов за баррель. В принципе, все неплохо. И на этом фоне очень странно, почему еще осенью 2018 года, ожидая примерно такие же условия, Минэкономразвития назвал этот год адаптационным и в принципе прогнозировал его плохим. Надо «отдать должное» МЭР: плохой прогноз оказался достаточно точным.

Некую отправную точку для разворота тот же МЭР видит в реализации нацпроектов. Для меня они представляются большим риском, риском идеологическим, я бы сказал. Прежде всего, нацпроекты не представляют собой ничего нового — это наследники госпрограмм, которые несколько переформатировали.

А идеологические риски я вижу в следующем. На нацпроекты собираются тратить колоссальную сумму — 25,4 трлн руб. Это примерно по 4 трлн год, что, в принципе, не много. Но надо помнить, что при этом подразумеваются частные инвестиции примерно на 22 трлн в год. И, я так понимаю, основная надежда возлагается на то, что эти четыре триллиона будут обладать столь сильным мульти-

плицирующим эффектом, что будут содействовать активации частных инвестиций. А вот это представляется пока сомнительным.

По статистике, частных предприятий у нас больше закрывается, чем появляется. Но вопрос даже в другом. В том, что у бизнеса достаточно плохие ожидания, неуверенность. Чему, конечно, способствует и эта игра с обменным курсом, на мой взгляд, вопиющая. Это не просто искусственное сдерживание укрепления рубля, а целенаправленная его девальвация. Вышел платежный баланс 2018 года, из которого видно, что из-за санкций — а как вы помните, апрельскую и августовскую девальвацию того года денежные власти оправдывали именно санкциями и усилением оттока капитала — уткло 7 миллиардов долларов. При этом Минфин купил за год более 69 миллиардов — практически в 10 раз больше. То есть на самом деле у нас основной источник девальвации — это никакие не внешние условия, а жесткое бюджетное правило. И за счет него сильно разгоняется ослабление рубля. Если сейчас все ожидают, что осенью рубль будет, может, 75, может, 80, а то и все 90 за доллар, конечно, инвестиционная активность будет крайне низкой.

А у нас треть импорта — это инвестиционный импорт, — который очень чувствителен к обменному курсу. И в инвестициях основной провал — это как раз машины и оборудование. Инвестиционный импорт очень подвержен влиянию обменного курса и слабо подвержен импортозамещению. Практически не замещаем.

Надо двигаться в другую сторону: в сторону большей эффективности и, как это ни банально звучит, в сторону предпринимательской инициативы.

Плюс беспрецедентное падение реальных доходов населения, которого в новейшей России до сих пор не наблюдалось. Конечно, мы поборолли инфляцию, но при таком низком потребительском спросе инфляция вообще не проблема, не стоит ее фетишизировать. Естественно, силами беднеющего населения ничего хорошего в экономике сделать нельзя. В 2015–2016 годах прописывалась инвестиционная модель роста, о чем сейчас забыли. Посмотрите на сальдированный финансовый результат: прибыль предприятий достаточно высока, они располагают деньгами, ставки по кредитам также подъемные. Казалось бы, самое время для инвестиций. Но их нет. И вопрос, конечно, в мотивации и в частной инициативе, которой нет.

СТРУКТУРНЫЕ РЕФОРМЫ МЫ ТАК И НЕ НАЧАЛИ, ОНИ С 2015 ГОДА ПРОПИСЫВАЛИСЬ В СЦЕНАРИЯХ, НО МЫ ОТ НИХ ТОЛЬКО ОТДАЛЯЕМСЯ

В 2015–2016 ГОДАХ

прописывалась инвестиционная модель роста, о чем сейчас забыли, посмотрите на сальдированный финансовый результат: прибыль предприятий высока, но инвестиций нет.

СТАГНАЦИЯ НА ПОРОГЕ РОСТА?

Во втором квартале 2019 года в российской экономике доминирующей тенденцией стала стагнация. Существенно замедлилась динамика всех основных компонентов экономического роста, хотя причины такого замедления были разные. Остановился рост потребления населения (из-за стабилизации реальных доходов и ограниченности возможности перераспределения ресурсов из сбережений в потребление), экспорта (отчасти, но только отчасти, из-за загрязнения нефти в трубопроводе «Дружба»), инвестиций в основной капитал. Против роста последних работает целый комплекс факторов, важнейшим из которых стало влияние монетарной политики. Высокие ставки Банка России не просто демотивируют компании от рискованного инвестирования, но и наблюдается активный переток средств компаний с расчетных счетов (с минимальным процентом) на депозиты. Таким образом, даже те деньги, которые есть в частном секторе, перестают «работать на рост». Одновременно бюджетный профицит на фоне повысившегося в начале года налога на добавленную стоимость, привел к «вымыванию» денег из экономического оборота на счета бюджета (в размере 2,31 трлн руб. на 1 июля, что сопоставимо с частными инвестициями за первый квартал 2019 г.). В то же время есть признаки того, что экономика находится буквально «на пороге роста»: это и повышение потребительской активности в крупных городах (увеличение «среднего чека» по данным ИХ «Ромир»), и стабилизация инвестиционной активности в целом ряде производств, не связанных ранее с (завершившимися) «мегастроиками». Поэтому, вероятно, даже не очень сильного импульса к росту (снижения ключевой ставки Банка России, активизации бюджетных расходов по нацпроектам и т. п.) будет достаточно, чтобы «перезапустить» рост.

Из доклада «Тринадцать тезисов об экономике: июль 2019» Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования

HOW TO END STAGNATION?

Abel Aganbegyan,

Head of the Department of Economic Theory and Policy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

THE evidence OF STAGNATION

Beginning from 2013, Russian economy has been in stagnation for seven years, of which two years — 2015 and 2016 — were years of recession. Stagnation will last at least another 2 or 3 years — apparently, all in all it will take a decade. You might remember that stagnation lasted 12 years in the US, from 1970 to 1982. And it was overcome only with the help of the drastic measures proposed by President Reagan in 1982. By 2018, as compared against 2012, 6 of the 12 key economic and social indicators declined over the six-year period. Unfortunately, most of them were social indicators. Stagnation is accompanied by a decrease in living standards. Compared to 2012, we have lower real incomes, household consumption, and retail turnover per capita. For six years in a row, real incomes have been declining, and there has been a sharp decline in housing construction over the last three years (by 11 million square meters per year compared to 2015). In addition, investments in fixed assets, construction volume, exports and imports have been declining (a 20–25% decrease over the period in question). Gross domestic product has been growing slightly: by 0.4% per year on average over a 6 year-period, with industrial production growing at a faster rate (0.6% per year).

Unlike the crisis, which also contains a mechanism for overcoming it, so the deeper you fall, the faster you can get out of it according to global statistics (wise Chinese people use two hieroglyphs to describe the crisis — one means trouble, and the other means chance), stagnation has no exit mechanism within itself. Stagnation gets worse every year, because it contains within itself negative trends that drag economy down.

NEGATIVE TRENDS OF STAGNATION

First. The outflow of capital has been a reality for 11 years in a row. It began in 2008, and has never stopped since then. On the whole, over the 10 years plus one quarter, Russia has lost more than it has gained, by \$746 billion. This is a huge amount. The second negative trend of stagnation is the growing obsolescence of fixed assets, particularly machinery and equipment. As investments decline, retirement and renewal rates decrease sharply during stagnation. So, only 0.5% of fixed assets retire over a year, 2.5% over 5 years, and the remaining 97.5% (of which equipment is a significant part, almost a half) age another 5 years. At present, according to the official statistics, 23% of machines, equipment and vehicles that were supposed to be discarded yesterday and replaced with new ones, have been working past their depreciation deadline. They require funds for maintenance, repair, replacement of spare parts, they sit idle for significant periods of time, and, of course, every year they drag the economy down even more.

The third completely unexpected factor that drags us down (a peculiarity of Russia) is our budget. The fact is that, expressed in 6-year constant prices, the real budget has been declining due the following reason: when the tax laws were formulated, the share of oil and gas in Russia's gross product was 15%, and 40% in tax revenues; so when the economy was on the rise, and oil prices rose 8 times between 1998 to 2008, the budget grew much faster than the gross product, driving it up; then oil prices fell (from 115 to 65); therefore, considering that oil prices produce 40% of taxes, i.e. one third of the consolidated budget which is 37% of the total GDP, the budget, as it shrinks, drags down the entire economy.

STAGNATION IN FIGURES

6 YEARS
DECLINE IN REAL INCOMES

25% DECLINE IN
CAPITAL INVESTMENTS

23% COMPLETELY
OBSOLETE EQUIPMENT.

**10
MILLION
SQUARE
METERS**
DECREASE IN HOUSING
CONSTRUCTION SINCE 2015,

**\$746
BILLION**
CAPITAL OUTFLOW OVER 10
YEARS

100,000
REDUCTION IN POPULATION
SIZE IN 2018,

400,000
ABLE-BODIED PEOPLE DYING
EVERY YEAR

11% DECREASE IN
EDUCATION SPENDING SINCE
2008

BASICS OF STAGNATION

	RUSSIA	DEVELOPED COUNTRIES
Knowledge economy	14% of GDP	30-40% of GDP
Share of investments	17% of GDP	21%
GDP growth	1.5% per year	3,7%

Of course, the unfavorable demographic situation is also dragging the economy down. Over the past two years, as you well know, the birth rate has decreased by 300,000. It had been almost as high as 1,900,000, and was 1,600,000 in 2018. Compared to 2010, the number of able-bodied people decreased by 5 million. Since 2018, the total population has started to shrink because migration has halved due to the fact that the dollar is now worth more in rubles and migrants from countries where everything is priced in dollars see no advantage in working in Russia and earning rubles — they are interested in sending money to their families, and the ruble has lost more than a half of its value. Thus, last year the total population decline amounted to 100,000. What's especially bad is that stagnation causes the key indicators of living standards to drop. Maintaining the standard of living does not mean ensuring prosperity or simply helping people, it is not merely a goal. People are the main productive force. And if you do not invest in people (and investing in people means increasing their well-being in the long run), you simply undermine your economic growth.

What is the meaning of the reduction in housing construction for three years in a row? Housing construction has a tremendous accelerating effect in terms of economic growth. The growth of housing construction also drives the construction of utilities and the development of infrastructure and related facilities, and enormous cash flows, including those associated with sales of residential real estate, which make up 20% of the gross product. Therefore, a 5% growth in housing construction means a 1% growth in gross domestic product. Conversely, a reduction in housing construction means a decline in GDP, and housing construction has indeed shrunk from 85 million square meters per year in 2015 to the current 75 million.

SOCIAL POLICY FAILURES

Economic growth is impossible without a sustained growth of effective demand. We might be able to achieve something within a year, but, in principle, if we do not systematically increase real incomes, if we do not compensate for the rather significant decrease that has occurred since 2013, then there will be no overcoming of stagnation or resumption of economic growth. We are not fully aware of, and we do not take into account the economic benefit, the economic effect of a reduction in the mortality rate. Indeed, even according to the Federal State Statistics Service, the death of one person costs the economy 4.4 million rubles (this is the official figure that is used in government calculations). All our experts believe that, of course, these figures are underestimated by two or three times, but even if it is 4.4 million, consider the overall cost given that 400,000 people of working age die every year. If we had the conditions of Western Europe, we would have 130,000 people dying every year, if we had Chinese conditions, we would have 300,000 people dying. Multiply hundreds of thousands of working-age people who died by 4.4 million, and you will get a trillion rubles in losses.

Since 2008, we have been reducing expenditures on education in absolute figures and reducing the share of education in the gross domestic product. This is obvious from the national statistics — education spending has declined by 11% over those years. That is, investments in human capital are extremely low. Knowledge economy is the main component of human capital. It includes R&D, education, information and communications technology, biotechnology, and healthcare. Those industries account for 14% of the gross domestic product, compared to 30% of GDP in Europe, and 40% in the United States.

The second driver of our growth after human capital or knowledge economy is investment in fixed assets. We are, after all, an industrial country, but our national economy, and especially the existing production sphere, rests on a backward technological, material and technical base. Our country's share of high-tech industries is half that of the developed countries, and the share of investment is 17% of GDP according to official statistics. And if instead of investments we consider the so-called fixed assets accumulations according to the system of national accounts, then we get 20.5%, i.e. lower than the average for developed countries. Let's compare. In developed countries, investments account for 21% and knowledge economy for 30–40% of GDP. Annual GDP growth is 1.5–2%. A country with 17% and 14%, unlike one with 21% and 30-40%, is bound to stagnate. Our stagnation is quite natural, and we can only wonder why our economy sometimes starts to grow. If we start to ponder why our economy grows, and when, we will see that growth is mainly driven by higher oil prices. We came out of stagnation only because the oil prices increased by 25% and exports grew by 25% in 2017. If exports grow by 25%, then, of course, GDP is bound to increase by 1.5–2%. That is, the economic growth was not due to internal factors of technological progress or higher productivity or ongoing structural changes, by far. So, our situation is quite serious.

It is impossible to get out of stagnation without doing anything. Unfortunately, stagnation will not end by itself, nor will any half measures help. I recall the Reagan measures, which were of exceptional significance. He seriously cut income taxes for the entire US population. And income taxes account for more than a half of all US taxes. He reduced capital taxes even more so that people could invest the money in securities or assets. Secondly, he halved the depreciation period and made it possible to accelerate depreciation, he encouraged it and forced enterprises and companies to get rid of equipment that could have remained in operation for another 20 years. They were compelled to buy new equipment, and thus to invest in the production of new equipment. America made a breakthrough in innovative development (at that point it was far behind Japan), and for the next 25 years it went on developing without crises, up until 2007. It was a unique period in its history.

Drastic measures are needed, first and foremost in the area of well-being, because the

growth of the economy depends to a large extent on human capital. Of course, it is not only about well-being. We need a comprehensive, serious plan that would be associated with the transition to forced investments in human capital. If we increase investments by 10% annually and investments in human capital by 10%, we will be able to bolster economic growth by the third or fourth year of such intense work, first bringing it up to 3% (as soon as investments rise to 22–23% of GDP, and the share of knowledge economy to 20%). And then the growth will reach 5% as we attain 25–27% according to the Presidential Decree of May 7, 2018, which requires that those indicators be attained by 2024. Thereafter, we will see huge, radical changes, which alone can bring about economic growth.

WHERE THE EXTRA MONEY WILL COME FROM?

Not much money will be needed. We need 2 trillion in investments to increase them by 10% annually, and 1.5 trillion per year for human capital.

Currently, 92% of all investments and 100% of all investments in human capital are non-returnable, although to a large extent those funds are supposed to be recoupable. Therefore, they should be made through investment loans, including education loans. This is the first point.

It is necessary to induce businessmen to properly channel the money. It is clear how it should be used — for upgrading existing production in order to build a new technological base for the economy in the next 10 to 15 years; for drastically increasing the capacity of high-tech industries, primarily electronics, pharmaceuticals, automotive engineering and so on; for building a modern transport and logistics infrastructure; for boosting housing construction. That is, for those areas that are capable of driving the economy.

We need incentives that would induce people to invest their money. You may have money, but if you charge 12% for its use, no one will be interested in such investments. An investment loan should cost no more than 5% if you want to induce enterprises to upgrade existing production with a payback of 5–7 years; 4% for the commissioning of new

production facilities, with a payback of 10-12 years; 3% if you want to use investment loans to build high-speed railways, highways and so on, like they do in China.

Tax incentives are necessary. If you want people to upgrade their equipment and transfer to new production technologies, give them a tax break during this difficult period. A businessman is left without equipment when he disassembles it in order to replace it with new one; he still must pay salaries and he still must pay taxes. So, of course, his company is not interested in making investments. Some of the profit should be exempted from tax, the part from which the company draws funds for making investments or training personnel, like in the majority of other countries.

It is necessary to reduce the key rate of the Central Bank to at least 4-5%. To achieve this, a 3-4-year reduction plan is needed which implies taking serious measures.

Powerful structural reforms are also needed to remove the obstacles that stand in the way of socio-economic growth. Property reform should be carried out to declare private property inviolable and to direct the activities of all government bodies towards its development, reinforcement and protection. At the same time, it is necessary to put an end to state monopoly by reorganizing Gazprom, Rosneft, Russian Railways and other natural monopolies, following the example of the energy sector, and by developing competition in every way.

The entire financial system needs a major overhaul — both the budget which should become a development budget with target indicators, and the banking system which must be strengthened and directed towards the resolution of problems of socio-economic growth and the mobilization and efficient management of resources intended for investment in fixed assets and human capital. It is necessary to create a system of non-bank «long money» funds — pension funds, insurance funds, mutual funds, mortgage funds, and others, — to reform the stock exchange as an element of the capital market.

Market reforms are needed in the sphere of financing pensions, health care, education, and housing/utilities management. A tax reform is also in order, etc. As soon as our economy starts to grow, we will need to start investing in raising the minimum wage. It should be at least 25,000 if we want to be at least on par with Turkey, which is by no means better than Russia in terms of economic or social development. Pensions should be at least 25,000, not 12,000, they should work in a completely different way. An opportunity for

early retirement should be provided, so that people with ill health could retire at the age of 55 (women) or 60 (men), albeit with smaller pensions, like in the other countries. In Germany, people retire 2 years earlier, on average. Such an opportunity, to retire 5 years earlier, is provided everywhere else. We haven't provided people with such an opportunity despite that fact that more than half of the people aged over 55 are sick according to statistics.

We need to immediately stop the outrageous decline in real incomes and housing construction, and there is a good and easy way to do this. We are the only country that, during stagnation, has a huge budget surplus of 2.5 trillion. Russia has 20 million poor people and a 2.5 trillion budget surplus instead of a 3 trillion budget deficit. That would be a safe deficit. If we want to end stagnation, we must move on to a deficit budget, like in America, Europe, etc.

NATIONAL PROJECTS IN BRIEF

Alfa Bank published a seemingly sensational report to the effect that if all the national projects were taken into consideration in terms of their impact on economic growth, the overall effect would be 0.2% per year. I must say that the Institute of Economic Forecasting produced a better result, 0.6% per year. It is important for everyone to understand that a national project involves very little money. The sum of all the national projects is just over 4 trillion per year. Four trillion a year is not enough to boost the economy. Our 2018 GDP was 104 trillion, so 4 trillion is a very small amount, which means we don't take 18 trillion out of fixed assets accumulations, it is outside the national projects. How is that possible?

If we want to take a serious step, we need serious money, we should return to planning, and such planning should not be formal and centralized — centralization can be left to the government sector. Otherwise, planning should be indicative, but an investment program, an overall financial plan should be drawn up.

The budget should be drawn up based on targets, it shouldn't be just like spending 3 trillion on healthcare without being sure of the end result. We need radical changes that will actually correspond to the targets set by the May 7, 2018 Decree of the President of the Russian Federation.

ЖАН ТИРОЛЬ: «ГОСУДАРСТВО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ИГРОКОМ НА РЫНКЕ»

«Если руководитель компании является в то же время государственным служащим, возникает конфликт интересов. В частных компаниях это невозможно. Если государство старается обеспечить своим людям победу на выборах, то решения могут приниматься руководством компании, исходя не из рыночных, а из сиюминутных политических соображений. Если банк контролируется государством, то государство скорее будет спасать такой банк в критической ситуации, и, соответственно, руководство банка уже будет рисковать, зная, что его в любом случае спасут».

Жан Тироль,
лауреат Нобелевской премии
по экономике, Франция

Беседа президента ВЭО России профессора Сергея Бодрунова с Жаном Тиролем, лауреатом Нобелевской премии по экономике, научным руководителем Института теории отраслевой организации при Университете Тулуза 1 Капитолий, президентом фонда Жан-Жака Лафонта Тулузской школы экономики.

Бодрунов: Спасибо большое за то, что нашли время прийти в нашу гостиную Дома экономиста. Я хотел бы задать Вам такой вопрос: по данным Антимонопольной службы России, около 70% российского ВВП дают компании, которые либо являются государственными, либо в них превалирует доля государства — они находятся под контролем государства. Как вы считаете, такое широкое участие государства улучшает темпы роста нашей экономики или тормозит развитие экономики?

Тироль: 70% — это, конечно, очень большая цифра. Обычно предпочтительнее, чтобы доля государства в экономике была существенно ниже. Государство не должно выступать в качестве игрока на рынке — я объясню чуть позже, что я имею в виду. Рынок сам по себе хорош, хотя, конечно,

в нем есть и отрицательные факторы. Но если государство будет выступать в качестве игрока, то может возникнуть конфликт интересов. Например, если руководитель компании является в то же время государственным служащим, возникает конфликт интересов. В частных компаниях это невозможно. Другой пример: если государство старается обеспечить своим людям победу на выборах, то решения могут приниматься руководством компании, исходя не из рыночных, а из сиюминутных политических соображений. Если банк контролируется государством, то государство скорее будет спасать такой банк в критической ситуации, и, соответственно, руководство банка уже будет рисковать, зная, что его в любом случае спасут. Государство должно все-таки воздерживаться от активного участия в производственном процессе, а выступать в качестве регулятора...

Бодрунов: То есть выполнять свою основную функцию...

Тироль: Да, по крайней мере, я так считаю. Нужно быть осторожнее и стараться снижать роль государства именно в производстве.

Бодрунов: А в других секторах экономики государство может участвовать более активно?

Тироль: В финансах, конечно, у государства очень большая роль именно как у регулятора финансовой сферы. Тут мы как раз видим, что государство зачастую недостаточно регулирует этот сектор — банковскую сферу и так далее — и из-за этого возникают серьезные проблемы. Кроме того,

МОНОПОЛИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ КОМПАНИЙ ПРИВОДЯТ К ТОМУ, ЧТО ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ ПРОИСХОДИТ ОТ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫХ КОМПАНИЙ К МЕНЕЕ ЭФФЕКТИВНЫМ

Игорь Артемьев,
руководитель
Федеральной антимоно-
польной службы РФ

«Мы сегодня движемся в двух противоположных направлениях. С одной стороны, если раньше мы боролись за новую нормативную базу по развитию конкуренции, она сегодня появилась: это указ президента, 18 правительственных отраслевых программ развития конкуренции, решение Госсовета России о том, чтобы каждый регион себе написал программу развития конкуренции, — это хорошо. Теперь нам нужно бороться не за принятие актов, а за их исполнение. А с другой стороны, мы имеем огосударствление экономики, антиконкурентные практики, освоение средств как основные элементы во многих случаях и в политике. Я хотел бы сказать, что если нам в течение ближайшего времени не удастся заменить один фундамент окончательно на другой фундамент в этой части конкуренции, то мы можем долго еще ходить по кругу, возвращаясь каждый раз в точку ноль с точки зрения темпов роста, и с точки зрения качества жизни».

государство часто вмешивается, начинает спасать банки или проводить финансовую политику, которая не очень хорошо сказывается на ситуации в финансовом секторе — это тоже проблема. На самом деле мы сейчас немного возвращаемся в то состояние, которое у нас было до 2008 года. Иногда решение спасти ту или иную компанию, тот или иной банк может сыграть положительную роль, конечно. Сейчас у нас более грамотная политика в области макроэкономики, более грамотное регулирование. Это касается и Евросоюза, и Федеральной резервной системы США, так что есть положительные изменения. Но дьявол, как говорится, в деталях. Нельзя забывать об уроках 2008 года. Мы сейчас видим, что в некотором смысле ситуация возвращается к тому, что у нас было накануне 2008-го. Поэтому я считаю, что регуляторы должны всегда быть по-настоящему независимыми.

Бодрунов: Я с Вами согласен, это очень важное наблюдение. Мне представляется также, что государство должно играть определенную роль, но эта роль — больше роль регулятора, чем рыночного актора. И мне кажется, с этим связана еще одна проблема: роль государства в монополизации рынка даже не государственными монополиями, а просто крупными компаниями. Как отметил руководитель Антимонопольной службы России, в стране наблюдается огосударствление экономики.

В то же время есть мнения видных экономистов о том, что крупные задачи, которые стоят перед экономикой России, надо решать крупным компаниям, мощным, большим, которые могут консолидировать интеллектуальные, материальные, финансовые ресурсы. Возникает некое противоречие. С одной стороны, нужны крупные компании, с другой — должна быть полностью демополизована экономика. Каково Ваше мнение, как эта коллизия может быть разрешена?

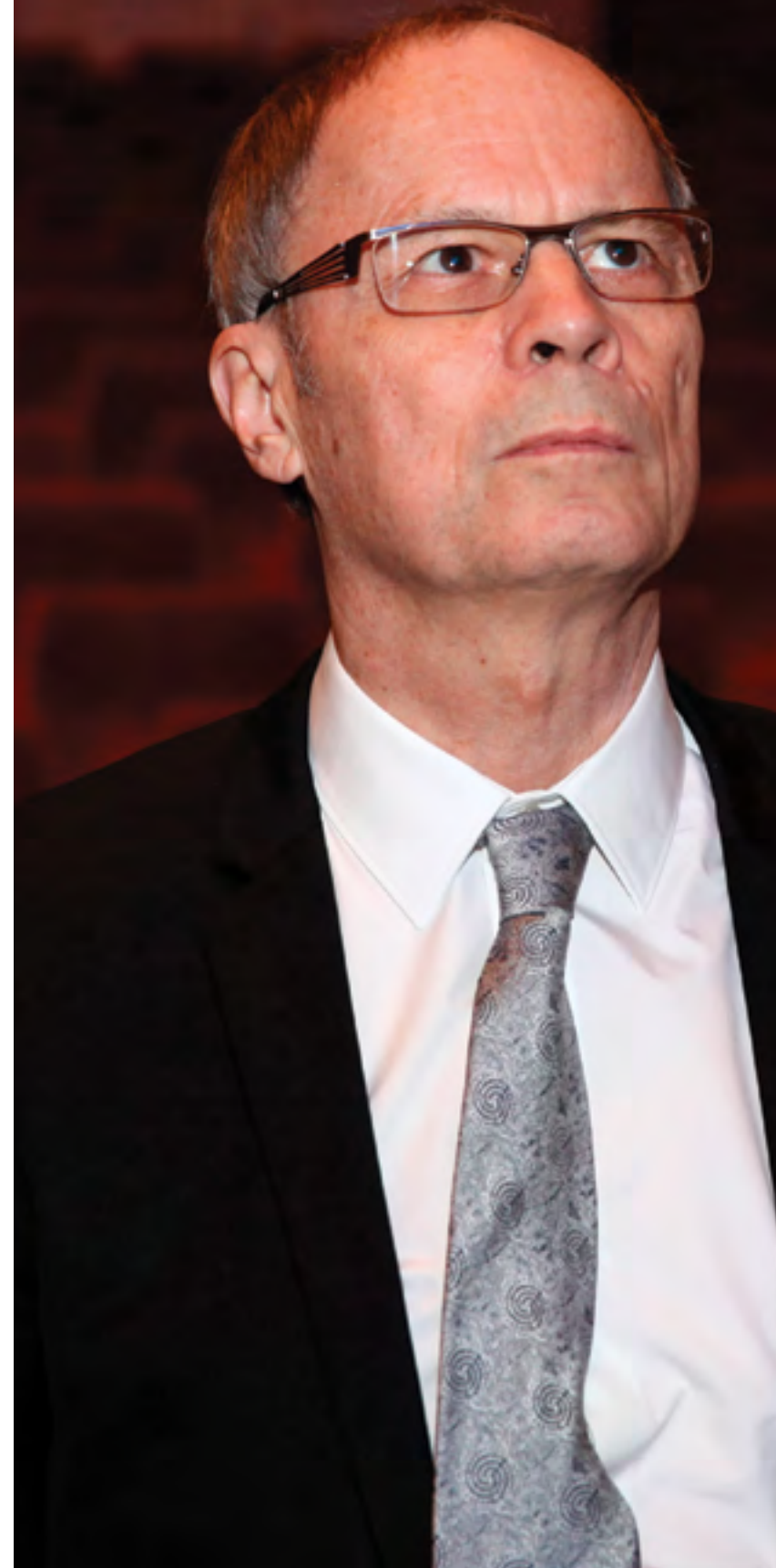
Тироль: У России тут есть своя специфика. Понятно, что до недавнего прошлого в России действовала плановая экономика. И в России есть такой момент, что здесь очень много государственных компаний. Правильно?

Бодрунов: Да, и их почему-то становится все больше, а не все меньше.

Тироль: Совершенно верно. И это, конечно,стораживает. Нужно все-таки больше независимости. Нужно, чтобы был независимый регулятор, который продвигал бы конкуренцию на российском рынке. У вас большая страна, огромные расстояния, поэтому транспорт — это особая сфера, но ситуация, которую Вы описали, возникает периодически в разных странах. Для этого есть различные причины — нужно, конечно, учитывать специфику ситуации в каждой конкретной стране. Иногда, скажем, возникает такая ситуация: один человек говорит, я хочу завести себе «Фейсбук», потому что у тебя есть «Фейсбук», люди начинают подражать друг другу, и мы сейчас видим, что происходит все больше концентрация силы на рынке, у технологических цифровых компаний становится больше рыночной власти. И, например, при нынешней администрации США мы также не видим достаточно серьезных усилий по борьбе с монополиями. Во времена Обамы этого было больше. В итоге происходит перераспределение ресурсов от более эффективных компаний к менее эффективным, и это, конечно,стораживает. Если перераспределение происходит в другую сторону, в сторону более эффективных компаний, то это хорошо. В Европе, впрочем, ситуация немного другая. Там с антимонопольным законодательством положение обстоит получше, на мой взгляд.

Бодрунов: Хотел бы напомнить Вам, что в интервью «Российской газете» Вы упомянули о «технологическом каннибализме» больших корпораций. То есть речь шла о том, что эти компании фактически тормозят технологический процесс. Я бы хотел, чтобы Вы пояснили эту мысль.

Тироль: Нет, в принципе, в большой компании ничего плохого нет. Тут проблема не в размере. Такие компании, как «Гугл», например, занимаются инновациями, и многие инновации развиваются именно такими крупными компаниями. Но все-таки нас волнует положение монополистов. Они могут создавать искусственные барьеры для входа на рынок новых игроков, чтобы препятствовать конкуренции. Они за это не получают никакого

наказания, и они искусственно могут завышать расходы, раздувать сметы на какие-то проекты и так далее. Иногда происходит вот что, и это я имел в виду, когда говорил о каннибализме: появляется инновация, новый продукт, и он заменяет собой старые продукты. Вот это и есть самопожирание корпораций, то есть получается, что компания выводит на рынок новинку, а тем самым пожирает свою прибыль от других продуктов, которые они продавали раньше. Соответственно, у них нет стимула продвигать новые продукты, нет стимула продвигать инновации. Возьмем для примера службы такси. Появились компании типа «Убер», «Лифт», «Яндекс.Такси» и так далее. По сути, там никаких особых инноваций-то и нет. Там есть геопозиционирование...

Бодрунов: То есть использование существующей платформы технологической...

Тироль: Да, и возможность ставить оценки. Но никто до этого раньше такого не делал. А эти компании сделали. Так что даже небольшая инновация привела к таким существенным изменениям, и по всему миру появилась теперь совершенно новая ситуация в сфере услуг такси. Нужно все время способствовать инновациям, создавать такую ситуацию, при которой инновации развивались бы.

Бодрунов: То есть опасаться больших проблем, связанных с таким технологическим каннибализмом, в России пока рано...

Тироль: Да, но тут есть опасность в том, что, может быть, инноваций слишком мало.

Бодрунов: Вот именно.

Тироль: Если мы посмотрим, например, на 20 ведущих российских компаний, знаете, очень странно, мы увидим там горнодобывающие компании, энергетические компании, банки, ретейлеры (ну, у ретейлеров еще есть какая-то конкуренция). А высокотехнологичных компаний вы там не увидите.

Но для того, чтобы изменить ситуацию, российская промышленность должна будет полностью

измениться. И мы видим, как такой переход происходит сейчас в некоторых странах — необходимы высокотехнологичные компании, высокотехнологичное производство. Если вы сейчас посмотрите на ведущие компании в мире, вы увидите, что они или американские, или китайские. Российских компаний, японских среди них нет. И это определенный тренд. Еще я хотел бы сказать особо о здравоохранении. В будущем здравоохранение будет играть очень важную роль в экономике. Это будет очень важный сектор. Сейчас начинается использование больших данных. И это все будет очень важную роль играть в будущем.

Бодрунов: Я думаю, что, конечно, это действительно тренд современности: знаниеемкие технологии, интенсивное производство развиваются очень быстрыми темпами. И, наверное, правильно считать это новой технологической индустриальной революцией. Вот здесь мы можем говорить о роли науки, о том, что современная наука становится все более приближенной к реальным потребностям рынка, потребностям реального сектора экономики. И у нас в России есть проблемы как раз со средними звеньями в цепочке НИОКР: есть хорошая фундаментальная наука, есть неплохие участники рынка, которые используют инновации, но вот воплощающая идеи науки в инновациях середина у нас страдает. Это создает иллюзию, что наука мало что может дать производству. На самом деле, очевидно, что это не так. Что может дать наука современной экономике?

Тироль: Я сам ученый, так что я по определению верю в науку. Я считаю, что для России роль ученых очень важна, наука должна играть очень большую роль, и у России, конечно, замечательные традиции и в физике, и в других фундаментальных науках, поэтому государство должно поддерживать высшую школу, поддерживать университеты. Это очень важно. Мы слышали выступление участников МАЭФ, которые говорили об этом, о важности хорошей системы образования в стране. Это действительно необходимо. Университеты играют очень большую роль и в России, и в других странах. Важно поддер-

живать международное общение среди ученых. Если вы говорите, допустим, на английском языке, вы можете поехать в любую страну — в США, Китай, куда угодно, и общаться со своими коллегами там, необходима свобода общения среди ученых различных стран. Конечно, большинство ученых предпочитает работать в собственной стране, но в то же время, если в какой-то стране будут созданы хорошие условия, почему бы и не работать там? Если все будут замыкаться в себе, то не будет такого сотрудничества.

Вы меня спросили, как экономика, как наука взаимодействуют с производством. Действительно, необходим трансфер технологий от науки к производству, и производство, в свою очередь, тоже должно поддерживать науку. Это может происходить через уже зарекомендовавшие себя компании, а может происходить и через стартапы. Многие стартапы начинались в Стэнфорде и Массачусетском технологическом институте, там существует целая экосистема с финансовой поддержкой, и из этих стартапов выросли крупнейшие технологические компании мира.

Если вы посмотрите на ведущие компании США, многие из них лет 20 назад не существовали даже, а во Франции — как раз ситуация обратная, многим из крупнейших компаний уже больше века. Это старые компании, которые, может быть, название поменяли. Конечно, у них тоже есть инновации, тоже есть изменения, но, как бы то ни было, нужно растить и молодые, новые компании, а не только поддерживать те, которые уже существуют. В этом очень большая разница между такими странами, как США, и более традиционными — Францией, Швейцарией и так далее.

Бодрунов: Наиболее эффективны те экономики, которые принципиально используют в качестве основного ресурса именно тот, который важен для этого технологического уклада. Основным ресурсом, который будет использоваться с середины XXI века, будут, на мой взгляд, знания, которые, сублимированные в технологии, приходят в реальный сектор экономики. Если мы возьмем типичный гаджет, то увидим, что в нем огромное количество функций. В то же время материальная часть там совершенно небольшая, материалов немного, зато там огромное количество знаний, воплощенных в технологиях. Поэтому тот, кто будет владеть знаниями в дальнейшем, тот будет владеть, собственно говоря, экономикой. Мне представляется, что для России очень важно осознать то, что нужно становиться на рельсы высокотехнологичного производства, с высокой знаниеемкостью. Вы согласны?

Тироль: Я считаю, что Вы правы. Это действительно очень важно — развивать экономику, которая опиралась бы на знания, использующую в первую очередь знания. То, что Вы говорили про гаджеты, верно, но давайте посмотрим на здравоохранение: там тоже все больше используются высокие

МНОГИЕ СТАРТАПЫ НАЧИНАЛИСЬ В СТЭНФОРДЕ И МАССАЧУСЕТСКОМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ, ТАМ СУЩЕСТВУЕТ ЦЕЛАЯ ЭКОСИСТЕМА С ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКОЙ

технологии, новые инженерные решения, кроме того, нужно вспомнить большие данные, новую статистику и так далее, и скоро вместо врачей уже будут действовать какие-то алгоритмы, которые обрабатывают всю эту информацию и принимают решения, именно там окажутся самые большие деньги. Нужно развивать именно эти знания, эти технологии. Но для этого опять-таки необходимо, чтобы страна создавала соответствующую обстановку для системы образования, чтобы привлекала лучших преподавателей, перспективных студентов, чтобы им было интересно, чтобы они хотели оставаться в стране учиться, работать, преподавать. Нужно работать над созданием такой экосистемы.

Бодрунов: Именно экосистемы...

Тироль: Чтобы люди шли работать в высокотехнологичные компании или создавали свои стартапы. Для этого необходим целый комплекс мер.

Бодрунов: Да, такие стартапы должны создаваться в пространстве, комфортном экономически, технологически, административно, а не путем сопротивления системе и пробивания, как трава сквозь асфальт, всего экономического давления. Я хотел бы в завершение нашей передачи поговорить еще об одном. Вы высказали какие-то рекомендации, пожелания, с чем-то согласились, с чем-то — нет. Это мнение очень важно для нас, для тех, кто организовал Московский академический экономический форум, для экономистов страны в целом. Мы готовим общую резолюцию форума, а программный комитет представит ее общественности. Что можно было бы, по Вашему мнению, обязательно включить в такую резолюцию?

Тироль: Прежде всего, нужно задать себе вопрос, какое общество мы хотим себе построить, что мы понимаем под общим благом? Это очень важный вопрос. Причем это не просто какой-то наивный вопрос...

Бодрунов: Это фундаментальный вопрос.

Тироль: Давайте научно подойдем к этому делу. Это очень важный момент. В России, например, у вас

был советский период, который оставил тяжелый след, когда не уделялось должное внимание стимулированию человека. Да, конечно, был хороший уровень образования, хорошая социальная политика, перераспределение, понятно. Это, так сказать, все понятно. Это то, что касается общего блага. Но как к этому прийти? Необходимо обеспечивать общество какими-то благами. Я сейчас не буду предлагать что-то конкретно для России. Но, первое, понятно, что необходимо вкладывать в серьезное образование. Образование необходимо всем. Это действительно очень важно. Необходима система бесплатного здравоохранения. Если я заболел, это не моя вина, правильно? И я не должен нести на себе этот риск.

Далее, необходимы инфраструктурные реформы. Вот здесь как раз я хотел бы поговорить о роли государства, о разнице между государством как регулятором и государством как рыночным игроком. Государство должно заниматься регулированием, и этот регулятор должен быть независимым. Если регулятор занимается продвижением конкуренции и так далее, если мы говорим о регулировании банковской сферы, нужно сделать так, чтобы регулятор мог принимать правильные решения без влияния политических факторов — не должно быть конфликта интересов. Это относится и к продвижению банковских реформ и так далее.

Что касается реформ. Возьмем реформу пенсионной системы, которая для вас актуальна, или другую реформу — в каждой стране есть свои проблемы. Постепенно пенсионеров становится все больше и больше, продолжительность жизни растет, и это серьезный вопрос, что же делать? Получается, что нагрузка на работающее население все больше возрастает. Могут быть различные подходы к решению этой проблемы: могут быть созданы специальные пенсионные фонды, страховые фонды, можно поднять пенсионный возраст — я не хочу давать никаких рекомендаций по этому поводу, но нужно сделать что-то, чтобы все люди получали достойную пенсию. И в данном случае государство должно серьезно подумать, как это можно наилучшим образом обеспечить — это касается и России, и других стран.

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
ОЧЕНЬ ВАЖНО —**

развивать экономику, которая опиралась бы на знания, использующую в первую очередь знания.

Jean TIROLE:

“THE GOVERNMENT SHOULDN'T ACT AS A MARKER PLAYER”

“If the top manager of a company is also a government official, there's a conflict of interests. It should not be allowed in private companies. If the government tries to make sure its people win the elections, the company will base its decisions not on market but on fleeting political considerations. If a bank is controlled by the government, the government will most likely save that bank in a critical situation, and the management will be taking risks knowing the bank will be saved no matter what.”

Jean Tirole,
Nobel Memorial Prize in Economic Sciences
Laureate, France

VEO of Russia Chairman Sergei Bodrunov's interview with Jean Tirole, a Nobel laureate in economics, Scientific Director at the Institute of Industrial Economics, Chairman of the Jean-Jacques Laffont — Toulouse School of Economics Foundation.

Bodrunov: Thank you very much for taking the time to visit the lounge of the Economist's House. I would like to ask you this: according to the Antimonopoly Service of Russia, about 70% of Russia's GDP is produced by companies that are either wholly owned or majority-owned by the government — i.e. controlled by the state. Do you think such a wide participation of the government speeds up the growth of our economy, or does it slow down the country's development?

Tirole: 70% is, of course, a huge number. It is usually better when the government's share in the economy is significantly lower. The government should not act as a market player — I will explain a little later what I mean. The market is OK in itself, although, of course, it also has negative aspects. But if the government acts as a player, then a conflict of interests may arise. For example, if the top manager of a company is also a government official, there is a conflict of interests. It shouldn't be allowed in private companies. Another example: if the government is trying to make sure its people win the elections, the company will base its decisions not on market but on fleeting political considerations. If a bank is controlled by the government, the government will most likely save that bank in a critical situation, and the management will be taking risks knowing the bank will be saved no matter what. The government should refrain from active participation in the production process, it should act as a regulator...

Bodrunov: That is, in order to fulfill its main function...

Tirole: Yes, at least I think so. You need to be careful and try to reduce the role of the government in production in the first place.

Bodrunov: Can the government participate more actively in other sectors of the economy?

Tirole: Of course, the government has an extremely important role in finance as a regulator of the financial sector. Here we often see the government fail to provide adequate regulation of that sector — the banking sphere and so on — thereby causing serious problems. In addition, the government often intervenes by saving banks or pursuing a financial policy that does not fit in well with the situation in the financial sector — and it is also a problem. In fact, we are now returning to a pre-2008 situation. Sometimes a decision to save a particular company or bank can play a positive role, of course. Currently, we have a better macroeconomic policy, a more competent regulation. This is true for both the European Union and the US Federal Reserve, so there have been some positive changes. But, as they say, the devil is in the details. We must not forget about the lessons of 2008. We now see that, in a sense, we've come back to what we had been just before 2008. Therefore, I believe that regulators should always be truly independent.

Bodrunov: I agree, this is a very important observation. I also believe that the government should play a certain role but that role is one of a regulator rather than a market player. And it seems that there's also a different problem in this connection: the government's role in the market being monopolized, and not by state monopolies, but simply by big companies. As the head of the Antimonopoly Service of Russia noted, Russia has been going through the nationalization of its economy.

Bodrunov: At the same time, some of the prominent economists are of the opinion that the important tasks facing the Russian economy should be solved by large and powerful companies that can amass intellectual, material, and financial resources. There is a certain contradiction in that. On the one hand, we need large companies; on the other, we need a complete de-monopolization of the economy. What is your opinion on how this conflict can be resolved?

Tirole: Russia has its own specifics. It is well known that Russia had planned economy until recently. And it can be said that Russia still has a lot of government-owned companies. Right?

Bodrunov: Yes, it does, and for some reason the number of such companies has been growing, not diminishing.

Tirole: Absolutely. And this, of course, is alarming. You need more independence. You need an independent regulator that would promote competition in the Russian market. You have a huge country, with huge distances, so

Igor Artemyev,
Head of the Federal
Antimonopoly Service of
the Russian Federation

Today we are moving in two opposite directions. On the one hand, if earlier we had to fight for a new regulatory framework for the development of competition, now it's in place: it consists of the presidential decree, 18 government industry-specific programs for the development of competition, the resolution of the State Council of Russia to the effect that each region should write a competition development program. And it's good. Now what we need to fight for is not the adoption of legislation, but its implementation. And on the other hand, in many instances we encounter nationalization of the economy, anti-competitive practices, and uncontrolled spending as the key elements in politics as well. I would like to say that if in the near future we are unable to completely replace one foundation with another in this area of competition, then we will be going around in circles for a long time, returning every time to the starting point in terms of both growth rates and the quality of life.

transport is especially important, but the situation that you've described has emerged periodically in different countries. There are various reasons for that: of course, you should take into account the specific conditions in each particular country. Sometimes it goes like this: a person says, I want to be on Facebook, because you are on Facebook, people begin to imitate each other, and what we get as a result is further concentration of market power, with digital tech companies becoming more powerful. And the current US administration has not been taking sufficient effort to combat monopolies. Under Obama, more effort was taken. As a result, there has been a redistribution of resources from more efficient companies to less efficient ones, and this, of course, is alarming. It would be good if such a redistribution took place in the opposite direction, in the direction of more efficient companies. In Europe, however, the situation is slightly different. There, the situation with antitrust laws is better, in my opinion.

Bodrunov: I would like to remind you that in your interview with Rossiyskaya Gazeta you mentioned the "technological cannibalism" of large corporations. That is, you meant that those companies actually slowed down technological process. Can you please elaborate on that?

Tirole: In principle, there is nothing wrong with a big company. The problem is not in its size. Companies such as Google, for example, are into innovation, and many innovations have been developed by such large companies. But still, we are concerned about their monopolistic position. They can create artificial barriers for new players who wish to enter the market in order to discourage competition. They are not being punished for this, and they can artificially inflate costs, inflate estimates for some projects, and so on. What I meant when I talked about cannibalism is this: if an innovative product comes out, it replaces some old products. The corporation that introduced such product to the market cannibalizes its profits it would have gained from such older products. Therefore, they are not keen to promote new products, to promote innovation. Take taxi service as an example. There are companies like Uber, Lyft, Yandex Taxi and so on. In fact, they haven't offered any important innovations. They use geo-positioning ...

Bodrunov: That is, they use the existing technological platform ...

Tirole: Yes, and the ability to rate drivers. But no one had done it before. And those companies did it. So, a small innovation has led to significant changes, and there's now a completely new situation in the field of taxi services around the world. It is necessary to constantly promote innovation, to create a situation in which innovations are likely to develop.

Bodrunov: Are you saying it's too early for Russia to fear serious problems associated with technological cannibalism...?

Tirole: Yes, but there is a danger of innovations being too few and far between.

Bodrunov: Exactly.

Tirole: For example, if you consider Russia's top 20 companies, then strangely you will see among them mining companies, energy companies, banks, and retailers (at least retailers do enjoy some kind of competition). What you will not encounter is high-tech companies.

But in order to change the situation, Russia's industry will need to undergo a complete transformation. We know what's necessary for such a transformation to occur in some countries: high-tech companies, high-tech production. If you look at the world's top companies, you will notice they are either American or Chinese. There are no Russian or Japanese companies among them. There's a definite trend right there. On a separate note, I would like to mention healthcare. In the future, healthcare will play a very important role in the economy. It will be a very important sector. We are starting to use big data. All of it will play a very important role in the future.

Bodrunov: I agree there's indeed a trend: knowledge-intensive technologies and intensive production are developing very rapidly. And it is probably right to consider this a new technological industrial revolution. We can point out the role of science, which is currently able to better address the pressing needs of the marketplace, the needs of the real sector of the economy. Russia has problems with the intermediate links in the R&D chain: it has good fundamental science, agile market players who can innovate, but the middlemen who produce innovation based on scientific ideas are struggling. This creates the illusion that science has little to contribute to production. Apparently, it's not true. What can science contribute to a modern economy?

Tirole: I am a scientist myself, so by definition I believe in science. I believe that the role of scientists is very important for Russia, science has a very important role to play, and Russia, of course, has wonderful traditions in both physics and other fundamental sciences. Therefore, it's extremely important that the government support Russia's higher education system and universities. We heard speeches of the MAEF participants who addressed the issue of importance of having a good education system in the country. Such system is really necessary. Universities play an important role both in Russia and in other countries. It is important to maintain international contacts among scientists. If you can speak English, you can go anywhere, to the United States or China, everywhere, and communicate with your colleagues there, you need freedom of communication among scientists from different countries. Of course, most scientists prefer to work in their own country, but at the same time, if favorable conditions have been created in a particular country, why not work there? If everybody had to work in seclusion, there would be no cooperation.

You ask me how economics or science interacts with production. Indeed, we need a means of transferring technology from science to production and, in turn, production should support science. This can be accomplished either through already established companies, or through startups. Many startups were created at Stanford or the Massachusetts Institute of Technology, a whole new ecosystem was set up and received financial support, and those startups have grown to become the world's top high-tech companies.

If you look at the biggest US companies, many of them did not even exist 20 years ago, but in France the situation is just the opposite: many of the largest companies have been around for more than a century. Those are old companies that may have changed their names. Of course, they have also produced some innovation and undergone certain changes but still it is necessary to create new companies, and not just support those that already existed. So that's where there is a huge difference between such countries as the United States and the more traditional countries such as France, Switzerland, etc.

Bodrunov: The most effective are those economies that prioritize the one resource that is crucial for the current technological mode. In my opinion, knowledge, sublimated in technologies, that is coming to the real sector of economy will be the key resource that will be used starting from the middle of the 21st century. Consider a typical gadget: it has a wide functionality. At the same time, the material portion is quite small, little material is used, but there is a huge amount of knowledge embodied in the technology. Therefore, those who will possess knowledge in the future will in effect own the economy. I believe it is very important for Russia to realize the necessity of transition to high-tech knowledge-intensive production. Do you agree?

Tirole: I think you are right. It is really important to develop an economy that relies on knowledge, that uses knowledge in the first place. What you've said about gadgets is true but let's consider healthcare: high tech and new engineering solutions are also used there and also don't forget about big data, new statistics, etc. Soon human doctors will be replaced by algorithms that will process all that information and take decisions; that's where big money will be. Those are the technologies and knowledge that should be developed. But in order to do this, it is necessary for the country to create an appropriate environment for its education system, to engage best teachers and promising students, to make sure they are willing to stay in the country to study, work, and teach. You need to work on such an ecosystem.

Bodrunov: An ecosystem is what's needed...

Tirole: So that people would join high-tech companies or create their own startups. That will require a whole range of measures.

Bodrunov: Yes, such startups should be created in an environment that is economically, technologically and administratively friendly, and not in a hostile environment, under economic pressure, like grass growing through asphalt. In conclusion, I would like to discuss one more thing. You've offered suggestions, expressed wishes, agreed with some things, disagreed with others. Your opinion is very important to those of us who organized the Moscow Academic Economic Forum, to Russia's economists in general. We are preparing the Forum's general resolution, and the programming committee will present it to the public. What do you think should be included in such a resolution?

Tirole: First of all, you need to ask yourself what kind of society we want to build for ourselves, how we perceive the common good? It is a very important question. And it is not a naive question...

Bodrunov: It's a fundamental question.

Tirole: Let's take a scientific approach to this matter. It is a very important point. Russia, for example, passed through the Soviet period which left a profound mark, when little attention was paid to incentive. Yes, of course, you enjoyed a high level of education, a good social policy, a redistribution system. This is quite obvious as far as the common good is concerned. But how to achieve this? It is necessary to provide certain benefits for the society. I will not be suggesting anything specific for Russia. But it is clear you need to invest in serious education in the first place. Everybody needs education. It is very important. A free healthcare system is needed. If I get sick, it's not my fault, right? And I should not bear that risk.

Furthermore, you need infrastructure reforms. In this connection I would to discuss the role of the government, the difference between the government as a regulator and the government as a market player. The government should be involved in regulation, and the regulator should be independent. If the regulator is engaged in promoting competition (if we are talking about the regulation of the banking sector), it should be able to make the right decisions without the influence of political factors — there should be no conflict of interests. This is also true for the promotion of banking reforms, etc.

As regards the reforms. Consider the reform of the pension system which is of relevance for you at the moment, or any other reform: every country has its own problems. Gradually, the number of pensioners is growing, life expectancy is growing, and it poses a serious question: what is to be done? It turns out that the burden on the working population is increasing. There may be different approaches to solving this problem: you can create special pension funds or insurance funds, or you can raise the retirement age — I do not want to speculate on this topic, but something needs to be done to provide decent pensions for all. And in this case, the government should seriously consider the best way it can be done — both for Russia and for other countries.

IT IS REALLY IMPORTANT

to develop an economy that relies on knowledge, that uses knowledge in the first place.

THE COMPETITION REGULATOR SHOULD BE ABLE

to make the right decisions without the influence of political factors — there should be no conflict of interests. This is also true for the promotion of banking reforms, etc.

НОВИНКИ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

ЭКСЛИБРИС

МУХАММАД ЮНУС, МИР ТРЕХ НУЛЕЙ. КАК СПРАВИТЬСЯ С НИЩЕТОЙ, БЕЗРАБОТИЦЕЙ И ЗАГРЯЗНЕНИЕМ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

М.: Альпина Паблишер. — 2019. — 276 с.

Большую часть своей жизни Мухаммад Юнус работал ради людей из беднейших слоев населения, стараясь помочь им улучшить жизнь. В 1976 году он открыл в своей родной стране, Бангладеш, банк, который назвал Grameen Bank (дословно: «Деревенский банк»). В нем бедняки из сельской местности могли получить доступ к финансовым средствам с использованием микрокредитования. С тех пор с помощью этого инструмента более 300 миллионов человек в разных странах мира реализовали свой предпринимательский потенциал. Микрокредиты помогли им разорвать оковы бедности. Этот опыт Юнуса, удостоенный Нобелевской премии мира, позволил ему разработать свой рецепт спасения мира. Многие экономисты-теоретики утверждают, что капитализм, построенный на основе неограниченной конкуренции, — совершенный механизм. Достаточно использовать его возможности, чтобы решить все проблемы. Но общество безоговорочно признает существование недостатков экономики свободного рынка и ежегодно тратит миллиарды долларов, чтобы исправить или хотя бы смягчить их последствия. К сожалению, эти усилия большей частью неэффективны. Свидетельство тому — постоянно увеличивающаяся концентрация богатства в руках немногих и ее негативное влияние на жизнь человечества. Нам необходим новый способ мышления, утверждает автор книги. Перестроенная экономическая система по Юнусу имеет три базовых компонента. Во-первых, нужно принять концепцию социального бизнеса — новой формы предпринимательства, которая основана на бескорыстии. Во-вторых, нужно заменить нынешнее представление о том, что человек — это лицо, ищущее работу, на новую аксиому: человек — это частный предприниматель. В-третьих, необходимо перестроить всю финансовую систему, чтобы она эффективно обслуживала людей, находящихся на нижних ступенях экономической пирамиды.

МАКС ТЕГМАРК, ЖИЗНЬ 3.0. БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

М.: Издательство АСТ: CORPUS. — 2019. — 560 с.

Искусственный интеллект может быть изобретен уже в этом столетии. Макс Тегмарк, физик из Массачусетского технологического института превращает досужие футурологические домыслы в насущный разговор о современности. Можно ли удержать искусственный интеллект под контролем? Каковы шансы, что сверхразум будет верен заложенным в него приоритетам (то есть что помешает ему игнорировать нашу прошивку, так же как мы игнорируем цели своих ДНК, используя контрацепцию или совершая суицид)? Сможем ли мы сосуществовать с мыслящими машинами наравне, объединимся ли в одно целое или устроим войну на выживание (и почему у любого из вариантов есть минусы и плюсы)? Что вообще означает быть человеком в эпоху искусственного интеллекта? Тегмарк старается снабдить читателя как можно большим количеством информации для самостоятельного поиска ответов на эти вопросы: он рассказывает, как ученые смотрят на проблему сознания, советует, какую карьеру построить с учетом грядущей автоматизации, объясняет, по каким принципам работают нейросети.

ЕКАТЕРИНА ГЛАГОЛЕВА, РОКФЕЛЛЕРЫ

М.: Молодая гвардия. — 2019. — 464 с.

Почти двухвековая история семьи Рокфеллер, давшей миру промышленников, банкиров, политиков, меценатов и филантропов, тесно переплетается с историей США. Их называли кукловодами, управляющими правительством, — и восхищались их умением поставить на промышленную основу всё, даже благотворительность. Рокфеллеры коллекционировали предметы искусства, строили особняки — и вкладывали деньги в образование и здравоохранение. Благодаря им существуют Рокфеллеровский университет, Музей современного искусства и Линкольн-центр. На их деньги осуществлялись самые разные проекты в Китае, Греции, Мексике, Франции, Израиле; с ними имели дело лидеры СССР и России от Хрущева до Ельцина. Что из этого правда, а что домыслы? Ответ дает книга Екатерины Глаголевой о всемирно известном клане.

ДЖЕРРИ МЮЛЛЕР, ТИРАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ. КАК ОДЕРЖИМОСТЬ ЦИФРАМИ УГРОЖАЕТ ОБРАЗОВАНИЮ, ЗДРАВООХРАНЕНИЮ, БИЗНЕСУ И ВЛАСТИ

М.: Альпина Паблишер. — 2019. — 266 с.

Игра с цифрами идет во всех сферах: в охране правопорядка, в образовании, в здравоохранении, в некоммерческих организациях и, конечно же, в бизнесе. Есть вещи, которые можно измерить. Есть вещи, которые полезно измерять. Но поддающееся измерению не всегда оказывается тем, что нужно измерять. Измеряемое может не иметь никакого отношения к тому, что мы на самом деле хотим узнать. Затраты на измерения могут превышать приносимую пользу. Измерения могут отвлекать нас от действительно важных вещей. По мнению автора, главная проблема не в измерениях, а в патологической заикленности на них. Вот главные составляющие заикленности на количественных показателях: уверенность в том, что возможно и желательно заменить суждение, основанное на личном опыте и знаниях, численными индикаторами результативности на основе стандартизированных данных; уверенность в том, что обнародование таких количественных показателей (прозрачность) гарантирует реальное выполнение институтами своих задач; уверенность в том, что наилучший способ мотивирования персонала организаций — это вознаграждение и наказание за измеренную результативность.

ДЭВИД АБРАХАМ, ЭЛЕМЕНТЫ СИЛЫ. ГАДЖЕТЫ, ОРУЖИЕ И БОРЬБА ЗА УСТОЙЧИВОЕ БУДУЩЕЕ В ВЕК РЕДКИХ МЕТАЛЛОВ

М.: Издательство Института Гайдара. — 2019. — 336 с.

Наше будущее держится на ряде элементов, о которых многие из нас никогда не слышали. В этой книге Дэвид Абрахам рассказывает, что такое редкие металлы и почему наши электронные гаджеты, мощнейшие системы вооружения и будущее нашей планеты зависят от них. Эти металлы стали «строительными кирпичами» современного общества. Их свойства являются ключевыми почти

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ, ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ. КУРС ЛЕКЦИЙ

М.: Издательский дом ВШЭ. — 2019. — 368 с.

Анатолий Вишневский, известный российский демограф и экономист, директор Института демографии Высшей школы экономики подготовил курс лекций, который необходимо прочитать любому экономисту для формирования демографического мировоззрения.

В книге рассматриваются основные особенности возобновления поколений и миграций на разных этапах истории, начиная с древнейших донеолитических населений; исторический переворот в воспроизводстве населения, связанный с неолитической революцией; особенности воспроизводства населения и миграций в постнеолитических аграрных обществах, включая допромышленную Европу.

Особое внимание уделяется современной демографической революции, становлению современного типа воспроизводства населения, его характерным чертам, социальным, экономическим, культурным, политическим последствиям. Особенность курса заключается в параллельном изложении основных фактов демографической истории и теоретических концепций, объясняющих закономерности демографических процессов в разные исторические периоды.

для всех наших электронных, военных и «зеленых» технологий. Но их растущее использование не обходится без экологических, экономических и геополитических последствий.

Абрахам прослеживает невидимые пути этих элементов от шахт до наших домов, с отдаленных холмов Китая до покрытого льдом Финского залива, предлагая живой взгляд тех, кто производит редкие металлы, торгует ими и не представляет себе жизни без них. Он утверждает, что эти материалы играют все более значительную роль в мире и придают силу странам и компаниям, которые способны обеспечить устойчивые поставки. Так же как нефть, железо и бронза произвели революцию в свое время, то же самое сейчас делают и эти металлы.

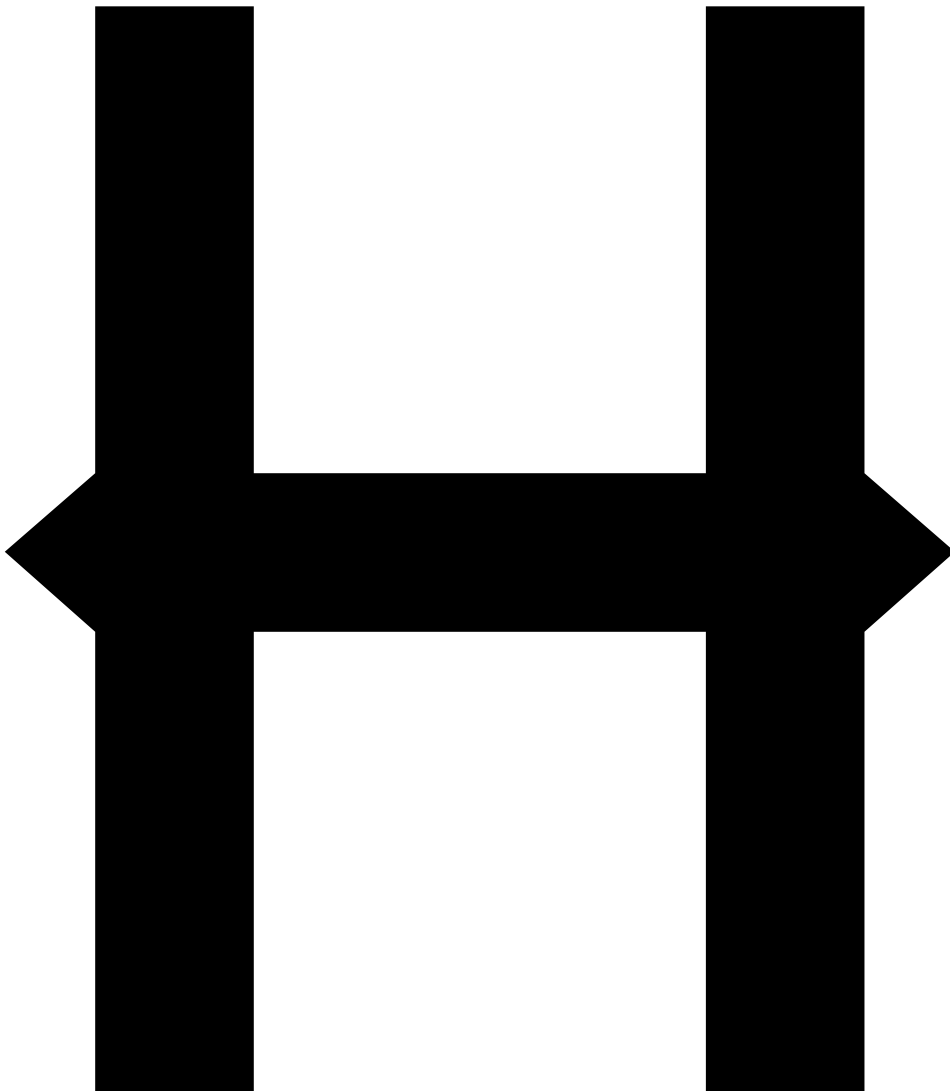

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Как повысить роль компаний в достижении целей устойчивого развития

Генеральный секретарь Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) Мукиса Китуйи поделился мыслями о состоянии и перспективах мировой экономики в Москве на встрече в Международном союзе экономистов, где состоялся круглый стол «Роль бизнеса в обеспечении целей устойчивого развития».

НЕГАТИВНЫЕ КРИЗИСНЫЕ ТРЕНДЫ

Восстановление глобальной экономики все еще остается очень хрупким. Это ясно видно на примере прямых иностранных инвестиций, которые все еще не вернулись к докризисному уровню. Мы очень четко видим глобальную тенденцию к снижению прибыльности прямых иностранных инвестиций. И это происходит во многих странах.

Следующий тренд: мы видим развертывание политики протекционизма, которую в основном используют США и Китай, кроме того, существует нестабильность доходов из-за автоматизации производства, и это ведет к тому, что многие задумываются, стоит ли инвестировать в производственные компании.

Следующий момент. Сейчас очень четко прослеживается тенденция к тому, что в глобальных произ-

водственно-сбытовых цепочках очень большую роль начинают играть препроизводственные и постпроизводственные процессы, то есть проектирование продуктов, логистика, транспортировка произведенных товаров. Этим секторам уделяется больше внимания, чем непосредственно производству. Также мы видим, что, с одной стороны, протекционизм, а с другой — развитие технологий серьезно влияет на производственно-сбытовые цепочки. Они становятся короче. Сейчас путь от производителя к конечному потребителю намного короче, чем он был 10 лет назад.

Важный вызов, который мы выделяем, это, конечно же, бремя корпоративного и государственного долга. МВФ подчеркивает, что сейчас долговое бремя очень серьезно угрожает экономикам развивающихся стран и экономикам в переходном статусе. Это означает, что те из нас, кто говорил о необходимости внедрения механизмов борьбы с долговым бременем, должны сегодня вернуться к отстаиванию такой необходимости для того, чтобы не повторить того, что происходило во многих странах, например, в Аргентине, когда они столкнулись с серьезным долговым кризисом и сильно пострадали от этого.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ

Что еще нас волнует с глобальной точки зрения? Это хрупкость многосторонних институтов, хрупкость многосторонних связей, в особенности в торговой сфере. Мы видим, как международная торговля страдает от недостатка стабильности, от недостатка предсказуемости. Мы должны иметь стабильные институты, стабильные организации, которые будут работать с целым рядом проблем в торговле. Многие сейчас призывают к реформе ВТО, многие говорят об опасности торговой войны между США и Китаем, многие говорят об опасности новой холодной войны между Америкой и Россией.

Как видите, факторов риска много, но я напомним, что Всемирная торговая организация была учреждена как международный институт, который будет бороться за процветание стран в сфере торговли.

Сейчас мы очень часто слышим критику по поводу того, что в ВТО все работают, чтобы сделать так, чтобы чей-то голос был слышен громче, чем голос других стран, что это все конъюнктура, а не реальная борьба за процветание. Многие говорят о все возрастающей роли БРИКС, о том, что мало внимания уделяется развивающимся экономикам.

Важный технический момент. В июле ушел на пенсию один из арбитражных судей Всемирной торговой организации, но в последнее время США постоянно блокируют попытки заменить судей, которые сидят в Арбитражном суде ВТО. И если США не изменит такой позиции, то весь механизм просто перестанет работать, поскольку один из судей ушел на пенсию, к сентябрю их останется трое, а к декабрю — и вовсе один.

НЕ ВСЕ ПРОПАЛО

Тем не менее я считаю, что важно поговорить также и о позитивных изменениях. Итак, что же мы видим сегодня позитивного?

Мы видим, что Россия возвращается во многом на свои позиции. На протяжении последних трех лет торговые обороты Российской Федерации растут, они выросли очень серьезно за три года. Кажется, что цифры, которые сейчас мы видим на статистике, не настолько большие, не настолько впечатляющие, но важна траектория, важен тот факт, что Россия действительно вернулась на путь роста.

Следующий позитивный момент, который мне хотелось бы отметить — это те новые возможности, которые возникают в сфере цифровой экономики. Моя организация видит своей задачей публикацию докладов по цифровой экономике, так как ряд трендов, которые относятся к цифровой экономике, имеют действительно большое значение для торговли.

Во-первых, электронная торговля растет на 15% в год. На нее приходится 13 триллионов долларов США. Важно понимать, что обычная экономика растет не так быстро, почти в четыре раза медленнее. Это означает, что торговля в интернете, цифровая торговля имеет большой потенциал, и поэтому очень важно, чтобы международные институты, которые занимаются вопросами регулирования торговли, занимались также вопросами регулирования

цифровой экономики, занимались вопросами ИКТ для того, чтобы гарантировать защиту прав потребителей в цифровой торговле, для того, чтобы делать системы электронных платежей более безопасными не только на территории своей страны, но и в трансграничном преломлении. Сейчас электронные платежи становятся как никогда важными для мировой экономики, поэтому наш экономический дискурс должен строиться не только на вопросах и проблемах прошлого, но и на вопросах, которые ставит перед нами новая экономика, и здесь проблема цифрового разрыва, конечно же, не может не затрагивать нас. Вопрос соотношения цены и качества того, что продается в цифровом пространстве, также является очень важным вопросом, который мы должны рассматривать, говоря об устойчивом развитии.

БИЗНЕС И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Еще один феномен, который я не могу не отметить, самым прямым образом связан с проблемами влияния бизнеса на устойчивое развитие. Не так давно в Нью-Йорке на встрече ЭКОСОС была запущена инициатива по устойчивому бизнесу. Вопрос был такой: как мы можем напрямую говорить с предпринимателями, как мы можем мотивировать их на то, чтобы они вносили свой вклад в устойчивое развитие? Нашим модератором был Financial Times в США. Каждую неделю Financial Times будет публиковать новую колонку под названием «Этическая экономика». Но здесь все крутится не вокруг этических вопросов в бизнесе, а вокруг того, как бизнес может вносить свой вклад в устойчивое развитие, потому что потребители услуг, продуктов будут больше и больше внимания обращать на то, старается ли бизнес вести себя более экологично, вносить вклад в социальное процветание стран и мира, потребители будут смотреть на то, старается ли компания сделать что-то хорошее, помимо того, чтобы просто зарабатывать деньги. Поэтому, конечно же, предпринимателям, компаниям важно осознавать, что растет их ответственность.

СЕЙЧАС ЭКСПЕРТЫ В ОБЛАСТИ БИЗНЕСА ДОЛЖНЫ РАЗРАБОТАТЬ НОВУЮ БИЗНЕС-МОДЕЛЬ — ПОЛУЧЕНИЯ ПРИБЫЛИ И ИСПОЛНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ

Когда в 2015 году обсуждалась повестка 2030, принятая ООН, было очень много вопросов. Политики выступали с заявлениями, рассказывали деловому миру о том, что у вас, господа предприниматели, есть обязанности перед вашими акционерами, но у вас есть обязанности и перед обычными людьми. Но буквально через некоторое время после той знаковой встречи в 2015-м мы поняли, что бизнес должен играть лидирующую роль, потому что не важно, сколько мы, представители международных организаций, представители государств, будем говорить о том, что у бизнеса есть ответственность не только перед своими акционерами, не только перед своими партнерами, но и перед миром, — они сами должны это понять. Вопрос, который стоит перед нами сегодня, будет звучать так: каким образом мы можем построить новую бизнес-модель, которая позволит нам поставить на одну линию интересы акционеров и обычных людей, интересы мира, интересы развития. Менеджмент каждой компании не должен разрываться перед вопросом: стремиться ли к прибыльности или стремиться к тому, чтобы играть свою роль в достижении устойчивого развития.

Сейчас эксперты в области бизнеса должны начинать разрабатывать новую бизнес-модель, которая приведет в гармонию получение прибыли и выполнение своей социальной роли. Важно призвать к решению этой задачи науку, бизнес и таким образом снизить негативное влияние на экологию, и тогда все это выйдет за пределы простой пиар-акции, за пределы корпоративных решений.

В результате мы сможем гарантировать большую роль женщин в экономике, мы сможем гарантировать более достойную жизнь тем людям, которые живут в зоне добычи ресурсов, но мы организуем это таким образом, чтобы компании также получали прибыль и показывали, насколько они стабильны, насколько они привержены идее устойчивого развития.

Мы в ЮНКТАД уже проводили начальную работу по этому вопросу. Например, взаимодействовали со школами управления, с бизнес-школами различных университетов и предлагали поработать с их учебным планом. Мы пытались проработать с ними вопрос, что на самом деле является их целью? Мы понимаем, что страсть бизнес-лидеров, которые идут впереди всех, которые ведут за собой бизнес, все-та-

ки уязвима, поскольку перед ними стоит тяжелый выбор. Алан Джоуп, генеральный директор Unilever, который также был главой Агентства по устойчивому развитию в ООН, работал с целым рядом венчурных инвесторов, которые хотели получить себе Unilever, потому что все цели, направленные на достижение устойчивого развития, которые преследовала компания Unilever, больно ударили по прибыльности компании. И они хотели получить компанию, чтобы оптимизировать ее. Но вмешалось правительство Нидерландов, вмешалось правительство Британии и не позвонило этим венчурным инвесторам сделать это.

Важно говорить о том, что если генеральный директор единолично примет цели устойчивого развития, но акционеры не будут понимать их важности, то менеджменту компании всегда придется метаться между двух огней. И это очень непростая для них ситуация. В связи с этим очень важно создать такие механизмы, которые позволят нам защищать пионеров устойчивого развития, которые будут стараться, работая в своих компаниях, поддерживать эти цели, защищать их от тех, кто, по-прежнему, мыслит узко, кто думает о прибыли в очень устаревшей парадигме.

Говоря о соотношении целей устойчивого развития и компаний, нельзя не упомянуть о малых и средних предприятиях. Конечно же, практически в любой экономике именно малые и средние предприятия создают больше всего рабочих мест. Но для них вызовы — такие же серьезные, как для больших компаний. Для них следование целям устойчивого развития может быть еще более сложным, чем для больших компаний, поскольку у них меньше ресурсов. Например, давайте представим, что большая компания решает проинвестировать в реорганизацию своего производства с тем, чтобы стать более экологичной, более энергоэффективной, более передовой — для нее это легче, чем для маленького или среднего предприятия.

Нельзя просто спихивать эту ответственность на корпоративный сектор. Государства должны создать условия, в которых малые и средние предприятия смогут оставаться жизнеспособными, но в тот же момент смогут внедрять новые методы производства, новые технологии, смогут брать на себя более важную социальную роль, в особенности в работе с уязвимыми социальными группами.

ДЛЯ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Следование целям устойчивого развития может быть более сложным, чем для больших компаний, поскольку у них меньше ресурсов.

RESPONSIBILITY OF BUSINESS

How to increase the role of companies in achieving the goals of sustainable development

Secretary-General of the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) Mukhisa Kituyi shared his thoughts on the state and prospects of global economy at a meeting of the International Union of Economists in Moscow, at the roundtable session called "The Role of Business in Meeting Sustainable Development Goals."

NEGATIVE CRISIS TRENDS

The global economic recovery is still very fragile. This is clearly evidenced by foreign direct investments which still have not returned to the pre-crisis level. We see very clearly the global trend towards a decrease in the profitability of foreign direct investment. And this is happening in many countries.

The next trend: we see the deployment of a protectionist policy, which is mainly used by the United States and China; in addition, there is instability of income due to automation of production, and it leads to the fact that many are wondering whether it is worth investing in manufacturing companies.

The next point. Now, there is a very clear tendency for pre-production and post-production processes to play a major role in global supply chains, that is, in product design, logistics, and transportation of manufactured goods. These sectors are given more attention than production itself. We also see that protectionism, on the one hand, and the development of technology, on the other hand, have a serious effect on value chains. They are getting shorter. Now the path from the

manufacturer to the final consumer is much shorter than it was 10 years ago.

The important challenge that we highlight is, of course, the burden of corporate and public debt. The IMF has emphasized that the debt burden is posing a very serious threat to the economies of developing countries and transitional economies. It means that those of us who spoke about the need to introduce mechanisms to combat the debt burden should return today to upholding such a need so as not to repeat what happened in many countries, for example, in Argentina, when they faced, and were hit hard by, a serious debt crisis.

INSTABILITY OF INTERNATIONAL INSTITUTIONS

What else is disturbing from a global perspective? It is the fragility of multilateral institutions, the fragility of multilateral ties, especially in the trade sector. We see how international trade suffers from a lack of stability, from a lack of predictability. We need stable institutions, stable organizations that will work with a number of problems existing in trade. Many are now calling for a WTO reform, many are talking about the dangers of a trade war between the US and China, and many are talking about the dangers of a new Cold War between America and Russia.

As you can see, there are many risk factors, but I recall that the World Trade Organization was established as an international institution that will fight for the prosperity of countries in the field of trade. Now we often hear criticism about the fact that everyone in the WTO is busy making particular countries' voices heard louder than the voices of other countries, that it all boils down to political posturing, not a real struggle for prosperity. Many talk about the increasing role of BRICS, and that little attention is being paid to developing economies.

An important technical point. In July, one of the World Trade Organization Appellate Body judges retired, but recently the US has been constantly blocking attempts to replace judges of the WTO Appellate Body. And if the United States does not change this position, the entire mechanism will simply stop working, since one of the judges has retired, and there will be three of them by September, and just a single one by December.

NOT EVERYTHING IS LOST.

Nevertheless, I believe that it is important to talk about positive changes as well. So what do we see today as positive?

We see that Russia is in many respects returning to its positions. Over the past three years, the trade turnover of the Russian Federation has been growing, it has grown very seriously in three years. It may seem that the numbers we currently see in statistics are not very high or very impressive, but what's important is the trajectory, and the fact that Russia has really returned to the growth path.

The next positive point that I would like to note is the new opportunities that arise in the field of digital economy. My organization sees it as its task to publish reports on digital economy since a number of digital economy trends are really important for trade.

First, e-commerce is growing at the rate of 15% per year. It accounts for 13 trillion US dollars. It is important to understand that ordinary economy is not growing so fast, almost 4 times slower. This means that online trading, digital trading has great potential, and therefore it is very important that international institutions that are engaged in trade regulation should also deal with regulating digital economy, with ICT issues in order to guarantee consumer protection in digital trade, make electronic payment systems more secure not only in their own countries but also across the border. Electronic payments are currently becoming more important than ever for the global economy; therefore, our economic discourse should be based not only on the issues and problems of the past but also on the issues that the new economy poses before us, and therefore the problem of the digital divide, of course, cannot be avoided. The issue of the price-quality ratio of what is being sold in the digital space is also a very important issue that we must consider when talking about sustainable development.

E-COMMERCE IS GROWING

at the rate of 15% per year. It accounts for 13 trillion US dollars. It is important to understand that ordinary economy is not growing so fast, almost 4 times slower.

BUSINESS EXPERTS SHOULD BEGIN DEVELOPING A NEW MODEL THAT WILL HARMONIZE PROFIT MAKING AND SOCIAL ROLE

BUSINESS AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Another phenomenon that I cannot help mentioning is directly related to the problems of the impact of business on sustainable development. Not so long ago, a sustainable business initiative was launched at the ECOSOC meeting in New York. The question was: how can we talk directly with entrepreneurs, how can we motivate them to contribute to sustainable development? Our moderator was the US Financial Times. Each week, the Financial Times would publish a new column called Ethical Economy. But in this case everything revolves not around ethical issues in business, but how business can contribute to sustainable development, because consumers of services and products will pay more and more attention to whether the business is trying to behave more environmentally friendly, contribute to the social prosperity of individual countries and the world as a whole, consumers will look at whether a company is trying to do something good in addition to just making money. Therefore, of course, it is important for entrepreneurs and companies to realize that their responsibility is growing.

When the UN Agenda 2030 was discussed in 2015, there were a lot of questions. Politicians made statements and told businessmen that along with their responsibilities to shareholders they also had responsibilities to ordinary people. But soon after that momentous meeting in 2015 we realized that business should play a leading role because it doesn't matter how much we, representatives of international organizations, representatives of states, will keep telling businessmen they have responsibility not only to their shareholders, not only to their partners, but also to the world — they themselves must understand it themselves. The question that confronts us today will be as follows: how can we build a new business model that would allow us to align the interests of shareholders and ordinary people, the interests of the world, and the interests of development. The management of each company should not be torn apart by a dilemma: either to seek profitability or to try playing a role in achieving sustainable development.

At present, business experts should begin developing a new business model that will harmonize profit making and the fulfillment of one's social role. It is important to call on science and business to solve this problem, and thus reduce the negative impact on the environment; only then will it go beyond a simple PR campaign, beyond some corporate decisions.

As a result, we will be able to guarantee a greater role for women in the economy, and a more dignified life for those people who live in the resource extraction zone, but we will organize it in such a way that companies will also be making profit and showing how stable they are, how committed they are to the idea sustainable development.

We at UNCTAD have already carried out the initial work on this issue. For example, we interacted with management schools, with business schools of various universities and offered to work with their curricula. We tried to work with them on the question of what their real goal was. We understand that the stratum of business leaders who are ahead of everyone else, who lead the business community, is still vulnerable because they face a difficult choice. Alan Jope, CEO of Unilever, who also headed the UN Sustainable Development Agency, worked with a number of venture investors who wanted to take over Unilever, because all of Unilever's sustainable development goals hit the company's profitability hard. And they wanted to take over the company in order to optimize it. But the Dutch government intervened, the British government intervened and did not allow those venture investors to do so.

Importantly, if the CEO alone adopts the goals of sustainable development without the shareholders understanding their importance, the company management will always be caught between two fires. And this will be a very difficult situation for them. In this regard, it is very important to create mechanisms that will allow us to protect the pioneers of sustainable development, who will try, while working in their companies, to support these goals, protect them from those who still think narrowly, who think about profit in a very outdated paradigm.

Speaking about the correlation of sustainable development goals and companies, one cannot help mentioning small and medium enterprises. Of course, in almost any economy, it is small and medium-sized

enterprises that create the most jobs. But for them the challenges are as serious as for large companies. For them, pursuing sustainable development goals can be even more difficult than for large companies as they have fewer resources. For example, let's imagine that a large company decides to invest in the reorganization of its production in order to become more environmentally friendly, more energy-efficient, more advanced — it will be easier for it than for a small or medium-sized enterprise.

You can't just push this responsibility onto the corporate sector. Governments must create conditions in which small and medium-sized enterprises will be able to remain viable and, at the same time, introduce new methods of production, new technologies, to take on a more important social role, especially in working with vulnerable social groups.

WE SHOULD BE ABLE TO GUARANTEE

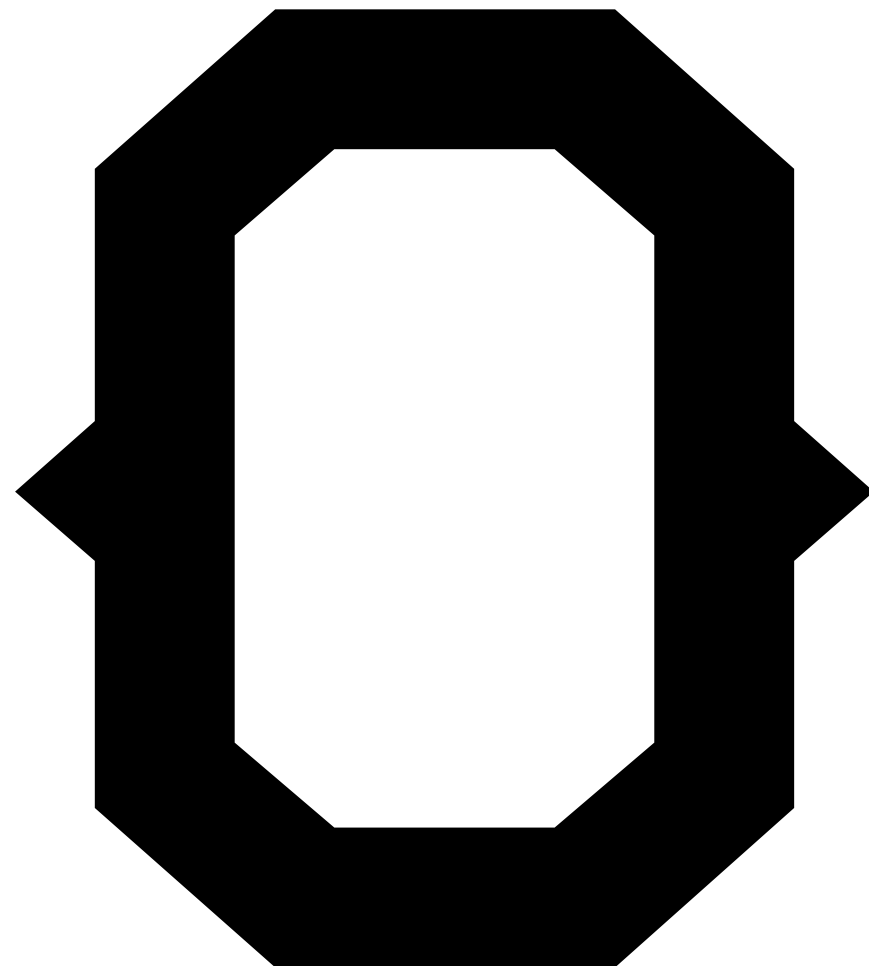
a greater role for women in the economy, and a more dignified life for those people who live in the resource extraction zone.

ЧТО, ОТКУДА И КУДА ПОВЕЗЕМ?

**Компаниям из российских регионов
помогут выйти на внешние рынки**

Субъекты Федерации подключились к реализации нацпроекта «Международная кооперация и экспорт». Сформирован список компаний, которые должны до конца года получить государственную поддержку на развитие бизнеса за рубежом. Мы спросили экспертов, какие российские товары они считают востребованными за рубежом и что нужно сделать, чтобы организовать их стабильные поставки за границу.

ОСНОВНОЙ СМЫСЛ НАЦПРОЕКТА

Формально нацпроект «Международная кооперация и экспорт» был запущен 1 октября 2018 года, но его паспорт появился на сайте правительства только в феврале 2019-го. То есть фактически Минпромторг и подведомственный ему Российский экспортный центр, а также Минэкономразвития и Минфин приступили к работе над ним только в этом году. По плану, к концу августа с руководителями субъектов Федерации должны были быть заключены соглашения о предоставлении межбюджетных трансфертов на поддержку экспортеров. То есть к концу лета этого года российские регионы, которым есть что предложить за рубежом, должны были примкнуть к реализации нацпроекта.

Вице-премьер Дмитрий Козак, выступая на международной промышленной выставке Иннопром-2019 в Екатеринбурге, заявил, что нацпроект «Международная кооперация и экспорт» будет в ближайшие годы главным инструментом повышения конкурентоспособности России на внешних рынках. «Основной смысл такой: всем, кто берется произ-

водить передовую продукцию и реализовывать ее на внешнем и внутреннем рынках, будет субсидироваться процентная ставка по кредитам. Мы это делаем, чтобы выровнять для российского бизнеса условия с точки зрения доступности финансовых ресурсов. 4,5% от ключевой ставки будут субсидироваться — по кредитам, по торговым операциям, по инвестиционным проектам. Причем на длительный период — программа рассчитана на шесть лет. Это серьезная поддержка — чтобы у наших компаний были равные условия с зарубежными конкурентами в плане доступности заемных денег», — заявил вице-премьер.

По его словам, отбор участников проекта завершился. Всего было подано 867 заявок, из которых к концу лета должны отсортировать 250. Окончательное подтверждение об участии в программе они получат после того, как заключат кредитные соглашения с банками. Козак подчеркнул, что субсидирование процентной ставки станет базовым инструментом государственной поддержки экспортеров.

АКСЕЛЕРАЦИОННАЯ ПРОГРАММА

В Российском экспортном центре (РЭЦ) рассказали, что в конце июля началась совместная с бизнес-школой «Сколково» акселерационная программа для экспортеров. Участниками первого набора стали 40 компаний малого и среднего бизнеса из Москвы, Карелии, Татарстана, Алтайского и Пермского края, Ивановской, Нижегородской, Свердловской, Смоленской и Самарской областей. Аналогичные проекты РЭЦ уже реализует вместе со Сбербанком и МЭР.

Кроме того, РЭЦ планирует заняться унификацией работы Центров поддержки экспорта, которые созданы почти во всех субъектах Федерации. Недавний мониторинг, проведенный Минэкономразвития, показал, что работают они недостаточно эффективно из-за нехватки денег. Поэтому было решено увеличить их финансирование, а РЭЦ назначить агентом

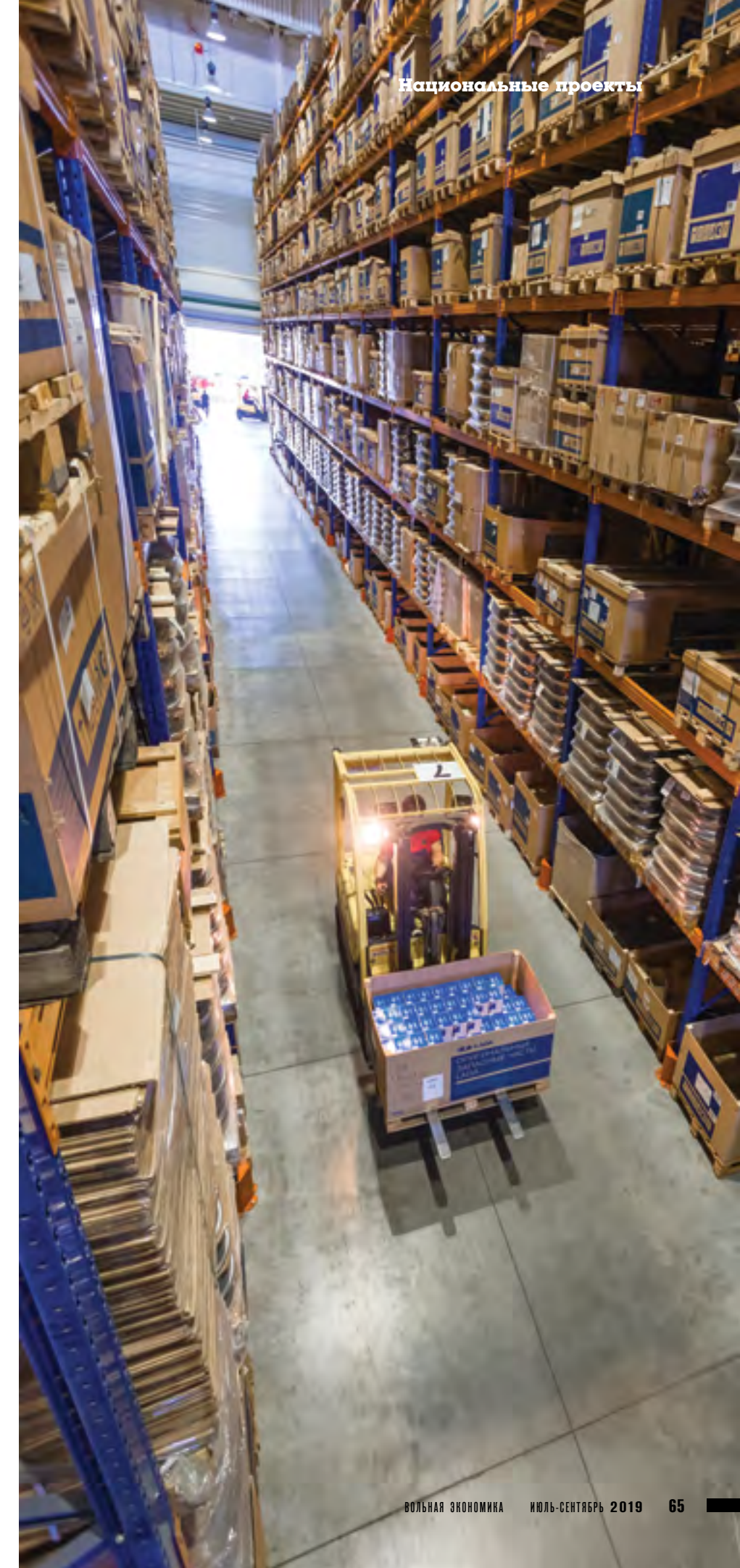
правительства, курирующим их работу. После вступления в силу уже принятых изменений к 209-ФЗ РЭЦ сможет разрабатывать методические рекомендации по работе Центров развития экспорта, чтобы они могли стать частью единой системы продвижения российской продукции за рубежом.

Законодательная база, регулирующая деятельность компаний-экспортеров, с начала года тоже довольно серьезно изменилась. Так, с 1 июля 2019 года экспортеры работ и услуг, так же как и поставщики товаров, могут получать налоговые вычеты по НДС. 24 июля Госдума приняла законопроект, который отменяет требования о репатриации экспортной выручки в рублях для несырьевого экспорта с 1 января 2020 года, и для некоторых сырьевых товаров — с января 2024 года.

Кроме того, правительство РФ одобрило внесение в Госдуму поправок в принятый в первом чтении законопроект, направленный на смягчение ответственности за нерепатриацию валютной выручки. Если сегодня статья 15.25 КоАП за нерепатриацию валютной выручки предусматривает штраф в размере 75–100% от непополненной суммы, то после вступления поправок в силу размер штрафа может быть уменьшен до 5–30% для контрактов в иностранной валюте и до 3–10% для контрактов в рублях. Экспортер не будет привлечен к ответственности, если сумма контракта не превышает 200 000 рублей, а также если он опоздал с возвратом выручки не больше чем на месяц, а с предоставлением документов — не больше чем на три месяца.

ЧТО ПРЕДЛОЖАТ РЕГИОНЫ?

В РЭЦ считают, что российским регионам есть что предложить на внешних рынках помимо углеводородного сырья. Так, крупные промышленные регионы могли бы поставлять за границу продукцию машиностроения, металлургии, химической промышленности. Аграрные центры уже довольно успешно торгуют зерном, рыбой, морепродуктами и растительными маслами, кондитерскими изделиями

ми, кормами, напитками, мясом, маргарином, соусами, мукой, хлопьями, макаронными изделиями, молочной продукцией, консервами и другими продуктами. Тем не менее, по мнению экспертов, до сих пор существует довольно много ограничений, которые мешают увеличивать объемы несырьевого неэнергетического экспорта так быстро, как того хотелось бы правительство. Главное из них — недостаточно комфортный предпринимательский климат в стране.

— Существует такое правило: хорошо экспортируется то, что успешно делается для своего рынка. Мы не можем себе позволить производить на экспорт продукты, в которых не нуждалась бы наша экономика. Поэтому товары, которые мы будем поставлять, должны быть как-то связаны с внутренним спросом. Наши трудности с развитием экспорта связаны как раз с тем, что мы ту же самую продукцию высокого передела не очень хорошо делаем и для себя, — говорит директор Института торговой политики НИУ ВШЭ Александр Данильцев.

Другими словами, чтобы поставлять на внешние рынки продукцию с высокой добавленной стоимостью, следует сначала научиться производить ее для внутренних нужд страны. А для этого нужно создать такие условия для предпринимателей, при которых им будет выгоднее произвести продукт в России, а не заказывать его изготовление за рубежом.

— Развивать экспорт, если внутренний рынок неконкурентен, бессмысленно. Если у производителя отсутствует достаточно сильная конкуренция на внутреннем рынке, зачем ему везти товар вонне? Поэтому ключ к развитому экспорту — здоровая конкурентная среда на внутреннем рынке, — считает Данильцев.

Кроме того, нужен развитый сектор бизнеса, который обслуживал бы экспортные компании. Тогда как компании-гиганты могут сами сопровождать свою экспортную деятельность, оплачивать штат юристов, логистов, консультантов, большинству небольших компаний это не под силу. Им нужны посредники, которые обслуживали бы их интересы. Это могут быть и государственные структуры, такие как Центры развития экспорта, и коммерческие компании, которые предлагали бы полный спектр услуг экспортерам за разумные деньги.

Автор: Надежда Толстоухова

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА РФ СО ВСЕМИ СТРАНАМИ В ЯНВАРЕ — МАЕ 2019 ГОДА, ТЫС. ДОЛЛ. США

	СТРАНЫ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ	ТЕМПЫ РОСТА К ЯНВАРЮ — МАЮ 2018, %	СТРАНЫ СНГ	ТЕМПЫ РОСТА К ЯНВАРЮ — МАЮ 2018, %
 Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	151 551 087,5	98	21 191 465,3	97,6
 Минеральные продукты	106 930 978,8	100,9	7 828 158,6	91,5
 Топливо-энергетические товары	105 497 116,1	100,6	7 261 108,2	89,5
 Металлы и изделия из них	13 635 959,9	86,6	2 773 154	101,4
 Продукция химической промышленности, каучук	7 710 193,5	96,6	2 853 457,3	98,8
 Машины, оборудование и транспортные средства	5 516 716,2	84,2	3 565 466,8	101,3
 Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	71 643	62,9	25 349,6	100
 Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4 427 521,7	95,6	930 654,2	98,3

Источник — ФТС

РАЗГОВОР НА РУССКОМ

На Восточном экономическом форуме представят новые меры поддержки инвесторов.

ПЕРЕМЕНЫ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Пятый Восточный экономический форум (ВЭФ), открывшийся 4 сентября во Владивостоке, на острове Русский, беспрецедентен как по количеству гостей, так и по объему привлеченных инвестиций. Если на ВЭФ-2018 было подписано соглашений на 2,9 триллиона рублей, то, по оценкам экспертов, в этом году порог три триллиона преодолен, да и сам Форум развивается как площадка.

Еще в сентябре 2018-го, закрывая предыдущий ВЭФ, вице-премьер, полпред президента в Дальневосточном федеральном округе Юрий Трутнев отметил, что «форум пока не «сшит по вертикали»». Он рассказал, что попросил президента (и тот дал согласие) внести изменения в организацию работы форума. Так, по результатам сессий по ключевым направлениям развития региона модераторы будут докладывать результаты работы лично президенту, анонсировал зампред правительства в прошлом году. «Мы выберем ключевые направления развития Дальнего Востока — то, что связано с логистикой, с энергетикой, с природными ресурсами, с рыбой — посмотрим, проанализируем все направления. Модераторы этих сессий будут докладывать результаты работы президенту страны».

ВМЕСТО ГЛАЗОМЕРНЫХ И РУЧНЫХ МЕТОДОВ МЫ ЗАДЕЙСТВУЕМ ДАННЫЕ СПУТНИКОВ И КОМПЬЮТЕРНЫЙ АНАЛИЗ

для того, чтобы он мог принимать то или иное решение по тем предложениям, которые ему покажутся правильными», — пояснил Трутнев. Тогда у этих предложений есть шанс остаться не «просто перечнем пожеланий».

Поскольку направления экономических связей с Европой и Северной Америкой ограничиваются санкционной активностью, то внимание российского правительства смещается на Восток. В этом году основной фокус с Китая и Японии переместился на Индию, ее премьер-министр Нарендра Моди — главный гость форума.

«От Восточного экономического форума ждем расширения деловых контактов российского бизнеса с китайскими, японскими, корейскими и прочими экономическими субъектами, — говорит Андрей Кочетков, ведущий аналитик «Открытие Брокер». — Кроме того, остается открытым вопрос проведения переговоров между РФ и Японией по вопросу заключения мирного соглашения. Возможно, что также продвинется вопрос строительства газопровода Сахалин — Хоккайдо. Кроме того, Россия может представить план развития Северного морского пути, что может быть интересно для азиатских экспортеров».

Будущая инфраструктура Севморпути активно обсуждается с начала года — майский указ президента предписывает увеличение грузооборота к 2024 году до 80 миллионов тонн в год — однако никаких конкретных способов достижения этой цели до сих пор нет. Существующие добычные проекты могут гарантировать объем грузооборота к 2024 году до чуть более 52 миллионов тонн.

ОЦИФРОВАННАЯ Тайга

Для лесной отрасли на Восточном экономическом форуме представлен интерактивный прототип цифровой платформы. Как рассказал генеральный директор Фонда развития Дальнего Востока Алексей Чекунков, ее разрабатывали, основываясь на успешном опыте цифровизации дальневосточной отрасли аквакультуры.

«Сегодня, обладая 21% мировых запасов леса, мы, к сожалению, имеем неточный, непрозрачный и невыгодный для государства сектор экономики. В основе действующих информационных систем лежат старые данные (20–30 лет) и архаичные ручные методы работы с первичной информацией. Базовым инструментом остается планшет лесничего с бумажными картами. Данные различных источников расходятся», — отмечает Алексей Чекунков. Например, государственный лесной реестр видит на четверть меньше леса, чем государственный реестр недвижимости. Расхождение составляет 257 миллионов гектаров — это площадь Казахстана.

«Разрабатываемый интернет-сервис позволит изменить эту ситуацию, существенно повысить эффективность как госуправления, так и рыночных механизмов. Вместо ручного и глазомерного методов, бумажных карт, мы задействуем данные спутников и компьютерный анализ. Вместо закрытых и непрозрачных механизмов выделения участков предлагаем проводить открытые онлайн-аукционы. Сделки с продукцией отрасли планируется перевести на единую биржевую площадку и ввести электронный паспорт древесины. Эти шаги увеличат доходы бюджета и значительно затруднят функционирование серого и черного рынков», — уточнил он. Пока же в лесопромышленном комплексе сохраняется сырьевая ориентация экспорта, его вклад в экономику региона не превышает 1,5%, притом что на Дальний Восток приходится более половины запасов древесины в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

ДЛЯ ИНВЕСТОРОВ

На ВЭФ в этом году озвучены и новые меры поддержки инвесторов. Ранее уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Борис Титов предлагал от создания особых экономических зон, внутри которых инвесторам обеспечиваются льготные условия, перейти к построению кластеров — промышленных цепочек, связывающих десятки российских предприятий.

«Мы уже созрели для того, чтобы не просто предоставлять условия отдельным инвесторам, а переходить к формированию промышленных кластеров, — считает Борис Титов. — Нефтехимия, глубокая переработка древесины, агрохимический кластер, объединяющий производство удобрений и сельское хозяйство».

Территории опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ) уже принесли свои плоды: более 1700 резидентов реализуют в них проекты на 60 миллиардов долларов. Среди них как мегапроекты, так и малый бизнес. Уже реализованы 230 проектов, вложено более шести миллиардов долларов, создано более 25 тысяч рабочих мест. Но зачастую режимов ТОР и СПВ для инвесторов уже недостаточно. Конкуренция за инвестора в Азиатско-Тихоокеанском регионе обостряется.

«В целом Восточный экономический форум становится более продуктивным, чем площадка в Санкт-Петербурге. Предстоящее мероприятие также может быть интересным в связи с тем, что Китай будет вынужден расширить свою экономическую активность в восточном регионе из-за торговой войны с США», — добавляет Андрей Кочетков.

Другое ключевое отличие форума этого года от предыдущих — ярко выраженный арктический окрас. Масса сессий и круглых столов посвящена именно этому «белому пятну» на карте России: кроме развития Севморпути это и работа на шельфе, который планировалось открыть для иностранных, в первую очередь азиатских компаний, и ресурсная база АЗРФ.

Еще в апреле было анонсировано, что меры поддержки бизнеса, готового инвестировать в Арктику, будут примерно такими же, как и на Дальнем Востоке. Законопроект об этом Минвостокразвития должно было разработать до 1 июля. Потом, правда, сроки перенесли. Известно, что при работе над системой льгот арктическим инвесторам возникли предложения, как улучшить систему преференций бизнесу на Дальнем Востоке. Предполагается, что именно на ВЭФ станет известно, как именно.

Автор: Елена Березина

НА ВЭФ ОЗВУЧЕНЫ НОВЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ИНВЕСТОРОВ

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Борис Титов предлагал от создания особых экономических зон, внутри которых инвесторам обеспечиваются льготные условия, перейти к построению кластеров — промышленных цепочек, связывающих десятки российских предприятий.

ДОХОДЫ ДОМО- ХОЗЯЙСТВ

В начале июня вице-премьер Татьяна Голикова сообщила, что число россиян с доходами ниже прожиточного минимума в 2018 году сократилось до 12,9% (по сравнению с 2017 годом). Однако уже в первом квартале 2019-го, по данным Росстата, цифра выросла до 14,3%. Почему работающие люди беднеют?

ПРОБИЛИ МИНИМУМ

Почти 21 миллион человек в России в первом квартале 2019 года имели доходы ниже прожиточного минимума, подсчитали в Росстате. Это 14,3% населения страны. Уровень бедности в первом квартале прошлого года составлял 13,9%. В статистической службе такую динамику объясняют «опережающим ростом» показателя прожиточного минимума по сравнению с ростом цен. Так, прожиточный минимум вырос на 7,3% в первом квартале этого года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года — с 10 038 до 10 753 рублей. А индекс потребительских цен вырос на 5,2%. Как указывают в ведомстве, при одинаковом росте обоих показателей число людей, живущих за чертой бедности, осталось бы неизменным. Точную оценку численности малоимущего населения Росстат представит по итогам года, когда будут учтены все сезонные и годовые выплаты, а также другие доходы.

Первое место по числу бедных семей среди регионов России занимает Республика Тыва с показателем 40,5%, сообщила в начале июня вице-премьер Татьяна Голикова. Региональный прожиточный минимум там не сильно отличается от общероссийского — 10 462 рубля. В тройку антилидеров по числу малоимущих вошли также Кабардино-Балкария (прожиточный минимум — 11 801 рубль) и Ингушетия (10 334 рубля). В майском отчете Росстата отмечается, что почти половине российских семей (48,2%) денег хватает только на еду и одежду, а на товары длительного пользования (мебель, бытовую технику и электронику и др.) финансовых ресурсов нет. Самая высокая доля таких семей среди молодежи (59,2%) и семей, которые состоят только из неработающих пенсионеров (57,9%).

Около 15% семей денег хватает только на еду, а покупка одежды и даже оплата услуг ЖКХ — уже трудность. Таких больше всего среди многодетных семей и также семей, состоящих только из неработающих пенсионеров.

БЕДНЫЕ СИЛЬНЫЕ

Один из способов борьбы с бедностью в мировой практике — вовлечение малоимущих на рынок труда. Однако в России проблема не в безработице, а в низких зарплатах, указывают эксперты. Уровень бедности среди людей, работающих по найму у физических лиц и индивидуальных предпринимателей, достигает 19,4%. Об этом Татьяна Голикова сообщила на деловом завтраке Сбербанка на Петербургском международном экономическом форуме. Среди тех, кто работает у юридических лиц, бедных — 7,4%.

По данным НАФИ, уровень безработицы в России остается невысоким. В 2018 году он достиг минимума за последние годы — 4,8% по методологии Международной организации труда. Эксперты агентства отмечают, что спрос на труд стабилизировался или даже несколько вырос из-за адаптации экономики к шокам. При этом, по их словам, российский рынок труда «традиционно реагирует на изменение экономической конъюнктуры главным образом не за счет уровня безработицы, а с помощью механизмов неполной занятости и фактического снижения оплаты труда».

Это подтверждают и данные Росстата. Самая распространенная зарплата россиян, по подсчетам ведомства, составляет 23,5 тысячи рублей в месяц. Это модальный показатель за апрель 2019 года, то есть цифра отражает реальный доход большинства россиян. В докладе Всемирного банка отмечается, что темпы роста реальных зарплат в первом квартале 2019 года замедлились во всех секторах. Например, в торговле они выросли на 4,5%, в строительстве — на 2,1%, а средний рост составил 1,4% по

сравнению с аналогичным периодом годом ранее. При этом эксперты отмечают, что хотя номинальные зарплаты растут, но растут и обязательные расходы граждан — например, с 1 июля опять выросла стоимость услуг ЖКХ, а платежи по кредитам продолжали увеличиваться. На уже упомянутом деловом завтраке Сбербанка Татьяна Голикова рассказала, что расходы населения превышают доходы на 13,3 триллиона рублей.

«В экономике выделяют два понятия: “бедность слабых” и “бедность сильных”. Первое — это бедность многодетных семей, инвалидов, нетрудоспособных людей, уязвимость которых связана с низкими доходами, ограниченными возможностями заниматься определенными видами деятельности. Второе — бедность трудоспособных граждан, которые по тем или иным причинам не могут получить достойный заработок, — пояснила Ольга Лебединская, доцент кафедры статистики РЭУ им. Г. В. Плеханова. — Более опасно для экономики наличие второй категории бедных, существование которой однозначно провоцируется кризисными явлениями в экономике». Предпосылки такой бедности, по словам эксперта, это низкий уровень оплаты труда, отсутствие рынка труда в депрессивных регионах с небольшим числом неэффективных предприятий, несоответствие профессий рабочего населения потребностям рынка, неконкурентоспособность отдельных отраслей и т. д. «Но нельзя все однозначно списывать на “провалы” рынка, — указывает Лебединская. — В условиях роста уровня цифровой составляющей заработной платы: создаваемые ценности, квалификация рабочих быстро обесцениваются, ранее считавшийся квалифицированным труд теряет свою значимость и переходит в категорию неквалифицированного, что влечет соответствующие изменения и в уровне оплаты труда».

СОСТОЯНИЕ РЫНКА ТРУДА

Одним из наиболее значимых негативных трендов последнего времени стал перелом в динамике спроса компаний на труд. Сформировалась ярко выраженная тенденция его снижения.

Источник: доклад «13 тезисов об экономике: июль 2019» Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования

ГДЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ?

В статье «Где проходят границы благополучия» заведующая Центром стратификационных исследований Института социальной политики НИУ ВШЭ Светлана Мареева отмечает, что в России практически отсутствует крайняя бедность, связанная с проблемой физического выживания, все еще характерная для остальных стран БРИКС или Латинской Америки. При этом, по словам эксперта, в последние годы в России все больше уравнивались доходы массовых слоев населения — при одновременно все большем отрыве верхушки. Это подтверждают цифры по концентрации доходов и богатства у 1–5% населения. В 2018 году, по данным Credit Suisse, на долю 5% самых обеспеченных людей России приходилось 73,7% всего личного богатства страны, на долю 1% самых обеспеченных — 57%.

Как подчеркивает Светлана Мареева, россияне озабочены не столько доходным неравенством как таковым, сколько несправедливостью его оснований в современной России. Они предъявляют запрос не на общее выравнивание доходов, а на обеспечение равенства возможностей, при котором разные доходы могут формироваться на основании легитимных факторов — уровня образования и квалификации, эффективности работы и пр.

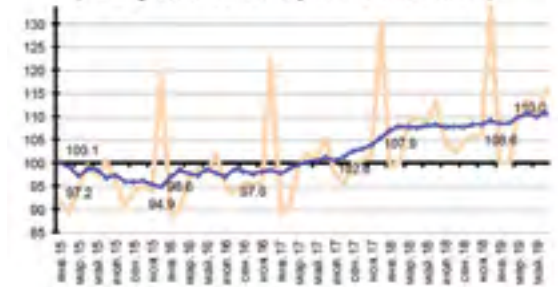
«Работающие бедные являются, вероятно, самой важной для решения задачей, — полагает Олег Шибанов, профессор финансов РЭШ, директор Центра исследования финансовых технологий и цифровой экономики «Сколково-РЭШ». — В такой ситуации нужно пробовать помочь переобучиться и идти в более привлекательные по зарплатам сектора экономики. А вот для более молодых людей в малых

ТО, ЧТО ЗАРПЛАТЫ ОСТАЮТСЯ БОЛЬНОЙ ТЕМОЙ В СТРАНЕ,

показала и реакция на скандал с грузчиками в московском аэропорту Шереметьево. Чтобы решить проблему багажного коллапса, аэропорт якобы поднял зарплату грузчикам до 200 тысяч рублей в месяц. Затем появилась информация, что оклад составляет 45 тысяч, затем — 85 тысяч рублей. Все это вызвало дискуссии о том, стоит ли просиживать штаны в офисе, если можно устроиться грузчиком в аэропорт.

Рисунок 9. Реальная начисленная заработная плата (% к среднему значению 2012 г.)

поселениях, скорее всего, ответ один — переезд в относительно большой город. Обычно рынок труда в миллионниках лучше, чем в сотысячниках, поэтому лучше решиться и либо учиться, либо искать работу на этих рынках. Впрочем, есть и удаленная работа, доступная даже через онлайн-сервисы, и в этом случае будет шанс даже оставаться у себя».

ЭКСПЕРИМЕНТ ОТ МИНТРУДА

О необходимости решения проблемы бедности говорят на всех уровнях. Президент РФ Владимир Путин поставил задачу в два раза снизить уровень бедности к 2024 году. А премьер-министр Дмитрий Медведев, выступая с отчетом о деятельности правительства за 2018 год в Госдуме, назвал борьбу с бедностью первоочередной задачей. Глава Счетной палаты РФ Алексей Кудрин в эфире программы «Познер» на Первом канале назвал бедность позором России и не исключил социального взрыва, если уровень бедности продолжит расти. По его словам, в стране с таким уровнем ВВП на душу населения не должно быть такого числа бедных, в особенности в семьях.

Эту тему затронули и на 21-й экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России. Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при правительстве РФ Дмитрий Сорокин отметил, что «технологический прорыв и бедность — вещи взаимоисключающие, поэтому первым национальным проектом должна стать борьба с бедностью». А заведующий лабораторией «Проблем уровня и качества жизни населения» Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Вячеслав Бобков обратил внимание на то, что в нацпроектах не нашла отражение проблема неустойчивой занятости: «Сегодня 50–75% работников ущемлены в своих социально-экономических правах. Это касается и зарплаты, и других условий труда и является глобальной проблемой современности».

РЕАЛЬНО РАСПОЛАГАЕМЫЕ ДОХОДЫ

Второй квартал закрепил сформировавшиеся тенденции минимального, на грани остановки, расширения реальной заработной платы и, соответственно, стагнации реальных располагаемых доходов. Стагнация доходов стала основой общеэкономического торможения.

Источник: доклад «13 тезисов об экономике: июль 2019» Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования

В конце 2018 года Минтруд объявил о старте эксперимента по борьбе с бедностью в восьми регионах России: Кабардино-Балкарии, Татарстане, Приморском крае, Ивановской, Липецкой, Нижегородской, Новгородской и Томской областях. В июле этого года в пилотный проект вошли еще пять регионов: Республика Коми, Республика Тыва, Алтайский край, Пермский край и Курганская область. К 2021 году эксперимент хотят распространить на всю страну. Как объяснил глава Минтруда Максим Топилин, в рамках эксперимента в регионах будут искать малообеспеченные семьи и «строить для них «траектории» выхода из сложной финансовой ситуации». Предполагается проводить анализ причин бедности и искать наиболее эффективные способы борьбы с этими причинами.

В мае Татьяна Голикова сообщила, что мерами социальной поддержки охвачено от 64 до 87% граждан с доходами ниже величины прожиточного минимума в регионах, вошедших в пилотный проект. Малоимущим помогают субсидиями, продуктами и одеждой, а также предлагают возможности больше зарабатывать. Так, в Ульяновской области обучают предпринимательству неработающих мам и пенсионеров, а в Новгородской области стимулируют самозанятость безработных. Тем, кто оформляет юридическое лицо, предоставляют единую выплату 60 тысяч рублей и финансовую помощь на подготовку документов для регистрации юрлица.

«Меры, направленные на борьбу с бедностью, должны быть также многоаспектны, как и ее проявления, — полагает Ольга Лебединская. — Это и реализация механизмов обеспечения возможности получения детьми в т. ч. из малоимущих семей качественного образования, и доведение минимального размера оплаты труда до величины прожиточного минимума. Также важно создавать условия для повышения самозанятости населения на основе развития малого предпринимательства и совершенствовать сферу оплаты труда, развивать социальную ответственность бизнеса».

Автор: Кира Камнева

ТЕНИ НЕ ИСЧЕЗНУТ

Одна из ключевых целей Вольного экономического общества — собирать на одной площадке экспертов с зачастую противоположными мнениями. Это позволяет не зашориваться в рамках одного, пусть даже преобладающего, взгляда. На одной из конференций с программным докладом о мерах против стагнации и рецессии выступил академик РАН, профессор РАНХиГС Абел Гезевич Аганбегян.

ВЫВЕДУТ НА СВЕТ БОЖИЙ

Трудоспособное население в России за последние два года сократилось на 1,8 миллиона человек, а к 2025 году потеряет еще 2 миллиона. Такой прогноз на Петербургском международном экономическом форуме сделал замглавы Минэкономразвития РФ Илья Торосов. В Правительстве, впрочем, неутешительные перспективы не вызывают тревогу. По словам вице-премьера Татьяны Голиковой, сокращение трудоспособного населения может быть компенсировано выведением «из тени» россиян, которые работают неофициально. Активно занятых наемных работников у нас существенно меньше, чем трудоспособного населения в целом, прокомментировала вице-премьер журналистам.

«В серую», как уже говорилось, сегодня работают около 15 миллионов россиян, и в последние несколько лет эта цифра остается примерно на одном уровне. Всемирный банк в своем последнем докладе об экономике России оценивает потери бюджета от теневой занятости в 2,3% ВВП. Это 2,4 триллиона рублей (с учетом размера ВВП за 2018 год 103,6 триллиона рублей). Один только Пенсионный фонд России, по оценкам министра труда и социальной защиты Максима Топилина, из-за теневой занятости недополучает около 500 миллиардов рублей в год.

Вместе с тем важно отметить, что в группе стран со средним доходом у России одна из самых небольших «трудо-вых теней». По оцен-

кам экономистов Всемирного банка, она находится на уровне между 15,1 и 21,2%. Значительно больше неформально занятых, например, у наших «коллег» по БРИКС — Бразилии и ЮАР, а также в Аргентине, Чили, Турции (между 30 и 33%).

КАК ИХ ПОДСЧИТАЛИ?

Российские предприниматели отмечают, что невозможно качественно оценить реальное количество трудовых ресурсов, занятых в теневой экономике.

— Есть лишь серия условных чисел: в 2017 году, например, активно использовалась цифра 30 миллионов человек, в этом году — 15 миллионов. Сколько людей реально находится за чертой законности, установить достаточно трудно, — полагает первый вице-президент «Опоры России» Павел Сигал. — Помимо людей, которые

явно задействованы в теневом секторе и имеют там основную работу, существуют люди, которые задействованы дополнительно. Скажем, имеют вторую работу или оплачиваемые нерегулярные разовые акции. Также существует огромное сообщество «теневых» рантье — это фактически 50% рынка, а с ужесточением правил размещения мини-отелей (хостелов) эта цифра может стать еще больше.

Несмотря на сложности счета, правительство продолжает борьбу с теневым рынком за легализацию «серых» работников. За последние четыре года Роструд вывел из теневой занятости около 8 миллионов работников, из них 1,4 миллиона — в прошлом году.

ОСОБЫЙ ПУТЬ

В трудовой тени у России, как и везде, свой особенный путь. В докладе Всемирного банка отмечается, что обычно

рост неформальной занятости связывают с процессами деиндустриализации — перетоком рабочей силы из обрабатывающих отраслей в сектор услуг. Считается, что традиционно неформальных работников привлекают строительство и сельское хозяйство. В России на эти сектора в 2018 году пришлось больше всего сомнительных финансовых операций — 29 и 22% соответственно, подсчитали в Центробанке. Но вот теневая занятость отмечается во всех отраслях экономики.

Еще одно отличие российской неформальной занятости в том, что пособия по безработице, как полагают во Всемирном банке, в стране слишком низкие. Они не стимулируют граждан регистрироваться на бирже труда, то есть официально выходить на рынок в качестве безработного. Экономисты отмечают, что России необходима продуманная система страхования от безработицы и объединение нескольких небольших пособий в более крупную выплату.

Наконец, третье отличие в том, что, хотя межсекторальная мобильность в России сопоставима с большинством стран с развитой экономикой, уровень межрегиональной мобильности остается низкой. Так, доля учтенных внутренних мигрантов (тех, кто переезжает из одного региона в другой, и тех, кто перемещается внутри одного региона) за период с 2002 по 2010 год составила всего 1,4% населения. Для сравнения: в США доля таких мигрантов только с 2000 по 2006 год составила 13,7% населения, в Канаде — 14,6%.

Низкая межрегиональная мобильность приводит к значительным различиям между регионами в уровне неформальной занятости, констатируют во Всемирном банке. Росстат фиксирует высокий уровень занятых в неформальном секторе экономики на Кавказе — в Чечне (63,9%),

Дагестане (55%), Ингушетии (49,2%), Кабардино-Балкарии (41,3%) и Северной Осетии (37%). Также неформально занятых много в Крыму, на Алтае и в Калмыкии (около трети от всех работающих).

ВО-ПЕРВЫХ, ЭТО ВЫГОДНО

Главный экономист рейтингового агентства «Эксперт РА» Антон Табах главными причинами, по которым бизнесу и людям выгодно оставаться в тени, называет экономию на налогах (для обеих сторон) и нежелание граждан светить доходы (из-за просрочек по кредитам, долгам, уклонения от алиментов).

— Очень часто теневая занятость экономически выгодна — например, когда официальные рабочие места не создашь из-за того, что все налоги платить слишком дорого, а самозанятость может быть в тени (тот же сбор грибов и ягод, с которого живут, и неплохо, многие районы на Севере), — отметил эксперт. — Полностью ликвидировать теневую занятость и не нужно: она есть практически везде, даже в скандинавских странах или в Швейцарии, иногда переползая в gig economy — так называемую гиг-экономику, когда вместо найма постоянных сотрудников компании набирают разовых исполнителей на конкретные проекты. На эту новую модель экономики, в которой люди больше предпочитают частичную занятость, обращают внимание во всем мире. Считается, что это помогает экономить

на поиске сотрудников и содержании штата.

Павел Сигал полагает, что бороться за обеление экономики можно, выделяя три условно простых инструмента: упрощение налоговой системы, увеличение ВВП на душу населения, ужесточение контроля и законодательства.

— Еще один важный квазиэкономический, а скорее, даже психологический фактор — фактор ментальности, — добавил эксперт. — Особенно трудные годы для России, «лихие 90-е», создали как минимум три-четыре поколения граждан, которые идентифицируют систему «заплати и работай», «заплати и езжай» как нормальную, хотя по факту она такой совсем не является. В тех же США не заплатить налог

ЕЩЕ ОДНО ОТЛИЧИЕ РОССИЙСКОЙ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ В ТОМ, ЧТО МАЛО КТО РЕГИСТРИРУЕТСЯ КАК БЕЗРАБОТНЫЙ ИЗ-ЗА НИЗКОГО УРОВНЯ ПОСОБИЯ

нес становится объектом более пристального внимания надзорных и правоохранительных органов. По его мнению, нужно разработать нормативно-правовые механизмы, которые, с одной стороны, не нарушат права контрольно-надзорных и правоохранительных органов, с другой — будут стимулировать деловую активность.

НЕ БОРОТЬСЯ С ТЕНЬЮ

Неформальная занятость в России крайне неоднородна и по структуре, и по источникам формирования, и по следствиям для благосостояния, отмечается в совмест-

гает экономист, привела бы к сокращению заработков в формальном секторе, росту безработицы и экономической неактивности. В итоге снизится общий уровень занятости в экономике и благосостояния населения.

При столкновении с дилеммой «неформальная занятость или безработица» едва ли следует делать однозначный выбор в пользу последней, полагают авторы доклада. Во-первых, неформальность на рынке труда в принципе неустраима. Во-вторых, ее рост — это признак искаженной системы стимулов и необходимости ее перенастройки. Но главное — так называемая легализация не ведет к росту производительности труда. Она повышает издержки и для неформальных производителей,

ЦИФРА 15 МЛН НЕЛЕГАЛОВ В ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕБОЛЬШАЯ, И РАЗУМЕЕТСЯ, ОНИ ГЕНЕРИРУЮТ ДОХОД, НАЛОГИ С КОТОРОГО НЕ ИДУТ В КАЗНУ

считается дурным тоном, показателем ограниченности, «деактивированности», там все — примерные налогоплательщики и потому теневой сектор составляет только 7% ВВП. Эти вопросы тоже нужно решать, нужно воссоздавать культуру соблюдения налоговой активности в качестве единственно правильной гражданской позиции.

Сигал добавил, что фрагментарно все перечисленные действия уже реализуются правительством на уровне регионов, частично на федеральном уровне, но этим действиям не хватает системности и идеи, которая могла бы объединить всех граждан одной целью.

В Российском союзе промышленников и предпринимателей считают, что нужно поощрять выход бизнеса из тени, не злоупотребляя проверками по прошлым периодам со стороны правоохранительных и контрольно-надзорных органов. Президент союза Александр Шохин на Неделе российского бизнеса обратил внимание на то, что, выходя из тени, биз-

ном докладе Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. Те, кто в серую работает по найму, получают в среднем на 15–20% меньше, чем формализованные работники. А вот неформальные самозанятые оплачиваются выше.

Теоретически полная легализация тех работников, которых относят к неформальному сектору, приведет к росту заработков этих людей и их социальной защищенности. Бюджет получит дополнительные налоги, вырастут пенсии. Однако по факту для того, чтобы все это произошло, необходимо одновременно выполнить слишком много условий, отметил один из авторов доклада, директор Центра трудовых исследований ВШЭ Владимир Гимпельсон. Многие из работающих в серую ушли в тень вынужденно — из-за того, что не востребованы в формальном секторе. Последний не нанимает новых работников, а, наоборот, сокращает спрос на них и увольняет уже имеющих. Поэтому насильственная формализация, как пола-

и для потребителей, что ведет к сокращению и спроса, и предложения.

Что же делать? Как полагают экономисты, для ограничения неформальной занятости нужно снижать административные барьеры разного рода, облегчать вход в бизнес, стимулировать создание новых и расширение действующих предприятий. Только через интенсивное создание формальных рабочих мест можно остановить рост числа неформальных.

— В целом величина 15 миллионов условных «нелегалов» по принципу принадлежности к теневой экономике относительно небольшая, и разумеется, они генерируют денежный поток, налоги и выплаты с которого не идут в казну, — отметил Павел Сигал. — Однако, с другой стороны, у этих людей остается больше свободных денег, иногда для того, чтобы закрывать проценты по кредитам, но чаще для запуска их в государственный оборот через повышение потребительского спроса. Так или иначе государство получает свою часть прибыли.

ТЕНЕВАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РОССИИ

15 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК

2,3% ВВП

РЕГИОНЫ-ЛИДЕРЫ:

ЧЕЧНЯ — 63,9%
ДАГЕСТАН — 55,0%

ИНГУШЕТИЯ — 49,2%
КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ — 41,3%

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — 37%
КРЫМ, АЛТАЙ, КАЛМЫКИЯ — ПО 30%

ИННОВАЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Как избавиться от зерновой иглы?

Крупнейшие эксперты агропрома, ученые и политики приступили вплотную к инновационному развитию сельского хозяйства, точнее, к созданию условий, которые такое развитие могут запустить. В Совфеде создана Временная комиссия по законодательному обеспечению развития технико-технологической базы агропромышленного комплекса Российской Федерации, которая в постоянном режиме занимается этой темой. К дискуссии активно подключилось и Вольное экономическое общество, на площадках которого проходят весьма острые дебаты. В частности, первый зампред Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию Сергей Митин представил доклад директора Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова, академика РАН Александра Петрикова.

Александр Петриков,
директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова, академик РАН, д. э. н., профессор, член Президиума ВЭО России

НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ИННОВАЦИЙ

Тема инновационного развития отрасли была актуальна всегда, но особенно актуальна в нынешних условиях. Я хотел бы это продемонстрировать.

В сельском хозяйстве инновационной деятельностью занимается меньшая доля предприятий, чем в других отраслях экономики. В целом по экономике — 7,5%, в промышленности — 9,6%, а в растениеводстве — порядка 3,9%, в выращивании однолетних культур, в животноводстве еще меньше — около 3%.

Как показала Всероссийская сельскохозяйственная перепись, инновациями занимаются в основном крупные предприятия, в меньшей степени — малые предприятия, и совсем мало — фермерские хозяйства. Эта закономерность проявляется по всем позициям.

Не удастся переломить и тенденцию роста удельного веса иностранных селекционных достижений на внутреннем рынке. После реорганизации Российской академии сельскохозяйственных наук, которая ранее отвечала за это важнейшее направление, количество заявок, поданных российскими селекционерами в госреестр селекционных достижений за 2014–2017 годы, по сравнению с предшествующей трехлеткой 2010–2013, увеличилось на 30%, но их удельный вес в этом госреестре сократился на 6 процентных пунктов. И если посмотреть на госреестр селекционных достижений, допущенных к использованию, то мы видим такую же тенденцию. Число заявок выросло на 15%, а их доля в указанном госреестре уменьшилась на 2 процентных пункта, и это — направление, которое особенно патронировалось государством.

В то же время в сельскохозяйственных научных учреждениях накоплен большой объем завершенных научных работ, которые слабо коммерциализируются.

Данные за 2006–2014 годы: 14 тысяч результатов — селекционные достижения, изобретения, полезные модели, методики, технологии — были получены в учреждениях Россельхозакадемии, но из них только около 4,8 тысячи, 37%, получили патент, а лицензионный договор на использование — около 6%.

В целом конкурентоспособность отечественных сельскохозяйственных технологий уступает зарубежным. Россия остается их нетто-импортером, и уровень импорта очень высок — намного выше, чем сальдо внешнеторговой деятельности в области сельского хозяйства. Мы с 2005 по 2017 год, то есть со времен реализации национального проекта, заключили лицензионных соглашений на сумму 318 миллионов долларов — это данные Росстата. А продали лицензий за рубеж, в основном в бывшие советские республики, всего на 36 миллионов долларов, то есть в 9 раз меньше.

Итак, мы можем констатировать, что конкурентоспособность отечественных сельскохозяйственных технологий уступает зарубежным.

ТРИ ПРИЧИНЫ ОТСТАВАНИЯ

Я бы выделил три причины такой неутешительной ситуации.

Первая — в том, что у нас нет института по внедрению результатов научных исследований в практику.

Раньше это были государственные унитарные предприятия, опытные хозяйства Россельхозакадемии, но они не оказались привлекательными для частных инвестиций и должным образом не финансировались самой академией, и уже с 2004–2005 годов рентабельность производства и выручка на одного работника в АПК была ниже, чем по аграрной экономике. Несмотря на то что в новых институтах развития — Роснано, Сколково, Российская венчурная компа-

ния — есть аграрные подразделения, они очень мелкие и занимаются в основном незначительными цифровыми технологиями. МИПы при вузах и научно-исследовательских институтах тоже решают лишь фрагментарные задачи. Цепочки полного научно-технологического цикла — от фундаментальных разработок до массового производства — сейчас только начали формироваться. Эту цель, в частности, преследует Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства до 2025 года, которая реализуется с 2017 года, но распространилась только на две подотрасли: селекцию семеноводства картофеля и сахарной свеклы, и только в 2019 году планируется подготовить еще 12 подпрограмм.

Вторая причина.

В стране отсутствует единый центр координации, прогнозирования, экспертизы научно-технологических разработок в области сельского хозяйства. Вроде бы такими функциями должно заниматься отделение сельскохозяйственных наук РАН, но его статус очень низок. Сейчас сельскохозяйственные исследования и внедрение входят в задачи восьми программ и фондов, но они должным образом между собой не скоординированы.

И третья причина, о которой следует сказать, в том, что сельскохозяйственная наука недофинансирована.

Доля сельского хозяйства в общей сумме внутренних затрат на исследования и разработки, а также отношение внутренних затрат на исследования и разработки в сельском хозяйстве к валовой добавленной стоимости, созданной в сельском хозяйстве, постоянно снижается. При этом последний показатель — отношение валовой добавленной стоимости к добавленной стоимости в сельском хозяйстве — в два раза ниже аналогичного в целом по экономике. У нас — 0,55%, а в целом по экономике — 1,1%. В развитых странах этот показатель достигает 4%.

Сельскохозяйственные исследования и разработки сосредоточены в основном в государственном секторе науки, и особенно недофинансированы прикладные исследования. Обращу внимание на то, что на момент реформы государственных академий удельный вес фундаментальных разработок был 42%, а с 2014 года он вырос до 57–58%. Государство массивно вкладывает деньги в фундаментальную науку, которая не коммерциализируется.

СИСТЕМУ ТОЧНОГО
ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И
ДИСТАНЦИОННОГО
НАБЛЮДЕНИЯ ЗА
КАЧЕСТВОМ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
РАБОТ СЕЙЧАС
ВНЕДРЯЮТ ПОРЯДКА

15%
КРУПНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ,
В ОСНОВНОМ,
АГРОФИРМ
И АГРОХОЛДИНГОВ,
А В МАЛЫХ
ПРЕДПРИЯТИЯХ ЭТОТ
ПОКАЗАТЕЛЬ —
4,3%,
У ФЕРМЕРОВ —
0,8%

Если мы посмотрим на долю государственного сектора во внутренних затратах на исследования и разработки, то увидим, что бизнес очень слабо финансирует и прикладные исследования, и разработки, и фундаментальную сельскохозяйственную науку. Доля государства во внутренних текущих затратах на исследования и разработки — 83% по сельскому хозяйству, а всего по отраслям, по всем областям науки — 34%, то есть сельскохозяйственная наука в общем-то целиком зависит от государства. При этом мы знаем, что в других странах множество источников финансирования и очень высока доля финансирования частного бизнеса. К такой модели необходимо переходить и в России.

ПОДХОДЯЩИЕ ИНОСТРАННЫЕ РЕЦЕПТЫ (И НЕ ТОЛЬКО)

Удивительно, что у нас не обращают внимания на мировой сельскохозяйственный инновационный опыт. Если посмотреть на поддержку инноваций в сельском хозяйстве в зарубежных странах, то этим занимаются: в США — Агентство по исследованиям, освоению результатов и консультированию при Министерстве сельского хозяйства, Сельскохозяйственная научная служба, Служба распространения знаний и опыта; в Бразилии — Государственная корпорация EMBRAPA, а также различного рода ассоциации самих сельскохозяйственных научных центров; в Германии — Информационная служба по распространению знаний в сельском хозяйстве, Немецкое сельскохозяйственное общество, крупные частные структуры и даже банки, например, Сельскохозяйственный рентный банк. В России сейчас такого центра нет, ни государственного, ни государственно-общественного.

Напомню, что Вольное экономическое общество в 1765 году было создано в том числе для научного обеспечения аграрной отрасли и сельского домостроительства. В 1820 году в помощь ему Александр I создает Императорское московское общество сельского хозяйства, которое, замечу, было ликвидировано только в 1929-м, а точнее, преобразовано во Всесоюзную академию сельско-

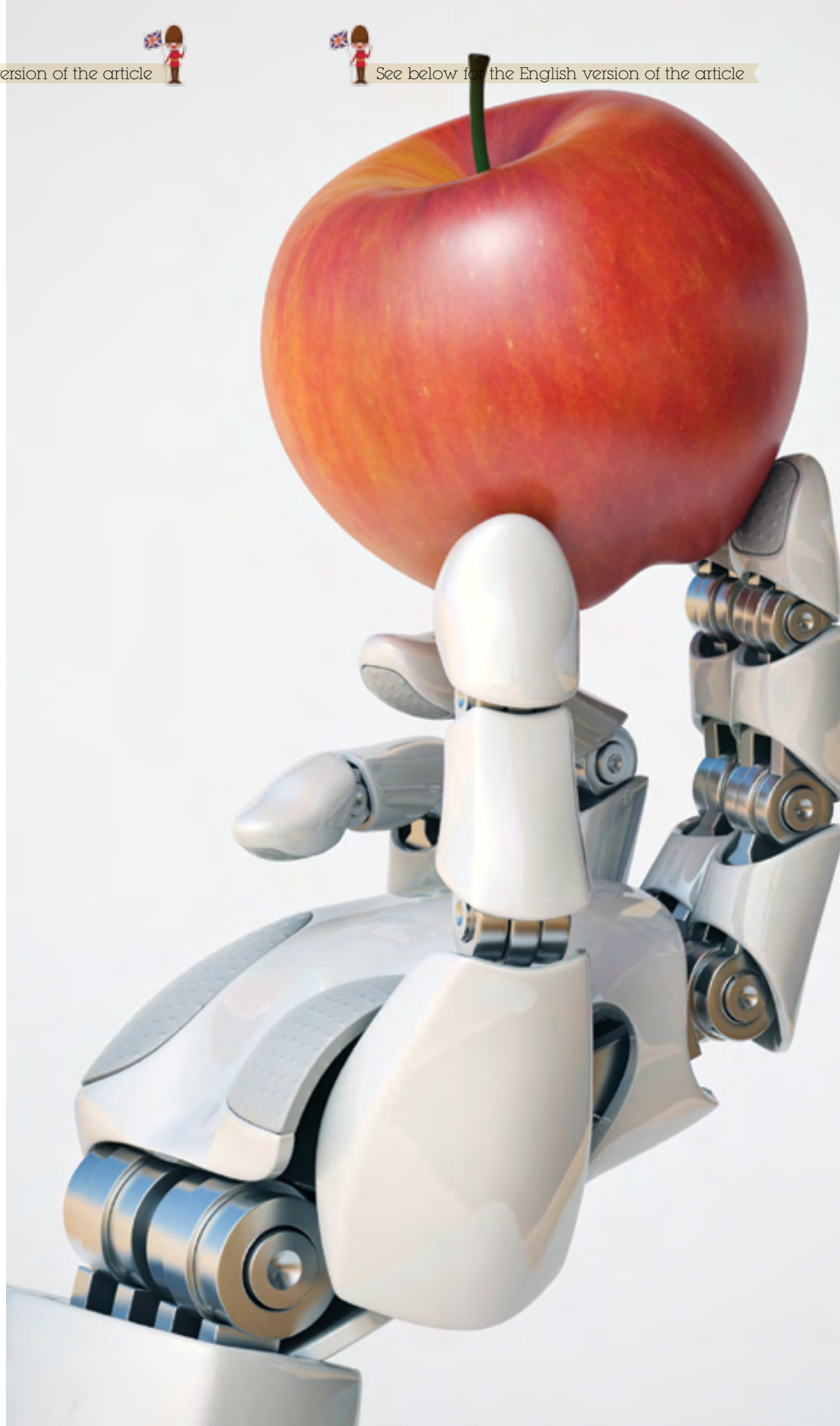
зяйственных наук им. Ленина во главе с Николаем Ивановичем Вавиловым — ВАСХНИЛ. Академия существовала до 1990 года, потом была создана Российская академия сельскохозяйственных наук, а с 2014-го никакого центра нет. В 2020 году будет 200 лет Императорскому московскому обществу сельского хозяйства. И эта дата, я думаю, должна быть знаковой для организации такого центра.

Отдельно я бы хотел остановиться на примере бразильской корпорации EMBRAPA — Empresa Brasileira de Pesquisa Agropecuária — Бразильская корпорация сельскохозяйственных исследований при Министерстве сельского хозяйства, животноводства и снабжения. В компании трудятся около 10 тысяч сотрудников, годовой бюджет — около миллиарда долларов. Занимается она как исследованиями, так и внедрением результатов в производство и освоением новых земель. Так, на землях, вовлеченных в оборот EMBRAPA, производится 50% бразильского зерна. Такую корпорацию нам надо иметь и в сельском хозяйстве, тем более что у нас есть фонд развития промышленности при Минпроме, есть Ростех для инноваций в других отраслях, необходимо создать что-то вроде Ростехнологий и в аграрном секторе. И конечно, это потребует увеличения бюджетной поддержки аграрной науки, и особенно прикладных исследований и разработок.

НАЗРЕВШИЕ ЗАКОНОПРОЕКТЫ

С нашей точки зрения, целесообразно принять закон о генетических ресурсах растений, который уже два раза вносился Министерством сельского хозяйства в правительство, но, к сожалению, не был поддержан. Он необходим для формирования правовой базы сохранения и пополнения генетических коллекций и закрепления за коллекционными участками статуса особо охраняемых земель, чтобы предотвратить риск их изъятия для других целей.

Вторая законодательная инициатива, которая стучится в двери, это нормативное закрепление статуса селекционных центров растениеводства и животноводства, поддержка которых прописана в Государственной программе развития сельского хозяйства. Необходимо, в частности, законодательно установить, что такие центры должны формировать-

ся, если они поддерживаются государством, при научных учреждениях или вузах, либо такие научные учреждения и вузы должны иметь право участвовать в их деятельности. Это создаст надежную правовую базу для распространения отечественных селекционных достижений.

Еще одна важная задача, которая сейчас стоит, касается диверсификации экспорта. Как писал еще в 1824 году один из президентов Императорского вольного экономического общества Николай Мордвинов, надо стимулировать не экспорт зерна в трюмах, а экспорт муки в бочках. Учитывая, что зерно — это ликвидный товар и имеет большой спрос на мировом рынке, трудно избавиться от его экспорта в чистом виде: надо продолжать экспортировать зерно, но увеличить удельный вес продуктов передела. Росстат опубликовал уточненные данные сельскохозяйственной переписи и пересчитал все динамические ряды в сельском хозяйстве, согласно которым сейчас у нас есть диспропорция между растениеводством и животноводством.

Если в растениеводстве мы дореформенный уровень превзошли на 30%, то в животноводстве отстали еще на 26% от уровня 1990 года. Сейчас идет работа Минсельхоза по так называемой регионализации, когда цифры по двукратному увеличению экспорта распределяются в форме государственных заданий для субъектов Российской Федерации с заключением соответствующих соглашений — это очень полезная работа. Но она упирается в то, что должно быть проведено сельскохозяйственное районирование страны, чтобы эти государственные задания не противоречили севооборотам и рациональному сочетанию растениеводческих и животноводческих отраслей.

И наконец, о Россельхозбанке. Это, конечно, ведущий институт развития, особенно в инвестиционном кредитовании в сельском хозяйстве. Но в том, что касается кредитования инновационных проектов и кредитования сельскохозяйственной науки банк руководствуется правилами бизнеса, которые не подходят для инновационных проектов. Если Россельхозбанку это специально поручить, дать необходимые задания и полномочия, я думаю, что он тоже мог бы превратиться в такую инновационную компанию, как Сельскохозяйственный рентный банк в Германии.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ АГРОПРОМА В ЦИФРАХ

Сергей Митин, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, председатель Временной

комиссии Совета Федерации по вопросам законодательного обеспечения развития технико-технологической базы агропромышленного комплекса РФ, член Правления ВЭО России, д. э. н., профессор

Хочу привести несколько цифр по эффективности. Например, если посмотреть на урожайность: в 2017 году мы собрали рекордный урожай зерновых — 135 миллионов тонн, никогда Россия в своей истории не собирала такой урожай — 29,9 центнера с гектара. Но она в разы отстает от урожайности таких же культур в европейских, и не только, странах. В частности, в Евросоюзе — это 40 центнеров с гектара в среднем, в Китае — 56, в Соединенных Штатах — 60 центнеров с гектара.

Такие же цифры можно привести и по животноводству: по таким показателям, как среднегодовой надой молока, привес — отставание в разы. Очень интересный показатель по яблокам. Урожайность яблок в наших садах — в среднем 8 тонн с гектара. В Германии — 52 тонны с гектара, в Италии — 45–50 тонн с гектара.

То же самое можно и об экспорте сказать. С одной стороны, в целом неплохая цифра, мы — экспортеры пшеницы № 1 сегодня. Но если взять общий объем экспорта, то продукция пищевой перерабатывающей промышленности составляет в общем экспорте продовольствия только 13%. То есть по пшенице мы занимаем порядка 15–19% мирового экспорта, а муки, например, меньше 2%, рыба — 9% мирового экспорта, а филе — уже меньше 2%. Я уже не говорю о консервах и других серьезно переработанных продуктах.

Если говорить научным языком, среди экспертов нет единого мнения, к какому технологическому укладу можно отнести сегодня наше современное сельское хозяйство. Можно только твердо сказать, что он ниже, чем в целом технологический уклад нашей экономики.

За последние 10 лет вложены очень большие средства, введены новые законы — закон о сельском хозяйстве, доктрина продовольственной безопасности. Есть и федеральные научно-технические, технологические программы, которые тоже требуют внедрения новых методов, новых технологий, но, к сожалению, пока с этим дело обстоит сложно.

МАЛЫЙ БИЗНЕС НЕ РАЗОВЬЕТСЯ БЕЗ БОЛЬШОГО

Сергей Бодрунов, президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Я полагаю, что очень важно не забыть о балансе создания крупных холдингов в сельском хозяйстве и малого бизнеса, потому что, если мы хотим поднять сельское хозяйство силами частного инвестора, этот инвестор должен быть мощный, он должен иметь серьезные возможности — и финансовые, и организационные, и технологические, и прочие. У нас, к сожалению, таких крупных агрохолдингов пока мало.

Да, есть специалисты, которые формируют крупные компании в сельском хозяйстве. В частности, есть агрохолдинг имени Ткачева, есть холдинг «Степь», есть другие холдинги, крупнейшие три из них владеют 2 миллионами гектар, а у первой двадцатки — 8 миллионов гектар. Но в масштабах России это не так много. Часть из них, я не буду называть сегодня, чтобы не делать рекламу или антирекламу, используют землю просто как земельные банки, на всякий случай держат эту землю под спудом. Это тоже очень важная проблема, которую стоит, наверное, рассматривать.

Я думаю, важно в этом контексте понимать место и роль малого бизнеса, потому что очень хорошо развиваться малому бизнесу, фермеру, если есть крупный молокоприемник, большой завод, крупное мукомольное производство и так далее. А если рядом ничего нет, значит, не будет развития и малого бизнеса, сколько бы мы ни давали льгот.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Геннадий Полунин, заместитель директора по научной работе Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийского

научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, доктор экономических наук

Начну с того, что сегодня в стране существует несколько моделей инновационного развития селекции семеноводства и сельскохозяйственных культур. Преобладает и развивается государственно-частное партнерство. Есть три формы: хозяйственные общества, которые сегодня уже созданы и функционируют при образовательных научных организациях, недавно появились комплексные планы научных исследований Минобрнауки и уже затем — комплексные научно-технические проекты Министерства сельского хозяйства. Что мешает реализации этой модели? Первое и основное — это слабая материально-техническая база научных организаций, участвующих в этих КПНИ, КНТП, которую экономически невыгодно развивать бизнесу, так как любые его вложения в государственные организации не становятся его собственностью, а являются своего рода подарком, обременительным в то же время для научной и образовательной организации, которой приходится за это платить. Второе, это недостаточный объем государственной поддержки исследований и разработок — об этом тоже говорилось. И третье — слабое взаимодействие между наукой, образованием, бизнесом из-за недостаточного экономического интереса бизнеса к разработкам отечественных партнеров по сравнению с западными конкурентами.

Некоторые соисполнители мероприятий федеральной научно-технической программы, которые обозначены в этой программе, — так называемые фонды поддержки научно-технической инновационной деятельности и другие институты развития слабо принимают участие в реализации этой научной программы.

И последним пунктом я бы отметил незначительное участие регионов в организации программы по селекции и семеноводству, но имеется положитель-

ный пример: Краснодарский край проводит акцию по субсидированию 70% затрат за покупку отечественных гибридов сахарной свеклы.

РОССИЙСКИЙ КАРТОФЕЛЬ

Виктор Старовойтов, заместитель директора по инновационному развитию Всероссийского научно-исследовательского института картофельного хозяйства им. А. Г. Лорха

Пользуясь случаем, я хотел бы отметить, что в 1891, 1992, 1993, 1995 годах вот здесь недалеко, на Бутырском хуторе, Вольное экономическое общество проводило исследования 200 сортов картофеля с полной выкладкой. Это очень интересные данные, потому что и сейчас меняется экология, меняется климат. Мы тоже такие исследования проводим и пользуемся теми данными.

Какие проблемы в последнее время возникли у нас в картофелеводстве? У нас только 20% наших отечественных сортов, остальные сорта — импортные. Что касается сортовых ресурсов, то на сегодняшний день где-то 50% — это импортные сорта, и нам эту проблему необходимо решить. По реализации этой подпрограммы создан межведомственный совет при Минобрнауки. Мы должны создать 12 отечественных сортов картофеля, 11 технологий, поддерживать 7 сортов картофеля в разных регионах. Одобрено создание 7 селекционно-семеноводческих центров, которые будут в первую очередь решать эту задачу в разных климатических условиях. На сегодняшний день в программах участвуют 16 научных организа-

В ЖИВОТНОВОДСТВЕ МЫ ОТСТАЕМ НА 26 ПРОЦЕНТОВ ОТ УРОВНЯ 1990 ГОДА

ВАЖНО ПОНИМАТЬ МЕСТО И РОЛЬ МАЛОГО БИЗНЕСА,

потому что очень хорошо развиваться малому бизнесу, фермеру, если есть крупный молокоприемник, большой завод, крупное мукомольное производство и так далее.

ций, 2 сорта мы уже выдали. Мы форсируем сейчас создание новых сортов, чтобы начинать их раскручивать в производстве. Семь селекционно-семеноводческих центров работают в России, база данных создана по картофелю, которая объединяет информацию по последним российским и мировым достижениям. В 2024 году будет 12 новых сортов, и мы их тиражируем. Это не просто сорта, а сорта целевого назначения. Часть сортов — для продовольствия, часть — диетические, часть — для переработки, которые требуются для производства чипсов и картофеля фри. По программе мы должны к 2025 году (не только мы, а Минсельхоз и все, кто занимается этой программой) выпустить 18 тысяч тонн элитных сортов, которые будут составлять половину всей потребности России.

МЫ ВСЕ ЗАВОЗИМ

Сергей Митин,
первый заместитель
председателя Комитета
Совета Федерации по
аграрно-продовольственной
политике и природо-
пользованию

Я разговаривал с руководством Министерства сельского хозяйства и хочу сказать, что, во-первых, 12 подпрограмм, по мнению и Гордеева Алексея Васильевича, вице-преьера, и руководства Министерства, и по нашему экспертному мнению, — это многовато. И, как Александр Васильевич сказал, по-видимому, надо будет даже эти две подпрограммы пересматривать и внести в них четкие параметры, потому что получилось так, как не должно получаться. Взяли продовольственную доктрину, 80% вроде бы как выполнили за счет зерновых. Но сегодня ни картофеля, ни свеклы, ни кукурузы, ни морковки, ни цветов даже (может, это не так актуально, но тем не менее) — ничего российского нет. Яблони, груши — то же самое. Мы все завозим. И надо ли это завозить вместе со всеми болезнями, вирусами, по цене, не понятно какой? И самое главное, как это будет все вырастать у нас, не ясно, и что это даст нашим будущим поколениям? Вот этими проблемами надо очень серьезно заняться.

НЕТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕПОЧЕК

Аркадий Злочевский,
президент Зернового
союза

Технологии — это цепочка, а не отдельно вырванное звено, которое мы пытаемся сейчас

внедрить. Если мы переходим на так называемое точное земледелие, которое сейчас востребовано крайне, мы должны сменить всю генетику посевного материала. И мы сразу начинаем смотреть на генетические показатели тех сортов, которые закупаем. Это значит, что мы должны инкрустировать эти семена. А это — определенная защита от болезней и вредителей, которые при закладке в землю сразу появляются. И тут выясняется, что у нас нет в производстве ни одного действующего вещества по этим препаратам. Мы их все вынуждены импортировать.

Когда мы смотрим дальше на цепочку и переделы, возникает целый ряд дополнительных элементов, касающихся технологий. Например, у нас практически умерло производство витаминов. А это — продукт переделов, зерновых переделов, растениеводства — огромный перечень продукции, которую мы просто перестали делать.

Что у нас с генетической модификацией? Мы ввели запрет на посевы генно-модифицированных семян, абсолютно нелогичный. Вместо того чтобы запретить ввоз, мы запретили сеять у себя, практически уничтожили рынки сбыта для научных разработок.

Звенья этой цепочки находятся в жесткой зависимости одно от другого. Поэтому мы не можем ориентировать рынок на наши отечественные разработки. Я не согласен с тем, что у бизнеса нет интереса к научным разработкам. Просто вопрос как стоит: он интересует западными технологиями, поскольку они комплексные, они отстроены по всей цепочке, а у нас есть лишь отдельные звенья в цепи. Бизнес это не устраивает, поскольку неполная цепочка не работает.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА

Михаил Губоковский,
научный руководитель
Всероссийского научно-исследовательского
института рыбного
хозяйства и океано-
графии, д. б. н.

Аквакультура начиная с 80–90-х годов развивается очень серьезными темпами и уже догнала рыболовство по вылову. А вот вылов дикой рыбы стабилизировался на цифре 93–95 миллионов тонн. Я повторю, Россия в прошлом году поймала 5 миллионов тонн, тем не менее мы пока входим в пятерку стран с развитым рыболовством. При этом наблюдается серьезная конкуренция стран по доступу к запасам диких биоресурсов, есть и попытки влезть в чужие экономические зоны.

Какие у нас перспективы по увеличению сырьевой базы дикой рыбы? Предварительная оценка, которая была сделана в последние годы, в 2009 и 2014 годах — 2 миллиарда и 20 миллиардов тонн. Данные сильно расходятся, но тем не менее вот такой прогноз был сделан, это была всемирная съемка по всему Мировому океану. Если сейчас 93–95 миллионов тонн, то если мы будем использовать сырьевую базу рыболовства, которая есть в Мировом океане, мы можем добавить к этому еще примерно 230 миллионов тонн ежегодно. Это важно не только для того, чтобы накормить мировое сообщество достаточно эффективным рыбным белком, но и для того, чтобы развивать сельское хозяйство и аквакультуру. Рыбная мука является основой большинства кормов и в сельском хозяйстве, и в аквакультуре.

Что нам нужно для этого сделать: изучить популяционную структуру видов, оценить их запасы, создать новые орудия промысла, потому что основные запасы — это мезопелагические (среднеглубоководные) рыбы, глубоководные и водные биоресурсы, кальмары и водоросли. Что для этого нужно? Во-первых, кадры. Кадры у нас есть. НИИ рыбного хозяйства после реформы — единственный, в нем

МЫ ВВЕЛИ ЗАПРЕТ

на посевы генно-модифицированных семян, абсолютно нелогичный. Вместо того чтобы запретить ввоз, мы запретили сеять у себя, практически уничтожили рынки сбыта для научных разработок.

насчитываются 5240 человек. Это в разы больше, чем во всей сельскохозяйственной науке. Во-вторых, мы заключили соглашение в прошлом году с Российской академией наук. Далее — суда. Наши суда последнего поколения в ближайшие 3–4 года нам будут строить. Уже принято решение главой государства на постройку всех судов на замену, в том числе двух крупнотоннажных судов больше 200 метров, с неограниченным районом плавания, арктического класса. Необходимо возродить промысловую разведку. Все основные запасы в советские времена были открыты нашими учеными.

РОССЕЛЬХОЗБАНК

не может быть институтом развития до тех пор, пока это банк, который подчиняется существующему банковскому законодательству.

РЫБОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРОМРАЗВЕДКА

Людмила Талабаева, член Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию

Мы на площадке Совета Федерации очень много говорили про промразведку, потому что мы науку рыбную практически уничтожили, а промразведки у нас вообще нет. На самом деле, аквакультура — это технологически несложный процесс, его можно развивать без проблем. Но у нас столько запасов дикой рыбы! Мы гордимся своей дикой рыбой, которая растет в море. Например, сегодня ученые говорят, что у нас появилась сельдь иваси, ее можно брать около 600 тысяч тонн. Кроме этого — скумбрии примерно миллион тонн. Это объекты, которые мы в Советском Союзе отработывали, мы знаем технологию, я как студентка училась на них, мы знаем, как это делать. Конечно, аквакультура и вылов как разные направления друг другу не мешают, но, мне кажется, нам нужно приоритетно развивать направление дикой рыбы, по которому сегодня и правительство дало задачу, и законы приняли на федеральном уровне, и инвестиционные квоты выделены, и строительство флота нового идет на наших российских верфях.

АГРОТЕХНОПАРК СОЗДАЕТСЯ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ НА БАЗЕ ЦЕНТРА ВИМ

АГРОБИОТЕХНОПАРК В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Яков Лобачевский, первый заместитель директора Федерального научного агроинженерного центра ВИМ, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, д. т. н.

Одна из побудительных причин для создания агропарка заключается в том, что, к сожалению, у нас отсутствуют эффективные механизмы внедрения передовых научных достижений. Другая причина — это слабая координация, слабая интеграция различных учреждений: научных, научно-исследовательских, образовательных, конструкторских, производственных предприятий, производителей сельскохозяйственной продукции. Поэтому идея создания агробиотехнопарка заключается, во-первых, в эффективной интеграции научных учреждений, промышленных партнеров, образовательных организаций, сельхозтоваропроизводителей в проведении прорывных научных исследований, в получении реального научно-технического продукта и эффективного внедрения его в производство.

Структурно агротехнопарк представляется в виде стабильного стационарного образования, которое находится в сельской местности на территории какого-то сельскохозяйственного предприятия. Мы провели переговоры с руководством Рязанской области. Дело в том, что в Рязанской области у нас сейчас существует филиал, научно-исследовательское учреждение, которое занимается селекцией, семеноводством. Мы поделились этой идеей, заручились поддержкой администрации Рязанской области. И в дальнейшем этот проект — или предпроектное предложение было доложено на заседании Совета Федерации. Мы очень признательны Сергею Герасимовичу Митину за то, что он поддержал эту инициативу. В дальнейшем она была представлена на пленарном заседании.

Какие сейчас мы видим проблемы? Первая — в том, что нет законодательной базы, правовой основы для функционирования, даже для создания вот таких образований, агробиотехнопарков. Поэтому одно из наших предложений на первом этапе — создать межведомственный комитет, который бы занялся именно организационно-правовой основой этого нового образования.

Одно из направлений, которое можно реализовать очень быстро, это пропаганда научно-технических достижений. Мы можем сделать стационарную площадку, на которой каждый год из года в год будут демонстрироваться новейшие достижения аграрной

науки, новой сельскохозяйственной техники, новых достижений в селекции и семеноводстве. Эта площадка может использоваться также и для продвижения, как говорили сегодня коллеги, комплексных плано-научных исследований и комплексных научно-технических программ. Не секрет, что сейчас эти программы и планы разрабатываются, в разработке находится их очень много, но продвигаются они довольно медленно, потому что, опять же, недостает интеграции и организационной основы.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ АГРОПРОМА

Алексей Майоров, председатель Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию

Первый тезис. Сельское хозяйство инкорпорировано в экономику страны, и важно, чтобы в той денежно-кредитной политике, той бюджетной политике, которую мы имеем, происходили изменения, которые были бы направлены на развитие сельского хозяйства. Не случайно мы сегодня экспортируем сырье, а не экспортируем готовую продукцию. Я считаю, Россельхозбанк не может быть институтом развития до тех пор, пока это банк и подчиняется тому банковскому законодательству, которое на сегодняшний день есть. Оно, наверное, правильное для обычных банков, но Россельхозбанк, банк для сельского хозяйства должен иметь особую структуру. Например, мало фермеров у нас могут воспользоваться теми продуктами, которые предлагает Россельхозбанк. Поэтому какой-то другой институт развития нам все-таки надо будет создавать.

Мы сегодня больше говорили о науке, о стратегических вопросах, но нам необходимо обратить внимание и на малый бизнес в селе, на фермерство. Так, раньше единый сельхозналог был неограничен, но затем появилась пороговая норма. Мы с Министерством финансов буквально позавчера говорили, но они пока стоят на своем: установили порог для единого сельхозналога 100 миллионов рублей. Как только ты его превышаешь, ты сразу попадаешь в платильщики НДС.

Для крупного бизнеса зачастую это, может быть, даже хорошо. Но для малого — это, конечно, очередной удар. Они будут дробить хозяйства. От них идут постоянно письма с жалобами, но Минфин как обычно стоит на своем. Будем пробивать эту стену, тем не менее весь потенциал для того, чтобы наше сельское хозяйство действительно стало одним из передовых в мире, у нас есть.

КРЕДИТЫ И КОНТРАФАКТ

Сергей Глазьев, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, вице-президент ВЭО России

То, что за последние годы мы имели в сельском

хозяйстве, по общему мнению, некоторый успех, с макроэкономических пропорций объясняется тем, что, во-первых, действовали льготные механизмы по субсидированию процентных ставок, и в раскладе отраслей с точки зрения доступности кредита сельхозпроизводители свою нишу заняли. Вопрос, будут ли эти льготы и дальше и сохранится ли субсидирование процентных ставок, остается открытым.

Также остается открытым второй макроэкономический фактор — эмбарго на ввоз продовольствия из Евросоюза. Сколько оно продлится, мы не знаем. То есть эти два фактора не могут уже дальше рассматриваться, как модно говорить, драйверами роста в сельском хозяйстве. Нужны внутренние источники кредита. Сельское хозяйство — это уже высокотехнологическая сфера, которая по техническому уровню превосходит многие отрасли обрабатывающей промышленности, которая без кредита расширяться не может, тем более с учетом сезонности сельхозпроизводства.

Не помешал бы целевой фонд. В этом смысле бразильский пример очень хороший. И, наверное, вместо того чтобы вкладывать деньги, снова раздавать стабилизационные фонды с вывозом за рубеж бюджетных доходов, лучше было бы вложиться в сельскохозяйственную науку — здесь спора нет.

Нужно также (это очень важный вопрос) снять, в конце концов, фобию по поводу генетической модификации. Мы пропускаем очередную революцию, уже практически проспали, притом что имели на старте неплохие возможности. У нас есть колоссальный уникальный семенной фонд, который позволяет создать свою Монсанто, в принципе, и поддерживать свою собственную биоинженерию.

Еще я бы хотел обратить внимание на тему, которую мы не рассматривали, но она напрямую касается поднятых вопросов — это то, чем я занимаюсь, — контроль качества продукции, особенно импортной. То, что мы импортируем огромное количество опасной, негодной продукции, — явная недоработка и Евразийской экономической комиссии, и нашей системы сертификации. Пока мы не реорганизуем полностью всю систему контроля за качеством продукции во главе с Росаккредитацией и не передадим этот функционал на уровень Евразийской комиссии, у нас успехов не будет. Даже если мы наведем порядок в России, то отсутствие таможенной границы с Казахстаном, Киргизией и так далее будет иметь точно такой же негативный результат.

РЫБОВОДЧЕСКАЯ

наука в России фактически не используется для разведки новых запасов морепродуктов, так как запрещена промразведка.

INNOVATION IN AGRICULTURE

How do we get off the grain needle?

The largest agricultural experts, scientists and politicians are ready to take on the innovative development of agriculture, more precisely, to create conditions that can jump start such development. The Federation Council established a Temporary Commission on legislative support for the development of a technical and technological base for the agro-industrial complex of the Russian Federation, which has since been dealing with this topic. The Free Economic Society has also actively joined the discussion, with sharp debates taking place in its different venues. In particular, Sergei Mitin, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Agrarian Food Policy and Environmental Management, presented a report by the Director of the A.A. Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics, Academician of the Russian Academy of Sciences Alexander Petrikov.

Alexander Petrikov,
Director of the A.A.Nikonov All-Russian Institute
of Agrarian Problems and Informatics,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economics, Professor, Member of the
Presidium of the VEO of Russia

R

SCARCITY OF INNOVATION

The theme of innovative development of industry has always been relevant, but it's especially relevant under the current circumstances. Let me demonstrate this.

In agriculture, a smaller share of enterprises is engaged in innovation activity than in other sectors of the economy: 7.5% in the economy as a whole, 9.6% in industry, about 3.9% in crop production, and even less, about 3%, in the cultivation of annual crops and livestock farming.

As the All-Russian Agricultural Census has shown, innovation mainly comes from large enterprises and to a lesser extent from small enterprises and very few individual farms. This pattern has been continually repeating itself.

Attempts to reverse the upward trend in the volume of foreign achievements in selective breeding on the domestic market have failed. After the reorganization of the Russian Academy of Agricultural Sciences, which was previously responsible for that highly important area, the number of applications filed by Russian breeders to the state registry of selective breeding achievements in 2014-2017 increased by 30% compared with the previous three-year period of 2010-13, but their share in the state registry decreased by 6 percentage points. And if we look at the state register of selective breeding achievements cleared for practical use, we'll see the same trend. The number of applications increased by 15% while their share in that state register decreased by 2 percentage points, and this in an area especially patronized by the state.

At the same time, agricultural research institutions have accumulated a large amount of completed scientific work which is hard to commercialize.

According to the 2006-14 data, 14,000 results — selective breeding achievements, inventions, utility models, techniques, technologies — were obtained by the institutes under the Russian Agricultural Academy, but patents were received only in respect of 4,800 of them, or 37 %, and exploitation licenses granted in respect of 6%.

In general, the competitiveness of domestic agricultural technologies is inferior to that of the foreign ones. Russia remains their net importer, and the level of imports is very high — much higher than the balance of foreign trade in agriculture. From 2005 to 2017, i.e. since the launch of the national project, we secured \$318 million worth of license agreements according to Rosstat. At the same time, only \$36 million worth of licenses, i.e. 9 times less, were sold abroad, mainly to the former Soviet republics.

So, we can say that the competitiveness of domestic agricultural technologies is inferior to foreign.

A system of precision farming and remote monitoring of the quality of technological work is currently being implemented by approximately

15%
of large enterprises, mainly agricultural firms and agricultural holdings; this is also true for
4.3%
of small enterprises, and
0.8%
of farmers.

THREE REASONS FOR LAGGING BEHIND

I would point out three reasons for such an unfortunate situation.

The first reason is that we have no institution for putting research results into practice.

Previously, that was the responsibility of state unitary enterprises, experimental farms of the Russian Agricultural Academy, but they turned out to be unattractive for private investment and were not properly funded by the academy itself, so starting as early as in 2004-2005 the profitability of production and the revenue per employee in agro-industrial holdings became lower than in agriculture as a whole. Despite the fact that the new development institutions — Rosnano, Skolkovo, the Russian Venture Company — have agricultural units, they are very small and are mainly engaged in insignificant digital technologies. Small innovation enterprises attached to universities and research centers also solve only fragmentary problems. Links holding together the full scientific and technological cycle — from fundamental R&D to mass production — have just begun to take shape. In particular, this process is aided by the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Agriculture until 2025, which has been implemented since 2017 but has extended only to two sub-sectors: breeding of potatoes and sugar beets; the preparation of another 12 subprograms will not be completed until the end of 2019.

The second reason.

The country lacks a single center for coordination, forecasting, and expertise in scientific and technological developments in the field of agriculture. It seems that the Department of Agricultural Sciences of the Russian Academy of Sciences should perform those functions but its status is very low. At present, 8 programs and funds deal with agricultural research and practical implementation, but they lack proper coordination among themselves.

And the third reason, which should be mentioned, is that agricultural science is underfunded.

The share of agriculture in the total domestic expenditures on research and development, as well as the ratio of domestic expenditures on research and development in agriculture to the gross added value created in agriculture, has been continually decreasing.

At the same time, the latter indicator — the ratio of gross added value to value added in agriculture — is 2 times lower than that of the economy as a whole. The ratio is 0.55% for agriculture and 1.1% for the economy as a whole. In developed countries, this figure may reach 4%.

The research and development activity in agriculture is concentrated mainly in the government sector, with applied research being especially underfunded. Notably, during the reform of the state academies, the share of fundamental R&D was 42%, and since 2014 it has grown to 57-58%. The government has been investing heavily in fundamental science, which cannot be commercialized.

If we look at the share of the government sector in domestic spending on research and development, we will see that business is reluctant to finance applied research, development, and fundamental agricultural science. The government's share in domestic current expenditures on research and development is 83% in agriculture, and 34% in all sectors, in all areas of science; all in all, agricultural science is entirely supported by the state. At the same time, we know that in other countries there are many sources of financing, and the share of private business in such financing is very high. It is necessary for Russia to transition to such a model.

CORRECT FOREIGN RECIPES

(AND NOT ONLY FOREIGN)

It is surprising that we do not pay attention to the global experience in agricultural innovation. Innovation in agriculture in foreign countries is supported by the following organizations: Agency for Research, Results Management and Consulting under the Department of Agriculture, Agricultural Research Service, Knowledge and Experience Dissemination Service in the US; State Corporation EMBRAPA and various associations of agricultural research centers in Brazil; Information Service for the Dissemination of Knowledge in Agriculture, German Agricultural Society and large private entities, including banks such as the Agricultural Rent Bank, in Germany. Russia has no such centralized agencies, either government-run or public.

Let me remind you that the Free Economic Society created in 1765 for the scientific support of the

agricultural industry and rural housing construction, among other things. In 1820, in order to help it, Alexander I created the Imperial Moscow Agricultural Society, which, notably, was liquidated only in 1929, or rather converted into the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, or VASKHNIL, headed by Nikolai Ivanovich Vavilov. The Academy existed until 1990, then the Russian Academy of Agricultural Sciences was established, and since 2014 there has been no central agency. In 2020, we will mark the 200th anniversary of the Imperial Moscow Agricultural Society. That date, I think, should be pivotal for the establishment of such a central agency.

On a separate note, I would like to dwell on the example of the Brazilian corporation EMBRAPA (Empresa Brasileira de Pesquisa Agropecuaria), the Brazilian Corporation for Agricultural Research under the Ministry of Agriculture, Livestock and Supply. The company has nearly 10 thousand employees, the annual budget is about a billion dollars. It is engaged in both research and practical implementation of the results in production and the development of new lands. Thus, 50% of Brazilian grain is produced on the EMBRAPA's lands. We need to have such a corporation in agriculture, especially since we have a fund for the development of industry under the Ministry of Industry, we have Rostekh for innovations in other sectors; we need to create something akin to Rostekhnologii (Russian Technologies) in the agricultural sector. And of course, it will require an increase in budget spending on agricultural science and, especially, on applied research and development.

LONG-OVERDUE LEGISLATION

We believe it would be advisable to adopt a law on genetic plant resources which has already been twice submitted to the government by the Ministry of Agriculture but, unfortunately, was not supported. Such law is necessary for the formation of a legal framework for the conservation and replenishment of genetic collections, and for securing the status of specially protected lands for collection plots to counter the risk of their acquisition for other purposes.

The second legislative initiative, which is literally knocking at the door, is the legal affirmation of the status of plant and animal breeding centers which are

supposed to receive support under the State Program for the Development of Agriculture. In particular, it should be legally acknowledged that such centers are to be created, with the support from the government, at scientific research institutes or universities. Or, alternatively, such research institutes and universities should have the right to participate in their activities. This will create a reliable legal basis for the dissemination of domestic selective breeding achievements.

Another important challenge is export diversification. As Nikolai Mordvinov, one of the presidents of the Imperial Free Economic Society, wrote in 1824, it is not the export of grain in ship's holds that should be encouraged, but the export of flour in barrels. Considering that grain is a liquid commodity and is in high demand at the global marketplace, it is difficult to abolish its export in its pure form: grain exports should continue, but the share of processed products should be increased. Rosstat published the updated agricultural census data and re-calculated all the statistical series in agriculture, according to which we now have a disproportion between crop production and animal husbandry.

If in crop production we've exceeded the pre-reform level by 30%, in livestock breeding we are 26% behind the 1990 levels. Currently the Ministry of Agriculture is working on the so-called regionalization whereby the targets for a twofold increase in exports are set before the Russian Federation entities in the form of government assignments under the corresponding agreements — it's a very important work. But this work requires that the country be divided into agricultural zones to make sure that the government assignments are not contrary to crop rotation or the proper balance between crop production and livestock industries.

And, finally, about the Agricultural Bank. Of course, it is a major development institution, especially in terms of investment lending in agriculture. But as regards lending to innovative projects and lending to agricultural research, the bank is guided by the business rules that are not suitable for innovative projects. If Rosselkhozbank is specifically instructed and given the necessary assignments and powers, it might also turn into an innovative company, such as the Agricultural Rent Bank in Germany.

RUSSIA HAS NO AGENCY WHICH WOULD SUPPORT

innovation in agriculture either government-run or public, as in money foreign countries

AGRICULTURAL INDUSTRY EFFICIENCY IN NUMBERS

Sergey Mitin,
First Deputy Chairman of
the Federation Council
Committee on Agrarian
and Food Policy and
Environmental
Management, Chairman of
the Federation Council

Provisional Commission on legislative support for the development of the technological base for the agro-industrial complex of the Russian Federation, member of the Board of the VEO of Russia, Doctor of Economics, Professor

I want to cite a few numbers which have to do with the efficiency. For example, look at the crop yield: we collected a record grain crop in 2017, 135 million tons. Never in its history has Russia collected such a crop, 29.9 centners per hectare. But it is several times lower than the productivity of the same crops in European and other countries. In particular, 40 centners per hectare in the European Union on the average, 56 in China, and 60 in the United States.

Similar figures can be given for livestock: Russia significantly lags behind by such indicators as the average annual milk yield and the weight gain. A very interesting indicator has to do with apples. The average yield of apples in our orchards is 8 tons per hectare. In Germany it's 52 tons per hectare, and in Italy 45-50 tons per hectare.

The same is true for exports. On the one hand, we are currently number one in wheat exports. But if we consider the total export volume, food processing industry products make up only 13% of the total food exports. That is, our wheat accounts for approximately 15-19% of global exports, while, for example, flour accounts for less than 2%, fish for 9%, and fillets for less than 2% of global exports. Let alone canned food and other heavily processed products.

Speaking in scientific terms, there is no consensus among experts on the technological mode to which our agriculture can be currently attributed. We can only be sure that it is inferior to the overall technological mode of our economy.

Over the past 10 years, lots of funds have been invested and new laws have been introduced, such as the law on agriculture and the food security doctrine. There are federal scientific, technical and technological programs that require implementation of new methods and new technologies, but, unfortunately, it is still difficult to accomplish.

SMALL BUSINESSES CANNOT DEVELOP WITHOUT BIG ONES

Sergey Bodrunov,
President of the VEO of
Russia, President of the
International Union of
Economists, Director of the
S.Yu. Witte Institute of New
Industrial Development,
Doctor of Economics,
Professor

I believe it is very important not to forget about the balance of creating large holdings in agriculture and small businesses because if we want to boost agriculture with the help of the private investor, such investor should be powerful enough and have some serious opportunities — financial, organizational, technological, and others. Unfortunately, such powerful agricultural holdings are still few and far between.

Yes, there are specialists who create large companies in agriculture. In particular, there is the Tkachev agricultural holding, there is the Steppe holding, there are other holdings, the top three of them owning 2 million hectares of land and the top twenty owning 8 million hectares. But it's not much on the Russian scale. Some of them (I will not provide names today to avoid advertising or anti-advertising) act as land banks, holding their lands just in case. It is also a very important problem which is probably worth resolving.

I think it is very important in this context to understand the place and the role of small businesses. It is easy for small businesses and farmers to develop if there is a large milk reception center, a large food processing plant or a large flour mill nearby. And if there is nothing, then there will be no development of small businesses, no matter how many privileges they are granted.

75
лет

БРЕТТОН-ВУДСУ

Сохранится ли власть
действующих глобальных институтов?

ТРИ ПОЛЮСА СИЛЫ

75 лет назад, 1 июля 1944 года, в местечке Бреттон-Вудс (Нью-Гемпшир, США) началась Валютно-финансовая конференция Объединенных Наций. На ней присутствовали 730 делегатов из 44 государств. В заходульном отеле они провели 21 день. Участники конференции решали на исходе Второй мировой войны, как будет работать финансовая система после победы над гитлеровской Германией. По итогам конференции страны приняли ряд решений, которые легли в основу сегодняшнего финансового миропорядка. В частности, было решено создать Всемирный банк и Международный валютный фонд, а также ориентироваться во взаиморасчетах на доллар, который был на тот момент обеспечен золотом.

Делегацию Великобритании возглавлял британский экономист, лорд Джон Мейнард Кейнс, делегацию США — начальник отдела валютных исследований Министерства финансов США Гарри Декстер Уайт, а СССР представлял заместитель министра внешней торговли Михаил Степанов. Мы указали только трех участников конференции, представителей стран-победителей, потому что именно на этом поле ожидалось столкновение интересов. США хотели отжать фунт стерлингов из международных расчетов и ожидали сопротивление Британии, а к какому лагерю примкнет Советский Союз, было неизвестно.

ВЫЗОВЫ, НА КОТОРЫЕ ПРЕДСТОИТ ОТВЕЧАТЬ (ПО МНЕНИЮ МВФ)

1 Сдвиг в структуре глобальной экономики и политической силы. В 2000 году развитые экономики создавали 57% валового мирового продукта по паритету покупательной способности, к 2024-му, по прогнозам МВФ, эта доля снизится до 37%. Китай же вырастет до 21 с 7%, а остальные азиатские страны дадут 39%, тогда как США и ЕС — 14 и 15%.

2 Рост соперничества великих держав — ухудшение отношений между западными странами и Китаем. США назвали Китай стратегическим конкурентом, а ЕС — экономическим конкурентом в достижении технологического лидерства. Сотрудничество больше не будет простым.

3 Разворот к популистской политике в ряде развитых стран. Одной из главных черт популизма является подозрительное отношение к технократической экспертизе, имеются в виду центральные банки, финансовые министерства и международные институты, в первую очередь МВФ.

4 Замедление глобализации, особенно заметное в финансовой сфере, но также и в торговле.

5 Технологический прогресс стал движущей силой экономического роста, и это несет новые уязвимые места и потрясения, в частности, в области безопасности и на рынках труда.

6 Рост финансовой неустойчивости в последние десятилетия. Уровень долга к ВВП вырос, долг перешел из частного в государственный сектор и из развитых в развивающиеся экономики.

7 Феномен секулярной стагнации, обозначенный экономистом Лоуренсом Саммерсом из Гарварда и состоящий в низком спросе, выражающемся в комбинации низкой инфляции, низкой или сверхнизкой ставке, похоже, является структурным явлением и продолжит развиваться. Возможности решения этой проблемы крайне ограничены.

8 Растущая роль климатической повестки. Это будет иметь важное влияние на стратегии развития и макроэкономическую политику во всех странах, но особенно в более бедных и уязвимых.

СССР И США — БРАТЯ ПО ВАЛЮТЕ

Как это ни удивительно, на конференции СССР активно поддержал привязку взаиморасчетов к доллару и прочие инициативы. Как следует из относительно новой порции рассекреченных архивов США, которые были опубликованы в книге историка Бенна Стейла «Битва при Бреттон-Вудсе: Джон Мейнард Кейнс, Гарри Декстер Уайт и формирование нового мирового порядка», глава американской делегации — замминистра финансов США и идеолог этой системы Декстер Уайт — работал на СССР, по разным данным, с 30-х годов прошлого века. Уайт был активным сторонником социалистических идей и мечтал сделать СССР вечным союзником США. По его задумке, новая система должна была сблизить США и Советы, оставив на обочине истории Британскую империю.

Стейл в своей книге уверяет, что Уайт задумал этот международный форум еще в 1936 году. Его мечта была сделать доллар универсальной валютой, вытеснив конкурента — фунт стерлингов. Британцы на вариант США не очень-то соглашались и, по словам американского историка, Уайт путем хитрости и убеждений все-таки заставил их подписать в 1944 году этот документ, который был на 95% американской версией. Подписал учредительные документы и СССР. Но в декабре 1945 года Советский Союз отказался ратифицировать ранее подписанные им Бреттон-Вудские соглашения в части создания МВФ и МБРР, а с 1947 года активно выступил против «плана Маршалла» (восстановления экономики и финансов Европы). Дело тут в резком повороте в международной политике, который произошел уже при Гарри Трумэне (он стал президентом в 1945 году). Британия вновь стала ближайшим союзником, а СССР — непримиримым оппонентом.

ПРИНЦИПЫ БРЕТТОН-ВУДСА

Принципы функционирования Бреттон-Вудской валютной системы и сводились к таким основным положениям:

В новой системе сохранилась роль золота как общего эквивалента, платежного средства и расчетной единицы в международном обороте. Однако фактически это положение валютного соглашения не выполнялось. Среди валют стран, которые входили в МВФ, лишь доллар США сохранял внешнюю

НОВЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ДИРЕКТОР МВФ

ЕС назначил болгарского экономиста, бывшего главного исполнительного директора Всемирного банка Кристалину Георгиеву на пост главы МВФ вместо Кристины Лагард, перешедшую на пост главы Европейского центрального банка. Процесс подбора был, как отмечают обозреватели, очень напряженным, прошло несколько раундов голосования. Ближайшим конкурентом Георгиевой был Йерун Дейсселблум, бывший министр финансов Нидерландов. Великобритания и США во время дебатов отстаивали точку зрения о том, что главой МВФ не должен быть европеец, как это всегда было, англичане в последний момент выдвинули собственного кандидата Марка Карни, но его отклонили из-за наличия трех гражданств — канадского, британского и ирландского.

конвертируемость (для центральных банков других государств) в золото. В этом было его коренное отличие от всех других валют, которые такой конвертируемости не имели. Благодаря тому, что паритеты почти всех валют были зафиксированы в МВФ в долларах США, их связь с монетарным товаром осуществлялась через систему «золото — доллар — национальные валюты». В этом объединении доллар выступал как знак золота и разновидность мировых денег.

Одним из требований Бреттон-Вудской валютной системы было соблюдение принципа фиксированных валютных курсов, которое имело существенное значение для развития внешней торговли. Официальные курсы валют устанавливались через определение их золотого содержания (масштаба цен) и соответственно этому твердо фиксировались относительно доллара. Они не могли отвергаться более чем на 1% в обе стороны без соответствующего согласия МВФ.

Доллар, функционируя в режиме золотого стандарта, приравнивался на основе фиксации рыночной цены на золото: содержание доллара = 0,888 г золота; цена одной унции (31,1 г) золота — 35 долларов.

Важной нормой Бреттон-Вудской системы был запрет свободной (частной) купли-продажи золота. Эти операции могли осуществляться лишь на уровне центральных банков на основе фиксированной цены — 35 долларов за одну унцию. Эта норма была направлена на обеспечение соответствующей стабилизации валютной системы.

СМЕНА СИСТЕМЫ

Бреттон-Вудская система до 1970-х годов была весьма работоспособной. С другой стороны, она де-факто постепенно подготовила будущее господство необеспеченного доллара. Когда в 1971 году из-за резкого роста инфляции Ричард Никсон объявил о прекращении обмена долларов на золото для иностранных правительств, Бреттон-Вудская система в своей первоначальной задумке прекратила существование, хотя по инерции еще официально действовала до конца 70-х.

По итогам Ямайской конференции 1976 года доллар остался основной единицей мировых взаиморасчетов. Но взамен «золотому стандарту» была предложена система, где курсы валют устанавливаются рынком. Кроме того, была предложена система СПЗ (специальных прав заимствования), с которой работают МВФ и Всемирный банк. Она рассчитывается на основе курсов мировых валют — доллара США, евро, фунта, японской иены, швейцарского франка и с недавних пор китайского юаня. При этом удельный вес доллара в этой корзине по-прежнему самый большой. Доллар США в корзине специальных заимствований занимает 41,73%, евро — 30,93%, китайский юань — 10,92%.

Главным практическим значением новой системы стал переход от фиксированных валютных курсов, в основе которых лежало золотое содержание валют, к плавающим. Рынок золота из основного денежного рынка превратился в разновидность товарного рынка.

ИНСТИТУТЫ БРЕТТОН-ВУДСА

Такие учреждения Бреттон-Вудской системы, как Международный валютный фонд и МБРР, сохранили и в новой системе свое значение. МВФ кредитовал и кредитует страны в случае проблем с платежными балансами. Задача фонда — предотвратить валютные кризисы, ситуацию, когда страна становится неплатежеспособной, избавиться от резких изменений валютных курсов. Примерами наиболее эффективной работы МВФ стало кредитование Южной Кореи, после которого она вышла в лидеры по экономическому росту. Позитивные результаты работы в Турции, Мексике. Неудачами можно считать работу фонда в Аргентине, Греции. Большие претензии к работе фонда есть и у экономистов из стран бывшей Югославии, которые упрекают фонд в политике последовательной деиндустриализации региона. Такие же претензии высказывают и многие другие страны Восточной Европы, входившие когда-то в состав республик СССР или его сателлитов.

России тоже были предоставлены огромные кредиты МВФ. МБРР предоставляет кредиты на финансирование крупных проектов либо структурных реформ целых отраслей, как правило, под гарантии правительства. Россия получала займы для реструктуризации угольной промышленности, реформы лесной отрасли, судебной системы. Но они не помогли предотвратить девальвацию и кризис 1998 года. В конце 1990-х — начале 2000-х годов стало очевидно, что РФ больше не требуются заемные средства, последние обязательства перед институтами были погашены в 2005 году.

Очевидно, что по истечении 75 лет мировой финансовый миропорядок устарел и требует альтернативы, хотя и продержится еще какое-то время. Рынок сейчас активно ищет новые формы миропорядка. Это больше не мир Америки, но при этом еще не чей-либо еще. Ростками новой альтернативы очевидно можно назвать создание банков БРИКС и Азиатского банка развития. Хотя и роль институтов Бреттон-Вудской системы в современном мире далеко не исчерпана.

Автор: Алексей Савин

КАК ДОЛЖЕН ИЗМЕНИТЬСЯ МВФ?

Масштабная внутренняя задача состоит в реагировании на интеллектуальные вызовы нестабильной мировой экономики. Особенно существенной является необходимость пересмотра денежно-кредитной, налоговой и структурной политики как в глобальном масштабе, так и внутри влиятельных стран, на фоне сверхнизких процентных ставок, низкой инфляции, тяжелого долгового бремени и дряхлеющей стагнации.

Как действовать политикам, когда наступит очередной спад? Как, если это вообще возможно, управлять массовой реструктуризацией частного или суверенного долга? Есть ли смысл в неортодоксальных перспективных подходах, таких как «современная монетарная теория»? Фонду необходимо углубиться в эти проблемы, если он хочет подготовиться к будущим переменам. Но ему также нужно не упускать из вида и другие проблемные области. Политическая экономия протекционизма — один из примеров. Воздействие искусственного интеллекта — другой.

Прежде всего, МВФ должен оставаться актуальным для всех его членов. Этого можно реально добиться лишь путем обеспечения наивысшего интеллектуального качества и надежности, особенно в области наблюдения. Это может время от времени вызывать раздражение со стороны субъектов решений Фонда. Однако это необходимо для поддержания репутации и влияния МВФ среди его членов.

В данном случае вопрос заключается в том, нужен ли Фонду более опытный персонал с точки зрения политики перемены: выступать за прекращение субсидий, конечно, правильно, но как это будет воспринято? Другой вопрос заключается в том, нужно ли расширять штат сотрудников, постоянно проживающих в странах, обладающих членством в Фонде. Подробное рассмотрение методов работы МВФ было бы полезным во всех отношениях.

Однако наиболее важными для МВФ являются задачи, порожденные глобальными изменениями. Три из них стоить выделить особо.

Фрагмент из статьи «МВФ сегодня и завтра» в журнале МВФ «Финансы и развитие»

Автор — Мартин Вулф, редактор и главный экономический комментатор Financial Times

Во-первых, количество голосующих акций должно соответствовать экономической важности каждого из членов. Страны ЕС (включая Великобританию) в настоящее время имеют 29,6% голосов; Соединенные Штаты — 16,5%; Япония — 6,2%; Канада — 2,2%. У Китая же всего 6,1%, а у Индии 2,6%. Эти цифры совершенно не соответствуют относительному весу этих стран.

Действительно, страны с развитой экономикой по-прежнему доминируют в мировых финансах и эмитируют все значительные резервные валюты. Но это, по-видимому, не продлится долго. Чтобы такие учреждения, как МВФ, оставались глобально значимыми, голосующие акции должны быть перераспределены, особенно по Азии, как убедительно показал Эдвин Трумэн (2018) из Института мировой экономики Петерсона. В противном случае Китай, несомненно, создаст собственную версию МВФ, как он уже создал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития.

Во-вторых, финансовая мощь МВФ должна быть существенно увеличена, особенно в мире относительно свободных потоков капитала. Его кредитная способность в настоящее время составляет всего 1 триллион долларов. Сравните это с размером глобальных валютных резервов — 11,4 трлн долларов. Данное несоответствие демонстрирует неадекватность ресурсов МВФ и очевидную затратность получения к ним доступа. Конечно, существует моральный риск, связанный с расширением системы безопасности. Но моральный риск не исключает возможностей страхования. То же относится и к Фонду.

Наконец, если уж институт призван стать по-настоящему глобальным, его главную задачу нельзя навсегда отдавать на откуп европейцу, каким бы замечательным этот европеец ни был. Глобальным институтам требуются наилучшие глобальные лидеры. Подбор этих лидеров должен осуществляться не путем закулисных интриг, а открыто и прозрачно, причем кандидаты должны представлять свои программы в области будущего развития института.

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839 гг.) приехал в Тобольск, находясь на пути в Иркутск, место резиденции Сибирского генерал-губернатора. По поручению Императора Сперанский должен был провести ревизию Сибири. Назначение генерал-губернатором было совершенно неожиданным, ведь с 1812 года Сперанский пребывал в опале за свою склонность к решительным реформам. Однако Александр I, «властитель слабый и лукавый», решил, что с Сибирью никто, кроме Сперанского, не разберется. И не ошибся.

23

ИЮЛЯ

1819 ГОДА

200 ЛЕТ НАЗАД

Прибыв в Иркутск и ознакомившись с ситуацией, Сперанский записал свою знаменитую фразу: «Если в Тобольске я отдал всех под суд, то здесь оставалось бы всех повесить».

Им были отстранены от всех должностей его предшественник сибирский генерал-губернатор, отец будущего лидера декабристов, И. Б. Пестель, два губернатора — томский и иркутский, 48 чиновников предстали перед судом, 681 человек оказались замешанными в противозаконных действиях, в том числе 174 чиновника и 256 «инородческих начальников». Сумма взысканий с них составила до трех миллионов рублей.

Перемены в экономике края были очень значительными. В ноябре 1819 года Сперанским были изданы «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли», согласно которым были запрещены все виды ограничений на торговые сделки, отменялась так называемая запретная система и все виды монополий. Введение свободной торговли, по мысли Сперанского, поклонника Адама Смита, должно было способствовать развитию производства товарного зерна и хлеба, в которых Сибирь испытывала острый недостаток даже в те годы, когда урожаи были особенно высокими. И действительно, в 1820 году в Сибири значительно улучшилось снабжение населения хлебом. Уже находясь в Петербурге, благодаря созданному им Сибирскому комитету, ограничившему власть генерал-губернаторов, Сперанский провел административную реформу, в результате которой Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства, причем единой власти генерал-губернаторов и уездных начальников противостояли не только учреждения Петербурга, но и впервые созданные в России коллегиальные органы местной законодательной власти — советы — и в каждом из двух генерал-губернаторств, и во всех округах и уездах.

Это был далеко не первый подход Сперанского к экономическим реформам. Сперанский связывал будущее экономического развития с развитием коммерции, преобразованием финансовой системы и денежного обращения. В первые месяцы 1810 года состоялось обсуждение проблемы регулирования государственных финансов. Сперанский составил «План финансов», который лег в основу царского манифеста от 2 февраля 1810 года. Основная цель этого документа заключалась в ликвидации бюджетного дефицита. Согласно его содержанию прекращался выпуск бумажных денег, сокращался объем финансовых средств, финансовая деятельность министров ставилась под контроль. С целью пополнения государственной казны подушная подать с 1 рубля была повышена до 3, также вводился новый, небывалый прежде налог — «подходящий прогрессивный». Меры эти дали положи-

тельный результат и, как отмечал в дальнейшем сам Сперанский, «переменив систему финансов... мы спасли государство от банкротства». Дефицит бюджета сократился, а доходы казны возросли за два года на 175 миллионов рублей.

В экономической программе Сперанского, представленной им в 1810 году Александру I, были и такие меры: сокращение расходов всех государственных ведомств; установление жесткого контроля над расходованием государственных средств; введение новой налоговой системы и преобразования во внутренней экономике и торговле.

БЛАГОДАРИ СПЕРАНСКОМУ УДАЛОСЬ ДОБИТЬСЯ:

- ▶ роста экономики страны, а также роста экономической привлекательности Российской империи в глазах иностранных инвесторов, что позволило создать более мощную внешнюю торговлю;
- ▶ модернизации системы государственного управления — армия чиновников стала функционировать более эффективно за меньшее количество государственных средств;
- ▶ создания мощной инфраструктуры в экономике страны, которая позволила ей быстрее развиваться и эффективнее саморегулироваться.

Главный памятник Сперанскому — «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах — документ, содержащий все акты, выпущенные с момента царствования Алексея Михайловича. Памятником этот труд стал и в буквальном смысле. 19 января 1833 года на специальном заседании Государственного совета Сперанский представляет Николаю I свой труд. В конце торжественной церемонии император снял с себя Андреевскую звезду и надел ее на Сперанского. Эту сцену, отлитую в барельефе, и сегодня можно увидеть на пьедестале памятника Николаю I перед Исаакиевским собором.

29 августа 1619 года

400 ЛЕТ НАЗАД

Родился Жан-Батист Кольбер — французский государственный деятель, фактический глава правительства Людовика XIV после 1665 года. Главная должность — министр финансов. Сторонник политики меркантилизма, причем такой яркий и облеченный реальной властью воплощать свои идеи, что это течение часто называют кольбертизмом. Меркантилисты, начиная с XVI века, обосновывали необходимость активного вмешательства государства в хозяйственную деятельность, в основном в форме протекционизма — установления высоких импортных пошлин, выдачи субсидий национальным производителям и так далее. Понятие ввел в научный оборот Антуан де Монкретьен наряду с термином «политическая экономия» в 1615 году. Кольбер был сторонником системы покровительства и контроля за промышленностью и торговлей со стороны государства. Главной целью его были увеличение экспорта, уменьшение импорта, и в результате этого — увеличение притока денег в страну. Все виды промышленности были

организованы в строгие корпорации, в которых порядок изготовления товаров устанавливался строгими регламентами и жестоки-ми взысканиями слушникам. При этом новые отрасли фабричного труда часто оказывались убыточными и вели за собой банкротства. Эдикт 1673 года назначал для злостных банкротов смертную казнь.

Преуспевала морская торговля француз-ов, до Кольбера совершенно незначитель-ная. Иностранцы суда при входе и выходе из французских гаваней облагались пошли-ной. Эти меры особенно подняли торговлю Марселя с Левантом, вывоз из Франции перестал быть монополией голландцев,

КОЛЬБЕР,

плебей, сын купца из Реймса, всю свою карьеру при дворе находился в жестком кон-фликте с фран-цузской аристократией.

у англичан было отнято нераз-дельное владение португальской торговлей, и французский торго-вый флот стал третьим в мире.

Кольбер покровительствовал различным торгово-морским компаниям. Основанная в 1664 году с капиталом 6 мил-лионов ливров Вест-Индская компания приобрела монополь-ное право на торговлю с Новой Францией. Основана была и Ост-

Индская компания, почти насильственно заставляли к ней присоединяться судебные палаты и городские магистраты, а прави-тельство дало ей беспроцентную ссуду три

миллиона и ряд привилегий. Придя в 1661 году на должность интенданта финансов, начал проверку своего началь-ника, главного интенданта Фуке. Мы пом-ним из книжек Дюма, чем это закончилось: Фуке был арестован д'Артаньяном в Нанте.

Отличаясь упрямостью и крайней жесто-костью, Кольбер прежде всего обратил вни-мание на злоупотребления в финансовых делах. Особая судебная палата занималась расследованием и поступала с виновными без малейшего снисхождения. Откупщики налогов, фискальные чиновники обла-гались громадными штрафами; не столь высо-копоставленные преступники приговарива-лись к смерти. Некоторые займы короны, под предлогом того, что король при заклю-чении их был обманут, просто перестали погашаться. В то же время насильственно брались обратно государственные земли, иногда веками раньше проданные или раз-даренные, — по покупной их цене, без вни-мания к изменившейся ценности денег.

Регламентация и тирания правительства во всех мелочах жизни сильно ожесточили и население против Кольбера. Когда в 1683 года гроб Кольбера торжественно несли по улицам Парижа, народ напал на похоронное шествие, и военной охране пришлось защищать тело министра от поругания.

Сдан в эксплуатацию ато-моход «Ленин». Это было первое в истории надводное судно с атом-ной энергоустановкой, первое в мире атомное судно гражданского назначения и самый мощ-ный в истории ледокол. Постановление о строительстве «Ленина» было подписано 20 ноября 1953 года. Строили быстро, кон-структорскую фазу закончили за три года и в 1956 году заложили судно на Ленинградском судостроительном заводе.

Опытная эксплуатация судна быстро пере-шла в регулярную. «Ленин» оказался незаме-ним. Первым капитаном был назначен Павел Пономарев, ранее работавший на легендарных «Ермаке» и «Красине». «Ленин» провел навига-цию 1960/61 года, после чего Пономарев по состоянию здоровья ушел в отставку, а капи-танский мостик занял Борис Соколов, ранее работавший дублером капитана. На посту капитана Соколов оставался до 2001 года.

За первых шесть сезонов навигации «Ленин» провел через льды 457 судов, пройдя более 115 тысяч километров по Северному морскому пути. В 1967 году на атомоходе провели уни-кальную операцию по замене реактора. «Ленин» отбуксировали в район захоронения реактора около Новой земли, с помощью куму-лятивных зарядов вырезали отсек с реактором вместе с обшивкой, затопили прямо под суд-ном, а потом отбуксировали судно с огромной дырой в Мурманск для установки нового реак-тора и восстановления обшивки.

В июне 1971 года ледокол «Ленин» первым из надводных судов прошел севернее Северной Земли. Рейс начался в Мурманске и закончил-ся в Певеке. Таким образом была подготовле-на экспедиция ледокола «Арктика» на Северный полюс в 1977 году.

12 сентября 1959 года

60 ЛЕТ НАЗАД

ЛЕДОКОЛ «ЛЕНИН»

проработал 30 лет, в 1989 году был выведен из эксплуатации и поставлен на вечную стоянку в Мурманске.

В октябре 2018 года ледоколу «Ленин» вручили паспорт о присвоении статуса объекта культурного наследия федераль-ного значения России. Сейчас на ледоколе действует музей, ведутся работы по рас-ширению экспозиции.

«Ленин» оказался удачным проектом и дал начало целому флоту советских атомных ледоколов. За ним последовали «Арктика», «Сибирь», «Россия» и другие. «Арктика» в 1977 году стала первым над-водным судном, достигшим Северного полюса, а в 1991 году Севморпуть был открыт для международной навигации,

и атомные ледоколы занялись проводкой не только российского флота, но и ино-странных судов. За рубежом атомного ледокола так никто и не построил; нигде нет своего Севморпути, как кратчайшей дороги между двумя концами страны. В Канаде Северо-Западный проход проле-гает южнее и доступен обычным судам ледового класса.

Все 10 существующих в мире атомных ледоколов (хотя один из них на самом деле является не ледоколом, а атомным лихтеровозом с ледокольным носом) были спроектированы в СССР и России.

ДНИ РОЖДЕНИЯ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ АУЗАН

Декан экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор

**РОДИЛСЯ 11 ИЮЛЯ
1954 ГОДА В НОРИЛЬСКЕ, СССР**

В детстве Александр Аузан интересовался историей, затем — философией. Желая соединить оба эти увлечения, поступил на экономический факультет МГУ и, по словам ученого, не прогадал. Выбранная профессия подарила профессору возможность заниматься и историей, и философией, не изменяя профессиональной позиции экономиста, и достичь выдающихся успехов в деле развития институтов гражданского общества в России.

Александр Аузан стоял у истоков формирования государственной системы защиты прав потребителей. В конце 1980-х годов экономист стал одним из инициаторов создания российских обществ по защите прав потребителей. В течение 10 лет, с 1992 по 2002 год, был президентом Международной конфедерации обществ потребителей (КонфОП) — крупнейшего объединения потребительских организаций из регионов России и стран СНГ.

Александр Аузан также участвовал в разработке закона «О защите прав потребителей», который был принят в 1992 году, выступал за неформальное объединение гражданских организаций и создание нового общественного договора.

В начале 1990-х годов Александр Аузан занимался созданием кредитных потребительских кооперативов граждан (кредитных союзов), а в 1994-м стал первым председателем совета Лиги кредитных союзов.

Ученый уверен, что степень развития кредитной кооперации в стране отражает «уровень доверия между гражданами в обществе»: «широкое распространение кредитной кооперации — признак того, что в стране существуют условия для развития гражданского общества, низкое — значит, люди не верят друг другу и рассчитывают на помощь начальства», в таком случае речь о гражданском обществе не идет.

Вклад профессора Аузана в становление гражданского общества и проведение экономических реформ в России, его выдающиеся заслуги в развитии и преподавании экономической теории, в просветительской и публицистической деятельности были не раз отмечены орденами и медалями.

По признанию экономиста, главным мотивом для него и стимулом к научной деятельности является поиск ответа на вопрос о возможности изменения общественного договора для того, чтобы сменить траекторию развития страны с низкой на более высокую, потому что «все попытки перехода России на высокую траекторию развития вот уже несколько столетий неизменно срываются, и страна раз за разом возвращается к застою», этот так называемый «эффект колеи» — серьезный вызов для России, а поиски его решения — вызов для отечественной экономической науки.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Александра Александровича с юбилеем.

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ БУЗГАЛИН

Вице-президент ВЭО России, директор Института социэкономии Московского финансово-юридического университета МФЮУ, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук

**РОДИЛСЯ 19 ИЮЛЯ
1954 ГОДА В МОСКВЕ, СССР**

Александр Бузгалин окончил экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова в 1976 году, стал кандидатом, а затем и доктором экономических наук, заслуженным профессором и последние 40 лет работает на экономическом факультете.

С середины 1980-х годов Александр Владимирович принимает активное участие в общественно-политической жизни. Начинать с организации дискуссионного кружка в МГУ, затем был клуб независимых марксистских исследований. Как представитель этого клуба, ученый был одним из инициаторов создания Федерации социалистических общественных клубов, затем основал с коллегами Марксистскую платформу в КПСС. В начале 1994 года Александр Владимирович сконцентрировал усилия на организации научно-теоретической и пропагандистской работы — так появилось движение «Ученые за демократию и социализм».

Сегодня ученый является директором Института социэкономии Московского финансово-юридического университета, членом редакционного Совета ряда отечественных и международных журналов, ведет активную научно-теоретическую и публицистическую деятельность, читает лекции и выступает с докладами на конференциях в самых известных мировых университетах — в США, Великобритании, Франции, Китае, ФРГ, Бельгии. Много лет профессор Бузгалин занимается исследовательской работой. На его счету более 350 опубликованных работ. В центре интересов Александра Владимировича — вопросы марксистского метода исследований, развития общественно-политической борьбы, теории социализма, новые социальные движения граждан.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Александра Владимировича с юбилеем.

МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ШМАКОВ

Член Президиума ВЭО России, председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов (стран СНГ), профессор

**РОДИЛСЯ 12 АВГУСТА
1949 ГОДА В МОСКВЕ, СССР**

Михаил Викторович Шмаков окончил Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана в 1972 году. После выпуска работал по специальности — инженером в ЦНИИ автоматизации и гидравлики, где занимался разработкой и испытаниями ракетной техники и участвовал в создании космической системы «Буран».

Более 30 лет Михаил Викторович состоит на профсоюзной работе. В 1986 году профессор был избран председателем Московского городского комитета профсоюза рабочих оборонной промышленности, в 1990-м — председателем Московского городского совета профсоюзов, в том же году стал первым председателем Московской федерации профсоюзов.

В 1993 году Михаил Шмаков занял пост председателя Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) и с тех пор шесть раз переизбирался на эту должность. ФНПР выступает за «справедливую экономику» и придерживается позиций, что «государство должно занять более активную позицию в части создания новых производств, предоставления доступного кредита реальному сектору экономики, а не финансовым спекулянтам».

«Вы посвятили свою жизнь развитию профсоюзного движения в нашей стране и на протяжении многих лет вносите значимый вклад в совершенствование трудового законодательства, обеспечение прав, интересов и социальных гарантий граждан России. Ваша ответственная, востребованная деятельность служит укреплению стабильности в обществе и достойна самого глубокого уважения», — подчеркнул президент Владимир Путин в поздравительной телеграмме востребованности деятельности Михаила Викторовича как профсоюзного лидера.

Заслуги Михаила Викторовича также отмечены рядом государственных орденов и наград.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Михаила Викторовича с юбилеем.

95
лет

МАКСИМ МАТВЕЕВИЧ ЗАГОРУЛЬКО

Действительный член Сената ВЭО России, заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор

**РОДИЛСЯ 23 АВГУСТА
1924 ГОДА В СТАНИЦЕ СТАРОНИЖЕСТЕБЛИЕВСКАЯ
КУБАНСКОГО ОКРУГА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОБЛАСТИ
РСФСР**

Почетный гражданин Волгограда Максим Матвеевич Загорулько родился в особенный для жителей города день — 23 августа. В этот день в 1942 году Сталинград был практически уничтожен фашистами. Защищая Сталинград, Максим Матвеевич командовал отделением в пехоте. Затем был снайпером, воевал на самоходной установке, пять раз горел в своей боевой машине, был ранен. Семья даже получила на него похоронку. Он прошел всю Великую Отечественную войну, а после демобилизации поступил в Ставропольский государственный педагогический институт. Стал ученым, профессором.

В 1971–1980 годах Максим Матвеевич возглавлял Волгоградский государственный педагогический институт, с 1980 по 1995 год — Волгоградский государственный университет, а с 1995 года — Научно-исследовательский институт проблем экономической истории России XX века.

В 2014 году за «многолетнюю плодотворную работу по подготовке научных кадров» Максим Матвеевич был удостоен ордена Александра Невского.

Сегодня, несмотря на преклонный возраст, ученый продолжает участвовать в общественной жизни города — руководит центром по изучению Сталинградской битвы, который был создан по его инициативе.

В 2018 году биография Максима Матвеевича вышла в серии «Жизнь замечательных людей», что вызвало в юбиляре смешанные чувства: ученый считал такое выделение его заслуг несক্রомным.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Максима Матвеевича с юбилеем.

90
лет

АНАТОЛИЙ ДАНИЛОВИЧ ШЕРЕМЕТ

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель кафедры учета, анализа и аудита экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный экономист РФ, заслуженный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, д.э.н.

**РОДИЛСЯ 2 СЕНТЯБРЯ
1929 ГОДА В ДЕРЕВНЕ ГОЛОВЛИНКА ТУЛЬСКОЙ
ОБЛАСТИ, СССР**

Анатолий Данилович всю жизнь отдал кафедре учета, анализа и аудита хозяйственной деятельности экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 60 лет ученый является ее членом, а последние 37 — руководителем. Исследования профессора положили начало новому перспективному направлению в развитии бухгалтерского учета, анализа и аудита и были отмечены Ломоносовской премией второй степени.

В 80-е Анатолий Данилович принимал активное участие в подготовке российских бухгалтеров и аудиторов, отвечающих требованиям рыночной экономики. Много сделал для того, чтобы в СССР появилась первая профессиональная общественная организация учетных работников «Ассоциация бухгалтеров СССР», которая после распада Союза была преобразована в «Ассоциацию бухгалтеров и аудиторов «Содружество»». Ассоциация, которую возглавлял Анатолий Данилович, разработала программы подготовки бухгалтеров и аудиторов к квалификационным экзаменам и принимала их у слушателей. По инициативе и при личном участии Анатолия Даниловича при кафедре учета, анализа и аудита хозяйственной деятельности был создан один из первых в стране учебных центров по подготовке бухгалтеров и аудиторов, обучивший 43 тысячи слушателей. Профессор принимает активное участие в работе Вольного экономического общества России с момента его возрождения в новой России.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Анатолия Даниловича с юбилеем.

90
лет

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ РЫЖКОВ

Член Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, экс-председатель Совета Министров СССР

**РОДИЛСЯ 28 СЕНТЯБРЯ
1929 ГОДА В ПОСЕЛКЕ ДЫЛЕЕВКА
УКРАИНСКОЙ ССР**

«...Тяжелое военное детство, голодная юность, напряженнейшая четвертьвековая работа на заводе-гиганте “Уралмаш”, двадцатилетняя жизнь и деятельность в различных московских коридорах власти, а затем — Госдума России и ныне Совет Федерации», — вспоминает свою непростую жизнь Николай Иванович в предисловии к новому изданию — 10-томнику трудов юбиляра, вышедшему в этом году в Издательском доме «Экономическая газета».

В ноябре 1982 года Николай Иванович был назначен секретарем ЦК КПСС, заведующим Экономическим отделом, основной задачей которого было сформулировать концепцию будущего развития страны, перехода на новую экономическую модель. Ее положения были взяты за основу Горбачевым, когда он провозглашал начало «перестройки».

Возглавляя правительство страны, Николай Иванович «стоял за постепенный и щадящий переход на современные методы и формы хозяйствования

с социальной направленностью и необходимым государственным участием, на рыночные отношения». «Если бы была принята программа моего правительства о переключении экономики на рынок в течение шести-восьми лет, а не за 500 дней, на которых настояли авантюристы, убежден, что не обрушилось бы оставшееся без опорки огромное и тяжеловесное здание государственности и не погребло бы под собой десятки миллионов жизней», — пишет Николай Иванович.

Однако одним из главных дел своей жизни юбиляр считает не работу по развитию российской государственности, не законотворческую деятельность, а участие в создании и развитии мемориального комплекса «Прохоровское поле», цель которого — рассказать о подвиге русских солдат в Прохоровском танковом сражении, переломившем ход Курской битвы. Почти четверть века Николай Иванович возглавляет его почетельский совет.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Николая Ивановича с юбилеем.

ЧУДЕСА ПЕТРА БАРКА

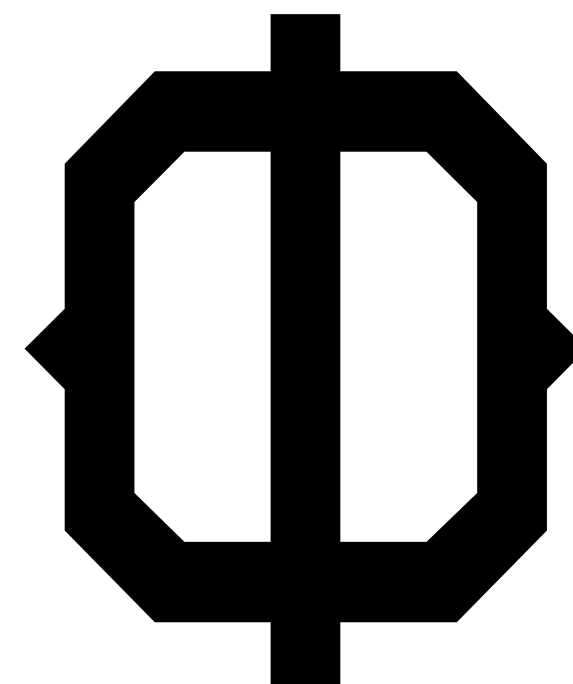
150 лет назад родился Петр Львович (Людвигович) Барк, последний министр финансов Российской империи.

ФИНАНСИСТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Когда в 1914 году стало известно о назначении Барка на пост министра финансов, один из современников спросил: «Как? Выдвигают Барка? Разве он так умен?» Ответил Витте: «Деньги-то платят разве за ум? Платят за нух только». Вот этот нух, скажем деликатнее — интуиция в обращении с государственными финансами, позволяя Барку творить чудеса. И вот главное чудо.

Первая мировая война началась через два месяца после назначения Петра Львовича министром финансов. 512 миллионов рублей — финансовая наличность, находившаяся в распоряжении царского правительства к 1 августа 1914 года. Две первые недели Мировой войны обошлись казне в 800 миллионов. Казалось очевидным, что рубль должен был бы стремительно превратиться в бесполезную бумажку. Этого не произошло. К началу 1917 года рубль сохранил 53,2% своей ценности и не утратил доверия населения и биржи.

В 1914 году, еще до начала войны, Барк дал указание перевести российские деньги из немецких банков-корреспондентов в Париж и Санкт-Петербург. В Германии были еще до войны ликвидирова-

ны российские депозитные счета. С началом войны по инициативе Барка был приостановлен размен кредитных билетов на золото.

Большую роль в стабилизации финансов с началом войны сыграли и давние личные связи Барка с зарубежными финансовыми воротилами. История сохранила для нас фотографию встречи руководителей финансовых ведомств стран Тройственного союза. Посмотрите на нее. За столом сидят Барк, Рибо и Ллойд Джордж. Барк просит у них кредиты, и они ему не отказывают.

КАРЬЕРНЫЙ РОСТ

Петр Львович Барк родился 18 апреля 1869 года в Екатеринославской губернии. Дед, лютеранин, арендовал имение в Лифляндской губернии. Отец, Людвиг Барк, был управляющим Великоанадольским лесничеством, по выслуге чина получил потомственное дворянство. Петр был крещен по православному обряду, по вере русской матери.

Окончив юридический факультет Санкт-Петербургского университета, работал в особенной канцелярии по кредитной части в Министерстве

финансов, часто выезжал в командировки в европейские столицы. Сергей Юльевич Витте послал молодого финансиста на полгода изучать банковское дело в банкирский дом Мендельсонов в Берлин и впоследствии вспоминал, что «это пошло Барку впрок». Витте и в дальнейшем оказывал Барку всемерную поддержку в его карьере, поручая воплощать в жизнь ряд своих проектов.

Разработанная Витте программа российской экономической экспансии на Среднем и Дальнем Востоке потребовала дельных исполнителей. Считавшийся как раз таковым Барк в феврале

В 1911 ГОДУ БАРК ПРОИЗВЕДЕН В ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СТАТСКИЕ СОВЕТНИКИ И НАЗНАЧЕН ТОВАРИЩЕМ МИНИСТРА ТОРГОВЛИ

1898 года получил новое назначение и стал председателем правления Учетно-судного банка в Персии, а через год вошел в правление Русско-китайского банка (оба банка были негласными филиалами российского Государственного банка). В 1901 году Барк также был избран товарищем председателя только что образованного фондового отдела Петербургской биржи, а еще через год по инициативе Витте стал директором правления общества Энзели-Тегеранской железной дороги и персидского страхового и транспортного обществ.

ПУТЬ НА ВЫСШИЙ ПОСТ

В феврале 1905 года Барк возглавил Санкт-Петербургскую контору Государственного банка, а год спустя стал товарищем управляющего банком Сергея Ивановича Тимашева. Толковый и компетентный чиновник, Барк рассматривался в финансовом ведомстве как вероятный кандидат на место Тимашева, но именно реальная вероятность этого назначения и заставила его подать в отставку из Министерства финансов. Настолько хлопотная и низкооплачиваемая руководящая должность на тот момент не входила в планы Барка. Он подал

«Трагедия России заключалась в том, что различные круги, искренне убежденные, что они одни — патриоты, одни понимают настоящие национальные цели страны и находятся на правильном пути к достижению процветания России, — с полным недоверием и даже ненавистью относились к инакомыслящим. Нетерпимость к другим вместо содружества во время Великой войны, когда требовалось полное единение для победы над грозным врагом, погубила великую империю», — Петр Барк.

в отставку с государственной службы и предпочел заняться коммерцией. В период с 1907 по 1911 год работал директором-распорядителем и членом правления Волжско-Камского коммерческого банка.

Вновь на госслужбу Барк был призван Петром Аркадьевичем Столыпиным. В 1911 году Барк произведен в действительные статские советники и назначен товарищем министра торговли и промышленности, все того же Тимашева. Назначен не без задней мысли. По словам бывшего в то время министром финансов Коковцова, это назначение имело своей целью «приручить» Барка и подготовить в его лице «более сговорчивого», чем Коковцов, министра финансов.

Трагическая гибель Столыпина отсрочила, но вовсе не отменила эти планы. 30 января 1914 года Барк был назначен на место управляющего Министерством финансов, вместо отправленного в отставку министра Коковцова, а три месяца спустя, 6 мая, занял пост министра финансов и шефа Отдельного корпуса пограничной стражи.

Еще до назначения на пост управляющего министерством, 26 января 1914 года, Барк

В АНГЛИИ ФИНАНСОВЫЕ ВОРОТИЛЫ ПРИВЛЕКАЛИ БАРКА К РАБОТЕ В КАЧЕСТВЕ ЭКСПЕРТА И СОВЕТНИКА

1 МАРТА 1917 ГОДА

Барка арестовал его собственный лакей, дезертировавший с фронта — в 1915 году Барк отказался помочь ему уклониться от призыва.

на Высочайшей аудиенции представил царю свою финансовую программу. Он категорически заявил: «Нельзя строить благополучие казны на продаже водки... Необходимо ввести подоходный налог и принять все меры для сокращения потребления водки». Спустя полгода по его инициативе законом от 16 сентября 1914 года торговля водкой на время войны была прекращена. Введение сухого закона имело неоднозначные последствия. С одной стороны, правительству удалось сократить потребление алкоголя, повысить производительность труда и снизить количество прогулов. Однако для покрытия дыры в бюджете были повышены акцизы на ряд других товаров повседневного спроса. При этом государству пришлось выплачивать компенсации владельцам ликеро-водочных, винных и пивных заводов и оставить без работы людей, занимавшихся производством и продажей спиртных напитков. Начало процветать тайное самогонование, потребление суррогатов, отравление ими, нарушение закона отдельными винозаводчиками.

НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ БАРК

Еще одно чудо заключается в том, что Петру Барку удалось удержаться на своем посту в период «министерской чехарды» 1915–1917 годов, несмотря даже на то, что в борьбе за его смещение принимали участие такие влиятельные политические фигуры, как министр внутренних дел Алексей Хвостов и председатель Совета министров Борис Штюрмер. Против него пытался интриговать имевший влияние на императрицу и входивший в окружение Распутина князь Михаил Андроников, темная личность, прозванный побирушкой.

«Мне постоянно приходилось идти на компромисс и маневрировать между сталкивающимися течениями», — пишет в своих мемуарах Петр Львович. Именно за это свое качество он и получил прозвище Непотопляемый Барк.

«Злой рок как будто тяготел над ним. Ни одно из его деяний, которые он предпринимал добросовестно и с наилучшими намерениями, не помешало его трагическому концу. Размышляя о его жизни, невольно вспоминаешь греческие трагедии, в которых герои, имевшие все добродетели, падают пораженные, преследуемые до конца неумолимой судьбой...», — Петр Барк.

Секрет его непотопляемости заключался и в уважительных отношениях с царем. Многочисленные попытки недоброжелателей добиться его отставки раз за разом разбивались об упорное нежелание Николая II пойти на поводу у камарильи и сдать ей компетентного министра. Император был непреклонен. «Если кто-нибудь заговорит со мной на эту тему, я покажу ему на дверь», — и указал на дверь своего кабинета, выходящую в приемную», — вспоминал Барк. Уважение было взаимным. Барк пишет о монархе как о человеке редкой душевной чистоты и обаяния: «...Император Николай II думал, что христианский идеал находится у простых, у крестьян. Недовольство, по его мнению, существовало только в тонкой прослойке интеллигенции. Император поэтому остерегался ее, но любил крестьянина, солдата. Простой верующий, смиренный, он чувствовал влечение к другим простым и смиренным».

В ЭМИГРАЦИИ

1 марта 1917 года Барка арестовал его собственный лакей, дезертировавший с фронта. В 1915 году Барк отказался помочь ему уклониться от призыва на фронт. Ордер на арест подписал Керенский, который пояснил, что «Комитет общественного спасения счел неудобным идти против волеизъявлений восставшего народа». В тюрьме Петр Львович провел лишь пять дней и был освобожден стараниями Михаила Ивановича Терещенко, министра финансов Временного правительства. После освобождения Петр Барк вместе с семьей уехал в Крым.

С 1920 года — они в эмиграции в Англии. Жили в Лондоне, где высшие финансовые круги привлекли Барка к работе в качестве эксперта и советника. Он имел в этом качестве вес и постепенно приобрел большой авторитет в правительственных кругах, состоял советником управляющего Банком Англии по делам стран Восточной Европы. Занимал руководящие посты в образованных под эгидой Банка Англии Англо-Австрийском, Англо-Чехословацком, Хорватском, Британском и Венгерском банках и в Банке стран Центральной Европы. Представлял директора Банка Англии в американском National City Bank.

В ТЮРЬМЕ ПЕТР БАРК

провел всего пять дней и был освобожден стараниями Николая Терещенко, министра финансов Временного правительства.

В 1929 году награжден английским орденом, примерным образом вел финансовые и имущественные дела эмигрировавших членов российского императорского дома, за что и был возведен в рыцарское достоинство королем Англии Георгом V. В 1935 году сэр Петр Барк принял английское подданство и получил титул баронета.

Эта карьера в эмиграции кажется еще одним чудом. Можно предположить, что в основе этого чуда не только природная финансовая сметка и интуиция Петра Львовича, но и его роль в вывозе российского золота в Англию перед Мировой войной. Тогда в банки Англии поступило 462 тонны золотого запаса Российской империи. В начале 1917 года в Англию было переправлено и 5,5 тонны личного золота Николая II.

Пётр Львович Барк скончался 16 января 1937 года в собственном имении около Марселя. Похоронен на русском кладбище в Ницце.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ВЫБЕРЕТ «ЭКОНОМИСТА ГОДА»

11 ноября 2019 года

в Колонном зале Дома союзов состоится церемония награждения победителей Общероссийской высшей общественной экономической премии «Экономист года».

**ПРЕМИЯ — ГЛАВНАЯ НАГРАДА ДЛЯ РОССИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА!**

● Наряду с престижными профессиональными наградами России — «Юрист года», «Учитель года» — премия является признанием профессиональных заслуг перед обществом и государством.

● Премия входит в комплекс мероприятий Всероссийского экономического собрания, посвященного профессиональному празднику «День экономиста», которое проводится ВЭО России при содействии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

**Премия может быть присуждена в каждой
из следующих номинаций:**

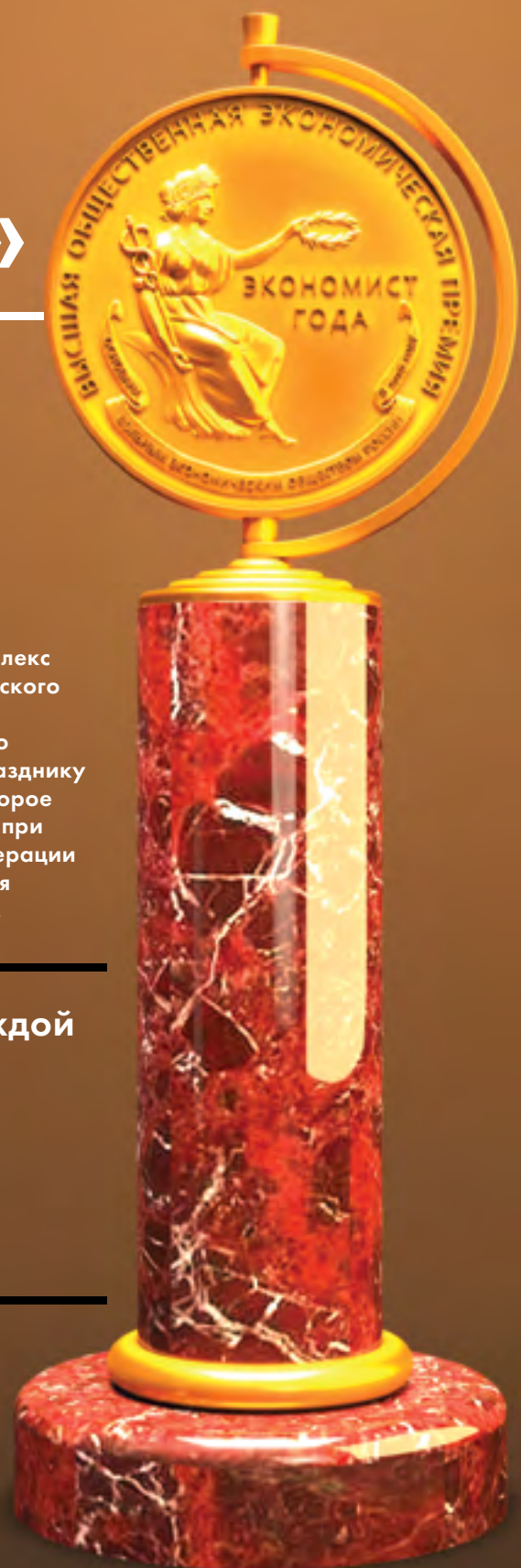
- «За практический вклад в развитие экономики Российской Федерации»
- «За вклад в экономическое образование и просвещение»
- «За вклад в развитие экономической науки»

Всероссийское
экономическое собрание
состоится

11 НОЯБРЯ 2019 ГОДА

в Колонном зале Дома
союзов.

Электронная регистрация на мероприятие будет открыта в середине сентября 2019 года на сайте ВЭО России: www.veorus.ru

ФЕСТИВАЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЭКОНОМИКА = ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Фестиваль экономической науки — всероссийский проект Вольного экономического общества России, который призван развить интерес к экономической науке и способствовать самореализации молодых экономистов-практиков.

**ФЕСТИВАЛЬ ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ КОМПЛЕКС МЕРОПРИЯТИЙ
РЕГИОНАЛЬНОГО И ФЕДЕРАЛЬНОГО УРОВНЯ.**

ЭТАПЫ ФЕСТИВАЛЯ:

1 Федеральные и региональные проекты, которые входят в перечень мероприятий Фестиваля.

2 Всероссийский финал Фестиваля. Ключевыми мероприятиями Фестиваля являются: Всероссийский конкурс научных работ молодежи «Экономический рост России», Всероссийский экономический диктант, мероприятия на площадках высших учебных заведений и администраций субъектов РФ.

**ФИНАЛ ФЕСТИВАЛЯ
СОСТОИТСЯ 26 СЕНТЯБРЯ 2019 ГОДА
В МОСКОВСКОМ АВИАЦИОННОМ ИНСТИТУТЕ**

К участию в Фестивале экономической науки приглашаются победители и лауреаты Всероссийского конкурса научных работ молодежи «Экономический рост России», участники и призеры Молодежной секции МАЭФ-2019, отличники Всероссийского экономического диктанта, победители Международного научного студенческого конгресса на тему: «Образ будущего глазами студентов», посвященный 100-летию Финансового университета, победители олимпиад, конкурсных проектов партнеров Фестиваля.

Регистрация открыта на сайте ВЭО России: www.veorus.ru